ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ (УНИВЕРСИТЕТ)
МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

На правах рукописи

Хабибуллин Рауль Ильдарович

ЭВОЛЮЦИЯ ПОДХОДОВ К БОРЬБЕ С ТЕРРОРИЗМОМ НА ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Специальность 5.5.4. Международные отношения, глобальные и региональные исследования

Диссертация на соискание учёной степени
кандидата политических наук

Научный руководитель:
доктор политических наук,
профессор РАН, профессор
Барабанов Олег Николаевич

Москва – 2026

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 4
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ УГРОЗ И ПОЛИТИЧЕСКИХ РИСКОВ 35
1.1. Понятие транснационального терроризма и его сущность 35
1.2. Теоретический анализ террористических угроз и политических рисков в процессе эволюции постсоветского пространства 50
ГЛАВА 2. СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПОЛИТИКИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ НА ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ В КОНТЕКСТЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТЕРРОРИЗМУ 68
2.1. Международные организации и институты безопасности в сфере противодействия терроризму 68
2.2. Деятельность международных организаций в сфере противодействия терроризму на евразийском пространстве как подсистемы регионального комплекса антитеррористической безопасности 80
ГЛАВА 3. ОЦЕНКА ПЕРСПЕКТИВ РАЗВИТИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В ОБЛАСТИ БОРЬБЫ С ТЕРРОРИЗМОМ В РЕГИОНЕ БОЛЬШОЙ ЕВРАЗИИ 135
3.1. Формирование регионального комплекса безопасности на пространстве Большой Евразии 135
3.2. Эволюция политики России в сфере международного сотрудничества по противодействию терроризму 139
3.3. Подходы Индии к противодействию международному терроризму .. 167
3.4. Проблемы и возможности развития сотрудничества России и Индии в области борьбы с международным терроризмом 177
3.5. Китайская Народная Республика в рамках антитеррористического РКБ на евразийском пространстве 184

3.6. Политика Израиля по борьбе с международным терроризмом как пример отклоняющегося поведения в контексте большой евразийской системы безопасности 188
ЗАКЛЮЧЕНИЕ 198
БИБЛИОГРАФИЯ 208
ПРИЛОЖЕНИЯ 246

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. В последние десятилетия терроризм стал одной из наиболее серьезных угроз международному миру и безопасности. Глобализация, стирающая национальные границы и приводящая к большей открытости стран мира, и революция в информационно-коммуникационной сфере, связанная с активным развитием потенциала Интернета, привели к тому, что террористическая угроза начала интернационализироваться, приобретая характер транснациональной угрозы. Глобализация, интеграционные процессы в мировой экономике и общее сращивание социальных, экономических и политических сфер государств друг с другом приводят к повышению мобильности субъектов терроризма[1], а глобальное информационное пространство в виртуальном мире Интернета и социальные сети позволяют как вести террористическую активность, в т.ч. вербовать сторонников и распространять деструктивные идеи, игнорируя географические рамки и осуществляя деятельность из любой точки мира[2], так и управлять крупными террористическими сетями, имеющими филиалы и ячейки в разных странах мира[3].

Помимо общего расширения и распространения террористической угрозы, с дальнейшим общественным и научно-техническим развитием она видоизменяется, приобретая новые формы. В частности, развитие Интернета и информационно-коммуникационных технологий открывает путь к формированию кибертерроризма. Развитие технологий и распространение опыта и знаний о создании оружия массового уничтожения (ОМУ) ведет и к появлению технологического, биологического, химического и даже

---

[1] Соловьев Э.Г. Трансформация террористических организаций в условиях глобализации. – М.: Букинист, 2006. – 56 с.

[2] Arquilla J., Ronfeldt D., Zanini M. Information-Age Terrorism // Current History. 2000. Vol. 99. № 636. P. 179-185.

[3] Фененко А.В. Сети и государства в мировой политике // Международные процессы. 2005. Т. 3. № 1. С. 113-116.; Arquilla J., Ronfeldt D. Networks and Netwars. The Future of Terror, Crime and Militancy. – Santa Monica, 2001. – 352 p.

ядерного терроризма. Дальнейший ход событий в науке, технике и общественном развитии могут привести к появлению новых форм терроризма. Технологическое развитие приводит и к увеличению опасности, разрушительности и летальности терактов. Усиление террористических организаций подтверждается расширением их влияния до такого уровня, который позволяет их в определенных пределах уравнивать с традиционными участниками мировой политики – государствами и международными организациями – и относить их к спектру негосударственных участников международных отношений, которые получили уже широкое освещение как в российской[4], так и в зарубежной научной литературе[5].

С учетом всего вышесказанного противодействие международному терроризму является актуальной и первостепенной задачей для каждого

---

[4] *См., напр.:* Варфоломеев А.А., Чумаков В.А. О сетевых идеях и неформальных акторах в современной мировой политике и международной безопасности // Право и безопасность. 2009. № 2 (31). С. 77-84.; Кривов С.В., Баранова Т.В., Старкин С.В., Рахманов Н.В. Террористические организации как гибридные акторы международно-политического процесса: новый вызов трансатлантическому сообществу // Международные отношения. 2022. № 2. С. 57-69.; Лебедева М.М. Акторы современной мировой политики: тренды развития // Вестник МГИМО-Университета. 2013. № 1 (28). С. 38-42.; Лебедева М.М. Современные тенденции развития транснациональных участников мировой политики // Негосударственные участники мировой политики / под ред. М.М. Лебедевой и М.В. Харкевича. – М.: Изд-во МГИМО, 2013. – С. 8-18.; Цыганков П.А. Негосударственные участники мировой политики // Обозреватель-Observer. 2013. № 9. С. 5-17.; Шляпников В.В. Негосударственные акторы мировой политики и трансформация глобального управления // Психолого-педагогические проблемы безопасности человека и общества. 2017. № 2 (35). С. 5-9.

[5] *См., напр.:* Aydinli E. Assessing Violent Nonstate Actorness in Global Politics: A Framework for Analysis // Cambridge Review of International Affairs. 2015. № 28 (3). P. 424-444.; Geeraerts G., Mellentin A. Analyzing Non-State Actors in World Politics: A Conceptual Approach. – Centrum voor Polemologie, 1994. – 36 p.; Josselin D., Wallace W. Non-State Actors in World Politics. – N.Y.: Palgrave Macmillan, 2001. – 307 p.; Mulaj K. Violent Non-State Actors in World Politics. – Columbia: Hurst, 2010. – 504 p.; Renalda B. The Ashgate Research Companion to Non-State Actors. – Burlington: Ashgate, 2011. – 596 p.; Risse T. Transnational Actors and World Politics // Carsnaes W., Risse T., Simmons B.A. Handbook of International Relations / ed. by W. Carlsnaes, T. Risse, B.A. Simmons. – London: Sage, 2002. – P. 255-254.; Rosenau J.N., Czempiel E.-O. Governance without Government: Order and Change in World Politics. – Cambridge University Press, 1992. – 324 p.; Slaughter A.-M. A New Order. – Princeton and Oxford, 2004. – 368 p.; Young O.R. The Actors in World Politics // The Analysis of International Politics / ed. by J.N. Rosenau, V. Davis, M.A. East. – New York: The Free Press, 1972. – P. 125-144.

государства, международной организации и мирового сообщества в целом. В то же время, борьба с международным терроризмом как с транснациональной угрозой, возникающей в одной стране и быстро «расползающейся» по соседним странам и регионам (а в условиях развития Интернета – охватывающей наиболее широкие географические рамки за короткий период времени), не может вестись ни одним государством в одиночку. В этой связи требуется эффективное развитие международного сотрудничества на разных уровнях и в различных направлениях, чтобы противодействовать террористической угрозе.

Актуальной эта задача является и для евразийского региона, который находится в особенно опасном положении с точки зрения потенциала распространения здесь террористической активности. Во-первых, одним из основных источников международного терроризма сегодня выступает радикальный исламизм, в то время как исламский мир располагается на евразийском континенте и бóльшая часть мусульман проживает здесь же. В результате, евразийские страны граничат с основными районами возникновения терроризма, которые охватывают Ближний Восток и Северную Африку. Во-вторых, благотворное влияние на распространение терроризма оказывает недостаточный уровень развития большинства располагающихся в азиатской части континента государств – с точки зрения слабости политических институтов, недостаточного социально-экономического развития и сравнительно низкого уровня жизни, невысокого уровня образованности населения и т.д. В-третьих, возникают новые формы терроризма, среди которых основную угрозу России в настоящее время представляют теракты со стороны Украины. В августе 2023 года в штат Министерства иностранных дел Российской Федерации введена должность посла по особым поручениям по преступлениям киевского режима. На этот

пост был назначен бывший посол ЛНР в России Родион Мирошник[6]. Тем не менее подробное рассмотрение проблем террористических проявлений со стороны Украины может стать объектом будущих исследований, поскольку специальная военная операция (СВО) еще не завершилась, а выводы о феномене украинского терроризма сейчас делать преждевременно.

В 2015 году началась разработка инициативы Большого евразийского партнерства (БЕП), выдвинутой Президентом Российской Федерации В.В. Путиным[7]. В основу инициативы были положены координация и сотрудничество между различными интеграционными проектами на пространстве Евразийского континента. В феврале 2024 года Президент России В.В. Путин в Послании Федеральному Собранию отметил необходимость формирования нового контура равной и неделимой безопасности в Евразии, а также выразил готовность к предметному разговору с заинтересованными сторонами по данной тематике[8]. Можно считать, что именно БЕП послужило прообразом инициативы о новой архитектуре евразийской безопасности. Далеко выходя за рамки существующих институтов и проектов, они сходны по своему континентальному размаху[9].

В этой связи евразийскому пространству особенно остро требуется совершенствование механизмов и средств для противодействия транснациональной террористической угрозе. Этот факт предопределяет актуальность исследований в данной области.

---

[6] МИД ввел должность особого посла по «преступлениям киевского режима» // РБК. URL: https://www.rbc.ru/rbcfreenews/64ef32449a7947c3afb16559 (дата обращения: 30.08.2025)

[7] Об инициативе Большого евразийского партнерства // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 03.12.2025. URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/economic_diplomacy/2062732/ (дата обращения: 09.02.2026)

[8] Послание Президента Федеральному Собранию // Официальный сайт Президента России. 29.02.2024. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/73585 (дата обращения: 09.02.2026)

[9] Тимофеев И.Н. Архитектура евразийской безопасности: генезис, принципы и возможные направления развития // РСМД. 10.12.2025. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/arkhitektura-evraziyskoy-bezopasnosti-genezis-printsipy-i-vozmozhnye-napravleniya-razvitiya// (дата обращения: 09.02.2026)

Географические рамки исследования. Настоящее исследование охватывает распространенные в отечественной политической мысли[10] настоящего времени подходы к евразийству, как к пространству «Малой» и «Большой Евразии», где «Малое» евразийство распространяется на институты сотрудничества, связанные преимущественно с Россией, постсоветским пространством и близлежащими странами (обычно под ними в отечественной литературе понимается евразийское пространство), в то время как «Большая Евразия» охватывает более широкий географический регион и включает в себя другие азиатские страны (в частности, анализируемые в настоящем исследовании Индию и Китай). Что касается обращения на Запад – к европейским институтам безопасности, в попытке представить единое пространство безопасности «от Лиссабона до Владивостока», то европейский регион не рассматривается в настоящем исследовании.

При этом, автор понимает всю условность термина «Малая Евразия» и его меньшую распространенность в научной литературе и политической публицистике, чем «Большая Евразия».

Автор оперирует понятиями «Малая» и «Большая Евразия», где под Малой Евразией понимается привычное для российского дискурса определение пространства, охватываемого постсоветскими странами, в то время как Большая Евразия является территорией, выходящей за пределы постсоветского пространства. Ее границы четко не определены, однако в последние годы к ней можно относить государства, взаимодействующие с международными институтами постсоветского пространства.

В работе предпринимается попытка проанализировать процессы сопряжения систем антитеррористической безопасности в контексте Большой Евразии. Для этого берутся три государства в качестве примеров – Индия (более подробно) и Китай (в качестве дополнительного примера), которые

[10] Дугин А. Г. Геополитика постмодерна. Времена новых империй. Очерки геополитики XXI века / Александр Дугин. — СПб.: Амфора. ТИД Амфора, 2007. - 382 с.

расширяют свои связи с институтами евразийского пространства, и Израиль, который, напротив, склоняется в пользу евроатлантической системы безопасности. Подобный подход необходим для более четкого понимания концепта комплекса региональной антитеррористической безопасности в Большой Евразии, выдвигаемого в настоящей работе. Можно заметить, как Индия и Китай расширяют свои взаимосвязи с Россией и другими странами постсоветского евразийского пространства, в то время как Израиль, наоборот, в своей антитеррористической борьбе ориентируется на западные страны, чем отграничивает себя от описываемого в настоящей работе регионального комплекса безопасности (РКБ).

Хронологические рамки исследования. Исследование охватывает период с 1991 года (с образования постсоветского пространства) и по настоящее время. Основной акцент делается на современном периоде развития антитеррористической борьбы в рассматриваемом регионе.

Степень разработанности темы исследования. В силу своей особой актуальности и значимости проблема международного терроризма широко освещается в научной литературе. Всю имеющуюся научную литературу по теме исследования можно подразделить на отдельные группы:

1. Общетеоретическим проблемам терроризма посвящены работы таких российских авторов, как В.А. Абрамов[11], Ю.И. Авдеев[12], Д.Ю. Базаркина[13],А.К. Боташева[14], О.В. Будницкий[15], И.Н. Бурганова[16],

[11] Абрамов В.А. Международный терроризм - возрастающая угроза национальной безопасности России / В.А. Абрамов, Г.А. Антонов. - Чита, 2005. - 166 с.

[12] Терроризм как социально-политическое явление: противодействие в современных условиях: монография / [Авдеев Ю. И. и др.] ; под ред. В. Ю. Бельского, А. И. Сацуры. - Москва: Юнити, 2015. - 367 с.

[13] Базаркина Д.Ю. Угроза терроризма в современном мире: коммуникационный аспект // Медиа. Информация. Коммуникация. 2012. № 3. С. 10 (С. 10-12).

[14] Боташева А.К. Политический терроризм: детерминация и формы проявления: дис. ... канд. полит. наук. – Ставрополь, 2004. – 183 с.

[15] Будницкий О.В. Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX – начало XX века). М.: РОССПЭН, 2016. С. 12.

[16] Бурганова И.Н. Террористические организации (на примере ИГ) и государство как акторы системы международных отношений: сравнительный анализ // PolitBook. 2018. № 4. С. 135-143.

В.И. Василенко[17], С.С. Веселовский[18], В.В. Витюк[19], Д.А. Волжанин[20], Т.В. Герасименко[21], С.У. Дикаев[22], Н.С. Дубков[23], В.П. Емельянов[24], В.А. Иванов[25], А.В. Змеевский[26], И.М. Ильинский[27], В.Я. Кикоть[28], А.А. Кириченко[29], А.П. Кузнецов[30], Р.М. Курбанов и К.М. Курылев[31],

[17] Василенко В.И. Терроризм как социально-политический феномен (монография) - М.: Изд-во РАГС, 2002.

[18] Веселовский С.С. Многостороннее сотрудничество в борьбе с транснациональным терроризмом. М.: Навона, 2009. 272 с.

[19] Терроризм в современном мире: истоки, сущность, направления и угрозы / отв. ред. В.В. Витюк, Э.А. Паин. – М.: Институт социологии РАН, 2003. – 358 с.

[20] Волжанин Д.А. Террористические организации как политические акторы // Теории и проблемы политических исследований. 2022. Т. 11. № 5А. С. 126.

[21] Герасименко Т.В. Понятие и признаки терроризма // Закон и армия. Военно-правовая газета. 2005. № 8. С. 22-27.

[22] Дикаев С.У. Террор, терроризм и преступления террористического характера (криминологическое и уголовно-правовое исследование). – СПб: Юрид. центр Пресс, 2006. – С. 9.

[23] Дубков Н.С. Террористические организации как политические акторы // Теории и проблемы политических исследований. 2022. Т. 11. № 5А. С. 126.

[24] Емельянов В.П. Терроризм и преступления террористической направленности. – Харьков: Рубикон, 1997. – 176 с.

[25] Абашин С.Н., Бабаджанов Б.М., Германов В.А., Иванов В.А., Мухаметшин Ф.М., Шигабдинов Р.Н. Россия – Средняя Азия. Т. 2: Политика и ислам в XX – начале XXI вв. – М.: Ленанд, 2011. – С. 241.

[26] Змеевский А.В., Тарабрин В.Е. Терроризм. Нужны скоординированные усилия мирового сообщества // Международная жизнь. 1996. № 4. С. 14.

[27] Ильинский И.М. О терроре и терроризме. – М.: МГСА, 2001. – 76 с.; Ильинский И.М. Между прошлым и будущим // Альма Матер. 2006. № 4. С. 35-44.

[28] Терроризм: борьба и проблемы противодействия: учеб. пособие для студентов юрид. вузов / [С. Я. Казанцев и др.]; под ред. В. Я. Кикотя. - Москва: ЮНИТИ: Закон и право, 2004. - 592 с.

[29] Кириченко А.А. К вопросу о понятии терроризма // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 332. С. 105.

[30] Кузнецов А.П. Международный терроризм в условиях глобализации // Юридический мир. 2010. № 9. С. 8-13.

[31] Курылев К.М., Курбанов Р.М. Понятие «международный терроризм» согласно конструктивистской школе международных отношений // Журнал политических исследований. 2019. С. 87.

М.М. Лебедева[32], И.Ф.Луппов[33], Е.Г. Ляхов[34], А.Н. Маршакова[35], Г.И. Мирский[36], И.Р. Михеев[37], А.И. Моисеев[38], Э.А. Паин[39], А.В. Плотников[40], А.Д. Серикбаева[41], И.И. Синякин[42], А.Ю. Скуратова[43], Е.А. Степанова[44], А.Н. Сычев[45], В.Е. Тарабрин[46], А.Г. Хлебушкин[47], С.А. Эфиров[48] и др.

---

[32] Лебедева М.М. Современные тенденции развития транснациональных участников мировой политики // Негосударственные участники мировой политики / под ред. М.М. Лебедевой и М.В. Харкевича. – М.: Изд-во МГИМО, 2013. – С. 8-18.;

[33] Луппов И.Ф. Современный терроризм как политический феномен // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2009. № 103. С. 226.

[34] Ляхов Е.Г. Политика терроризма – политика насилия и агрессии. – М.: Международные отношения, 1987. – 185 с.

[35] Маршакова Н.Н. Международный терроризм в условиях глобализации // Юридический мир. 2010. № 9. С. 8-13.

[36] Мирский Г.И. Дракон встает на дыбы (О международном терроризме) // Мировая экономика и международные отношения. 2002. №3 С. 40-45.

[37] Михеев И.Р. Терроризм: понятие, ответственность, предупреждение. – М.: Право, 2013. – С. 36.

[38] Моисеев А.И. Проблема определения терроризма в международном праве // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 12 (49). С. 2923.

[39] Терроризм в современном мире: истоки, сущность, направления и угрозы / отв. ред. В.В. Витюк, Э.А. Паин. – М.: Институт социологии РАН, 2003. – 358 с.

[40] Плотников А.В. К вопросу юридического определения понятия «международный терроризм» // Вестник Российского университета дружбы народов. 2009. № 3. С. 114.

[41] Серикбаева А.Д. Террористические организации как политические акторы // Теории и проблемы политических исследований. 2022. Т. 11. № 5А. С. 126.

[42] Синякин И.И. Терроризм как международное преступление. Московский журнал международного права. 2009;(3):121-145.

[43] Скуратова А.Ю. Международное уголовное право: учебное пособие / под ред. А.Н. Вылегжанина. – М.: Проспект, 2021. – С. 250.

[44] Степанова Е.А. Терроризм в асимметричном конфликте на локально-региональном и глобальном уровнях: идеологические и организационные аспекты: дис. ... док. полит. наук: 23.00.04 / Степанова Екатерина Андреевна; науч. конс. В.Г. Барановский; ИМЭМО РАН. М., 2010. 413 с.;

[45] Сычев А.Н. Международный терроризм как крайне опасная угроза современному мироустройству: характер проблемы и пути международного противодействия // Белорусский журнал международного права и международных отношений. 2004. № 1. С. 29.

[46] Тарабрин В.Е. Терроризм. Нужны скоординированные усилия мирового сообщества // Международная жизнь. 1996. № 4. С. 14.

[47] Хлебушкин А.Г. Экстремизм: уголовно-правовой и уголовно-политический анализ / отв. ред. Н.А. Лопашенко. – Саратов: СЮИ МВД России, 2007. – С. 44.

[48] Эфиров С.А. Терроризм и перспективы социального согласия: новый формат проблемы // Терроризм в современном мире: истоки, сущность, направления и угрозы. М.: Изд. Институт социологии РАН, 2003. –358с.

Широко обсуждаются проблемы противодействия терроризму и в работах зарубежных авторов, таких как Р. Бакстер[49], Б. Гросскап[50], Р. Конквест[51], М. Креншо[52], У. Лакер[53], Дж. Левитт[54], Дж. Пимлотт[55], Б. Сол[56], К. Хейлброннер[57], А. Шмид[58] и др. Ими дан анализ терроризма как социально-политического явления, рассмотрены причинно-следственные связи политического терроризма с развитием общественных отношений, его зависимость от социально-политической и экономической обстановки. Данные авторы сосредоточили свое внимание на вопросах сущности и содержания терроризма, его места и роли в системе политической борьбы.

2. Работы Е.П. Кожушко[59], И.В. Кудряшовой[60], Н.Я. Лазарева[61], Д.В. Ольшанского[62], Б.Г. Путилина[63], коллективное исследование

---

[49] Baxter R.R. A Skeptical Look at the Concept of Terrorism // Akron Law Review. 1974. Vol. 7. № 3. P. 380-387.

[50] Grosscup B. The Explosion of Terrorism. – Far Hills, NJ: New Horizons, 1987. – P. 78.

[51] Conquest R. The Great Terror: Stalin’s Purge of the Thirties. — L.: Macmillan, 1969.

[52] Crenshaw M. Terrorism, Legitimacy and Power. Middletown, CT: Wesleyan University Press, 1983.

[53] Laqueur W. The Age of Terrorism. – Boston: Little Brown and Company, 1987. – P. 97.

[54] Levitt G. Is “Terrorism” Worth Defining? // Ohio Northern University Review. 1986. Vol. 13. P. 97.; Heilbronner K. Rechtsfragen der internationalen Terrorismusbekämpfung // Schweizerisches Jahrbuch für internationales Recht: Annuaire Suisse de droit international. – Schulthess Juristische Medien, 1991. – P. 25.

[55] Pimlott J. Encyclopedia of World Terrorism – Routledge, 1997. – P. 256.

[56] Saul B. Defining Terrorism in International Law. – Oxford: Oxford University Press, 2008. – P. 316.

[57] Heilbronner K. Rechtsfragen der internationalen Terrorismusbekämpfung // Schweizerisches Jahrbuch für internationales Recht: Annuaire Suisse de droit international. – Schulthess Juristische Medien, 1991. – P. 25.

[58] Schmid A.P., Jongman A.J. Political Terrorism: A Research Guide to Concepts, Theories, Data Bases and Literature. – New Brunswick, CT: Transaction Publishers, 1983. – P. 124.

[59] Кожушко Е.П. Современный терроризм: анализ основных направлений. – Минск: Харвест, 2000. – С. 20.

[60] Кудряшова И.В. Религиозный терроризм: Концептуальные проблемы политического анализа // Политическая наука. – М., 2018. – No 4. – С. 54–68.

[61] Лазарев Н.Я. Терроризм как социально-политическое явление: истоки, формы и динамика развития в современных условиях: автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.01 / Лазарев Николай Яковлевич; Москва, 2007. - 26 с.

[62] Ольшанский Д.В. Психология терроризма / СПб.: Питер, 2002. - 286 с.

[63] Путилин Б.Г. Международный терроризм: истоки, проблемы, противодействия / 2-е изд. - Москва: Рус. слово, 2008. – 150 с.

под редакцией В.В. Витюка и Э.А. Паина[64], коллективная работа под редакцией Р. Ховарда и Р. Сойера[65] посвящены анализу основных аспектов современного транснационального терроризма, что особенно важно для понимания угрозы, стоящей перед мировым сообществом. Ими исследуются мотивы действий террористов, а также идеологические корни терроризма.

3. В связи с тем, что в долгосрочной перспективе международному сообществу будет необходимо найти пути противодействия идеологической подоплеке современного терроризма с сильной религиозной составляющей, представляются интересными исследования, в которых анализируется взаимосвязь современного терроризма и ислама, а также проблемы исламского радикализма.

Эти вопросы отражены в работах А.Д. Богатурова[66], А.А. Игнатенко[67], Б.Ф. Ключникова[68], А.В. Малашенко[69], Г.И. Мирского[70] и др.

4. На уголовно-правовом и криминологическом уровне аспекты террористической деятельности исследуют А.Г. Волеводз[71], Л.Д. Гаухман[72],

---

[64] Терроризм в современном мире: истоки, сущность, направления и угрозы / отв. ред. В.В. Витюк, Э.А. Паин. – М.: Институт социологии РАН, 2003. – 358 с.

[65] Russel D. Howard, Reid L. Sawyer / Terrorism and Counterterrorism – Dushkin Pub Group, 2003. – P. 576.

[66] Богатуров А.Д. Между силой и влиянием государств // Сравнительная политика. – 2017. – № 1. – С. 44-57.

[67] Игнатенко А.А. Эндогенный радикализм в исламе // Центральная Азия и Кавказ. 2000. № 2(8). С. 126-127.

[68] Ключников Б.Ф. Исламизм, США и Европа: Война объявлена! / Москва: ЭКСМО: Алгоритм, 2003 – 316 с.

[69] Малашенко А.В. Исламская альтернатива и исламистский проект. М.: Издательство «Весь Мир», 2006. 221с.; Малашенко А.В. Политический ислам: мирное сосуществование или глобальное противостояние? // Отечественные записки 2001, No1. - С. 184-192; Малашенко А.В. Между реформами и коллапсом. Мусульманский мир в ожидании перемен. // Иракский кризис и становление нового мирового порядка. – М., 2004. – С.529-532.

[70] Мирский Г.И. Дракон встает на дыбы (О международном терроризме) // Мировая экономика и международные отношения. 2002. №3 С. 40-45.

[71] Волеводз А.Г. Международно-правовая криминализация международного терроризма // Вестник МГИМО-Университета. - 2014. - №2. - С. 150 – 160.

[72] Гаухман Л.Д. Уголовно-правовая борьба с терроризмом // Законность. 2001. № 5. С. 5-6.

В.В. Лунеев[73], К.В. Михайлов[74], Г.И. Морозов[75], В.В. Устинов[76] и др. Этими авторами предложен ряд практических мер, необходимых для профилактики и предотвращения экстремистских и террористических действий субъектов политики как на национальном, так и на международном уровнях.

5. Для непосредственной борьбы с терроризмом, в том числе и на международном уровне, представляют интерес труды Л.В. Брятовой[77], Д.А. Данилова[78], С.И. Илларионова[79], В.И. Кривохижи[80], И.Н. Куклиной[81], В.В. Луценко[82], И..Н. Морозова[83], А.И. Никитина[84], Д.В. Ольшанского[85],

---

[73] Лунеев В.В. Терроризм и организованная преступность в условиях глобализации мира / В. Н. Кудрявцев, Лунеев В.В., Петрищев В. Е // Борьба с терроризмом: сб. / сост. Л. В. Брятова; науч. ред. В. Н. Кудрявцев. – М: Наука, 2004. – С.5–80.

[74] Михайлов К.В. Уголовная ответственность за содействие террористической деятельности: тенденции современной уголовной политики. – Саратов: СЮИ МВД России, 2007. – С. 19.

[75] Морозов Г.И. Терроризм – преступление против человечества (Международный терроризм и международные отношения). 2-е, переработанное и дополненное издание. М., ИМЭМО РАН, 2001.

[76] Устинов В.В. Обвиняется терроризм / - Москва: ОЛМА-Пресс, 2002 (ПФ Красный пролетарий). – 412 с.

[77] Борьба с терроризмом: / Рос. акад. наук, Обществ.-консультатив. совет по проблемам борьбы с международным терроризмом: [сост. Л.В. Брятова]. - Москва: Наука, 2004 (ППП Тип. Наука). – 237 с.

[78] Данилов Д.А. Поиск новых методов борьбы с терроризмом — вызов мировой безопасности №1// РСМД. 2017. URL: https://russiancouncil.ru/2018/internationalsecurity.html#danilov (дата обращения: 27.03.2025); Россия и Запад после 11 сентября / под ред. Д.А. Данилова и А.Л. Мошеса – М.: Институт Европы, 2002.

[79] Илларионов С.И. Террор и антитеррор в современном мироустройстве / - Москва: РИЦ "ПрофЭко", 2003 (ПИК ВИНИТИ). - 592 с.

[80] В.И. Кривохижа Борьба с терроризмом: перспективы сотрудничества России и Запада / / Василий Кривохижа; Фонд "Мосты Восток-Запад". — Москва, 2002. — 40 с.

[81] Куклина И.Н. Мировой терроризм и международные структуры обеспечения безопасности // Мировая экономика и международные отношения. - 1968. - №1. - С. 25-33.

[82] Луценко В.В. Антибомбинг - гражданские технологии противодействия бомбовому терроризму / Ассоц. СтелЛс. - Москва: Шумилова, 2000. – 150 с.

[83] Морозов И.Н. Технологии против терроризма / Игорь Морозов. - Москва: ОЛМА-ПРЕСС, 2003 (ПФ Красный пролетарий). – 253 с.

[84] Никитин А.И. Проблемы противодействия терроризму / А. И. Никитин // Аналитические записки НКСМИ. – 2004. – № 2.

[85] Ольшанский Д. В. Психология терроризма / - СПб.: Питер, 2002. - 286 с.

В.Л. Шульца[86], работы О.К. Кронина[87], У. Лакера[88], Р. Сойера, П. Уилкинсона[89].

6. О развитии терроризма на постсоветском пространстве писали такие авторы, как С.Н. Абашин, Б.М. Бабаджанов и В.А. Германов, В.А. Иванов, Ф.М. Мухаметшин и Р.Н. Шигаблинов[90], С.А. Гаврилюк[91], Л.Ю. Гусев и В.В. Тихова[92], В.М. Захаров[93], И.Д. Звягельская[94], А.А. Игнатенко[95], А.А. Казанцев[96], З.А. Кокошина[97], Р.Ш. Курбанов и Д.С. Рязанов[98],

---

[86] Шульц В.Л. Терроризм в современном мире: [монография] / [В. Л. Шульц и др.]; науч. ред.: Ю. М. Антонян, В. Л. Шульц Российская акад. наук, Центр исслед. проблем безопасности, Общественно-консультативный совет по проблемам борьбы с международным терроризмом. - Москва: Наука, 2008. - 358, [1] с

[87] Cronin A.K. How terrorism ends: understanding the decline and demise of terrorist campaigns /- Princeton, N. J. Oxford: Princeton univ. press, cop. 2009. - XVI, 311, [2] с

[88] Лакер У. Терроризм эпохи постмодернизма // США-ЭПИ. 1997. № 2. С. 83.

[89] Wilkinson P. Terrorism and the liberal state / Paul Wilkinson. - London; Basingstoke: Macmillan press, 1977. - XIV, 257 с.

[90] Абашин С.Н., Бабаджанов Б.М., Германов В.А., Иванов В.А., Мухаметшин Ф.М., Шигабдинов Р.Н. Россия – Средняя Азия. Т. 2: Политика и ислам в XX – начале XXI вв. – М.: Ленанд, 2011. – С. 241.

[91] Гаврилюк С.А. Современный терроризм и обеспечение безопасности стран СНГ на постсоветском пространстве // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2014. № 7 (29). С. 30.

[92] Гусев Л.Ю., Тихова В.В. Вызовы безопасности на постсоветском пространстве // Обозреватель – Observer. 2019. № 1. С. 77.

[93] Захаров В.М. Возможная роль России и ОДКБ в разблокировании коммуникационных путей в Закавказье // 21-й век. 2012. № 5 (25). С. 27-52.; Захаров В.М. Состояние и перспективы развития Организации Договора о коллективной безопасности // Проблемы национальной стратегии. 2012. № 3. С. 84-97.

[94] Звягельская И.Д. Ближний Восток и Центральная Азия: глобальные тренды в региональном исполнении. – М.: Аспект пресс, 2018. – 224 с.

[95] Игнатенко А.А. От Филиппин до Косова: исламизм как глобальный дестабилизирующий фактор // Ислам и политика: сборник статей. – М.: Институт религии и политики, 2004. – С. 46.

[96] Казанцев А.А., Гусев Л.Ю. Угроза религиозного экстремизма на постсоветском пространстве. – М.: Центр изучения перспектив интеграции, 2017. – 80 с. *Цит. по:* Пащенко Л.В., Пащенко Р.В. Формирование системы противодействия терроризму на пространстве СНГ // Проблемы постсоветского пространства. 2021. № 8 (4). С. 439 (437-447).

[97] Кокошина З.А. Роль Шанхайской организации сотрудничества в противодействии терроризму и экстремизму на постсоветском пространстве // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2017. № 4. С. 100.

[98] Рязанов Д.С., Курбанов Р.Ш. Террористические сообщества и организации постсоветского пространства: динамика и метаморфозы, типология и структуры (по материалам электронных баз данных терроризма) // Общество: политика, экономика, право. 2016. № 11. С. 19.

А.В. Манойло и И.С. Шегаев[99], М.В. Муртазин[100], Л.В. и Р.В. Пащенко[101], К.И. Поляков[102], Е.Г. Пономарева[103], А.В. Охрименко[104] и др. По проблеме терроризма на постсоветском пространстве писали и зарубежные авторы, такие как Т. Гурр и Дж. Росс[105], Б. Хоффман[106] и др.

7. О деятельности СНГ в сфере борьбы с терроризмом писали такие авторы, как В.В. Алешин[107], И.Р. Аминов и Д.А. Галлямова [108], Е.А. Астишина и К.А. Феофанов[109], В.В. Бондуровский[110], В.С. Дядькова,

---

[99] Манойло А.В., Шегаев И.С. Террористический рекрутинг на постсоветском пространстве: современные тенденции и риски для России // Российский социально-гуманитарный журнал. 2018. № 2. С. 132.

[100] Муртазин М.Ф. Международные террористические организации и их деятельность на постсоветском пространстве // Россия и новые государства Евразии. 2017. № 4. С. 107.

[101] Пащенко Л.В., Пащенко Р.В. Формирование системы противодействия терроризму на пространстве СНГ // Проблемы постсоветского пространства. 2021. № 8 (4). С. 439 (437-447).

[102] Поляков К.И. Исламский экстремизм в Центральной Азии. – М.: Институт востоковедения РАН, 2014. – С. 5.

[103] Пономарева Е.Г. Противодействие экстремизму и терроризму: опыт балканских стран / Е.Г. Пономарева, Димитровска А. // Обозреватель. — 2018. — №10. — С. 37-53.

[104] Рязанов Д.С., Охрименко А.В. Терроризм в постсоветских государствах: общее и особенное (по материалам анализа электронных баз данных терроризма) // Теории и проблемы политических исследований. 2016. Т. 5. № 5А. С. 223.

[105] Ross J.I., Gurr T.R. Why Terrorism Subsides: A Comparative Study of Canada and the United States // Comparative Politics. 1989. № 21 (4). P. 405-426.

[106] Hoffman B. Holy Terror: The Implications of Terrorism Motivated by a Religious Imperative. – RAND Corporation, 1993. – P. 2.

[107] Алешин В.В. Нормативно-правовые основы антитеррористического сотрудничества в рамках СНГ, ОДКБ и ШОС // Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право. 2018. № 4 (17). С. 23 (С. 22-31).

[108] Галлямова Д.А., Аминов И.Р. Роль ШОС в международной безопасности // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. № 12-1. С. 80 (С. 79-81).

[109] Феофанов К.А., Астишина Е.А. Международное сотрудничество стран СНГ в сфере противодействия терроризму // Социально-гуманитарные знания. 2018. № 5. С. 187 (С. 187-203).

[110] Бондуровский В.В. Модельное законодательство СНГ и ОДКБ в сфере противодействия международному терроризму: состояние и направления совершенствования // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2016. № 1 (19). С. 58 (С. 57-63).

А.Е. Ефременкова, С.В. Зейналова[111], Р.Р. и Г.Ю. Каримовы[112], О.В. Репинская[113] и др.

8. В задачи Шанхайской организации сотрудничества, отмечающей в 2026 году свое 25-летие, также входит борьба с тремя основными дестабилизирующими силами: сепаратизмом, терроризмом и экстремизмом. Вопросы деятельности организации в противодействии терроризму нашли свое отражение в исследованиях таких авторов, как Г.Д. Агафонов и А.В. Болятко[114], А.Ю. Баранов[115], В.П. Зимонин[116], О.Е. Илькаева, А.В. Лукин и А.М. Тиморшина[117], Г.А. Каландаршоев[118], А.А. Кольтюков[119],

---

[111] Дядькова В.С., Ефременкова А.Е., Зейналова С.В. Противодействие терроризму на постсоветском пространстве в рамках СНГ, ШОС и ОДКБ: сравнительный анализ программных документов // Постсоветские исследования. 2024. № 6 (7). С. 642 (639-650).

[112] Каримов Р.Р., Каримова Г.Ю. Противодействие терроризму в рамках СНГ: нормативные и институциональные аспекты // Человек: преступление и наказание. 2016. № (93). С. 66 (С. 65-68).

[113] Репинская О.В. Сотрудничество по противодействию терроризму в формате СНГ // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 4. С. 175 (С. 174-178).

[114] Агафонов Г.Д., Болятко А.В. Взаимодействие России с Китаем и другими партнерами по Шанхайской организации сотрудничества. – М.: ИДВ РАН, 2008. – С. 57 (180 с.)

[115] Баранов А.Ю. Шанхайская организация сотрудничества: долгосрочные перспективы роста // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2009. № 2 (16). С. 151.

[116] Зимонин В.П. Шанхайская организация сотрудничества и евразийское измерение безопасности // Шанхайская организация сотрудничества: к новым рубежам развития: материалы круглого стола. – М.: ИДВ РАН, 2008. – С. 198-199.; Осетров А.В. Деятельность Региональной антитеррористической структуры ШОС по противодействию терроризму в Центральной Азии (2004 – 2005 годы) // Шанхайская организация сотрудничества: к новым рубежам развития: материалы круглого стола. – М.: ИДВ РАН, 2008. – С. 246-255.

[117] Лукин А.В., Илькаева О.Е., Тиморшина А.М. Дальнейшее развитие ШОС: проблемы и рекомендации // Шанхайская организация сотрудничества: от становления к всестороннему развитию: материалы Третьего заседания Форума ШОС / под ред. А.В. Лукина. – М.: МГИМО-Университет, 2008. – С. 6-22.

[118] Каландаршоев Г.А. Роль и место Шанхайской организации сотрудничества в системе международных отношений // Молодой ученый. 2020. № 48 (338). С. 109 (С. 108-110).

[119] Кольтюков А.А. Влияние Шанхайской организация сотрудничества на развитие и безопасность Центрально-Азиатского региона // Шанхайская организация сотрудничества: к новым рубежам развития: материалы круглого стола. – М.: ИДВ РАН, 2008. – С. 259 (С. 257-258).

И.Н. Комиссина и А.А. Куртов[120], М.В. Кулага[121], С.Г. Лузянин[122], Ю.А. Никитина[123], В.Н. Москаленко[124], А.В. Осетров[125], К.Х. Рахимов и А.К. Румянцева[126], а также зарубежными исследователями, такими как С. Арис[127], Э. Бреннан, Ч. Сяодун и Б. Эдстрём[128], Э. Монаган и Г. Платер-Зиберк[129] и др.

9. Немалое внимание терроризму уделяется и в рамках Организации договора о коллективной безопасности. Возможностям и проблемам антитеррористического сотрудничества в рамках ОДКБ посвящены работы

---

[120] Комиссина И.Н., Куртов А.А. Шанхайская организация сотрудничества // Россия в Азии: проблемы взаимодействия / под ред. К.А. Кокарева. – М.: РИСИ, 2006. – С. 252 (С. 251-316); Комиссина И.Н., Куртов А.А. Шанхайская организация сотрудничества // Россия в Азии: проблемы взаимодействия / под ред. К.А. Кокарева. – М.: РИСИ, 2006. – С. 261.

[121] Кулага М.В. Противодействие терроризму в рамках работы ШОС // Восточная Азия: прошлое, настоящее, будущее. 2021. № 6. С. 67 (С. 61-71).

[122] Лузянин С.Г. Пятеро против одного. Приоритеты России и Китая в рамках Шанхайской организации сотрудничества не совпадают // Независимая газета. 28.09.2004. URL: https://www.ng.ru/politics/2004-09-28/2_priorities.html (дата обращения: 26.03.2025)

[123] Никитина Ю.А. ОДКБ и ШОС как модели взаимодействия в сфере региональной безопасности // Индекс безопасности. 2011. № 2 (97). С. 50 (С. 45-53).;

[124] Москаленко В.Н. Проблемы безопасности: ШОС и Пакистан // Шанхайская организация сотрудничества: к новым рубежам развития: сборник материалов круглого стола. – М.: ИДВ РАН, 2008. – С. 351-368.

[125] Осетров А.В. Деятельность Региональной антитеррористической структуры ШОС по противодействию терроризму в Центральной Азии (2004 – 2005 годы) // Шанхайская организация сотрудничества: к новым рубежам развития: материалы круглого стола. – М.: ИДВ РАН, 2008. – С. 246-255.

[126] Румянцева А.К., Рахимов К.Х. Роль ШОС в противодействии терроризму в странах Центральной Азии // Постсоветские исследования. 2022. Т. 5. № 8. С. 839 (С. 835-846).

[127] S. The Shanghai Cooperation Organization: ‘Tackling the Three Evils’. A Regional Response to Non-Traditional Security Challenges or an Anti-Western Bloc? // Europe-Asia Studies. 2009. № 61 (3). P. 457-482.;

[128] Xiaodong Z. The Shanghai Cooperation Organization and Counter-Terrorism Cooperation: Asia Paper / ed. by B. Edström, E. Brennan. – Stockholm: Institute for Security and Development Policy, 2012. – 27 p.

[129] Plater-Zyberk H., Monaghan A. Strategic Implications of the Evolving Shanghai Cooperation Organization. – Carlisle, PA: Strategic Studies Institute, 2014. – 78 p.

Н.Н. Бордюжи[130], А.И. Никитина[131], Ю.А. Никитиной[132], И.Н. Панарина[133] и др.

10. Проводятся и страновые исследования, где противодействие терроризму рассматривается в пределах одного государства. Так, о терроризме в России писали такие авторы, как А.Г. Игнатенко[134], В.М. Кузьмина и А.С. Молодова[135], В.И. Руднев[136] и многие другие. Терроризм в Индии освещался такими авторами, как В. Каура[137], П. Чари[138], Х. Хаккани[139] и др. Факторы роста террористической угрозы на Балканах отражены в работах Е.Г. Пономаревой[140]. Феномен националистического терроризма в Испании самым подробным образом исследован С.М. Хенкиным[141].

Для автора особенно ценными представляются экспертные комментарии Чрезвычайного и Полномочного Посла Российской Федерации,

---

[130] Бордюжа Н. Н. Безопасность надежно обеспечат координация и сотрудничество // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2007. №10. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/bezopasnost-nadezhno-obespechat-koordinatsiya-i-sotrudnichestvo (дата обращения: 25.06.2025).

[131] Никитин А.И. Конфликты, терроризм, миротворчество / А.И. Никитин; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (Ун-т) МИД России, Проект сотрудничества МГИМО - БиПи. — Москва: Navona, 2009. — 231 с. табл.

[132] Никитина Ю.А. ОДКБ и ШОС как модели взаимодействия в сфере региональной безопасности // Индекс безопасности. 2011. № 2 (97). С. 50 (С. 45-53).

[133] Панарин И.Н. ОДКБ и безопасность Евразии // Обзор.НЦПТИ. 2016. №7. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/odkb-i-bezopasnost-evrazii (дата обращения: 22.03.2025).

[134] Игнатенко А.Г. Терроризм: взгляд в будущее // Обозреватель – Observer. 2012. № 7. С. 31.

[135] Кузьмина В.М., Молодова А.С. Роль России в борьбе с международным терроризмом // Актуальные проблемы международных отношений в условиях формирования мультиполярного мира: сборник научных статей 8-й Международной научно-практической конференции. – Курск: ЮЗГУ, 2019. – С. 187 (С. 187-189).

[136] Руднев В.И. Политическая, социально-экономическая несправедливость в мире и международный терроризм // Общественные науки и современность. 2010. № 3. С. 19.

[137] Каура В. Индийская политика борьбы против джихадистского террора: вызовы и перспективы // Connections QJ. 2017. Т. 16. № 4. С. 59 (С. 57-76).

[138] Chari P.R. National Counter Terrorism Centre for India: Understanding the Debate. IPCS Issue Brief 181. – New Delhi: Institute of Peace and Conflict Studies, 2012. – 4 p.

[139] Haqqani H. Prophecy and the Jihad in the Indian Subcontinent // Current Trends in Islamist Ideology. 2015. № 18. P. 5-17.

[140] Пономарева Е.Г. Балканский узел международного терроризма / Е.Г. Пономарева, Димитровска А. // Обозреватель. — 2018. — №5. — С. 37-51.

[141] Хенкин С.М. Националистический терроризм: ЭТА в Испании // Актуальные проблемы Европы. 2003. № 1. С. 173-195.

старшего научного сотрудника Кафедры интеграционных процессов МГИМО МИД России А.С. Азимова, в частности, по индийско-пакистанскому фактору в деятельности ШОС в контексте противодействия трансграничному терроризму[142].

Несмотря на большое внимание к проблеме терроризма в научной литературе, по-прежнему остается множество спорных вопросов – от теоретических (например, касательно определения и признаков терроризма, в отношении которых нет единства ни в научной литературе, ни в мировом сообществе) до практических (к примеру, в отношении преимуществ и недостатков действующих на постсоветском пространстве международных организаций). Недостаточно раскрытыми в научной литературе выступают объекты новизны данного исследования. В частности, в прошлых исследованиях почти не предпринимались попытки рассмотреть евразийское пространство как область объединяющихся систем антитеррористической безопасности. Авторы стремятся сфокусироваться на более конкретных объектах, таких как двустороннее сотрудничество евразийских государств в сфере борьбы с терроризмом, а также работа многосторонних институтов по борьбе с терроризмом. В настоящей работе разрабатывается авторское видение ответов на подобные вопросы.

Объект исследования – эволюция подходов к использованию инструментов и мер противодействия терроризму в рамках международного антитеррористического сотрудничества.

Предмет исследования – особенности международного сотрудничества в сфере борьбы с терроризмом на евразийском пространстве.

Цель исследования: выявить специфику подходов к борьбе с терроризмом на евразийском пространстве в рамках РКБ.

---

[142] Азимов А.С. Индийско-пакистанский и индийско-китайский факторы в деятельности Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) // New Eastern Outlook. 01.07.2025. URL: https://journal-neo.su/ru/2025/07/01/indijsko-pakistanskij-i-indijsko-kitajskij-faktory-v-deyatelnosti-shanhajskoj-organizaczii-sotrudnichestva-shos/ (дата обращения: 07.07.2025).

Задачи исследования:

- проанализировать понятие терроризма и его сущность;
- проследить трансформацию террористических угроз и политических рисков в процессе эволюции постсоветского пространства;
- на основании анализа деятельности международных организаций и институтов безопасности в сфере противодействия терроризму исследовать процесс сопряжения систем безопасности на пространстве Большой Евразии;
- исследовать специфику борьбы с терроризмом на постсоветском пространстве в качестве подсистемы формирующегося РКБ;
- проследить эволюцию политики России в сфере международного сотрудничества по противодействию терроризму;
- раскрыть подходы Индии к противодействию международному терроризму, выявить проблемы и возможности развития сотрудничества России и Индии в области борьбы с международным терроризмом;
- кратко проанализировать подход Китая к международному антитеррористическому сотрудничеству в качестве еще одного примера формирования РКБ на евразийском пространстве;
- проанализировать политику Израиля по борьбе с международным терроризмом как пример отклоняющегося поведения в контексте большой евразийской системы безопасности;
- определить практические пути использования концептуального инструментария РКБ для укрепления национальной безопасности Российской Федерации.

Методологическая основа исследования. В основе исследования лежит неореалистская парадигма, в соответствии с которой все государства

таким образом взаимодействуют в мировой системе, чтобы достичь важнейшей своей цели – безопасности[143].

Задействуется также институциональный подход, в соответствии с которым система противодействия терроризму (антитеррористической безопасности) рассматривается в качестве результата функционирования основных институтов, лежащих в ее основе[144]. В данном случае ими выступают международные соглашения, а также созданные во исполнение их положений международные организации, ответственные за обеспечение коллективной безопасности.

В третьей главе предпринимается попытка применить теорию региональных комплексов безопасности (РКБ) Б. Бузана и О. Уэвера к формирующемуся на евразийском пространстве комплексу региональной антитеррористической безопасности.

Теория РКБ была предложена авторами Копенгагенской школы Б. Бузаном и О. Уэвером в последней четверти XX века. Впервые РКБ определил Б. Бузан в 1983 году, описав под этим понятием группу государств, чьи проблемы и интересы в сфере безопасности настолько связаны друг с другом, что рассматривать их по отдельности нельзя[145]. Современное понимание РКБ было представлено Б. Бузаном совместно с О. Уэвером, где авторы указали, что проблемы объектов (государств), входящих в РКБ, не только не могут быть проанализированы по отдельности, но и не могут быть решены по отдельности[146].

К началу XXI столетия Б. Бузан и О. Уэвер полагали, что РКБ формируется на пространстве между ЕС и Россией. Действительно, еще

---

[143] Buzan, B.; Wæver, O.; Wilde, J. de. Security: A New Framework for Analysis. Boulder-London: Lynne Rienner, 1998. P. 12

[144] North D. Institutions, Institutional Change and Economic Performance. – New York: Cambridge University Press, 1990. – 159 p.

[145] Buzan B. People, States and Fear: The National Security Problem in International Relations. – Chapel Hill: The University of North Carolina Press, 1983. – P. 200 (262 p.)

[146] Buzan B, Wæver O. Regions and Powers: The Structure of International Security. – Cambridge: Cambridge University Press, 2003. – P. 44.

в первое десятилетие XXI века можно было наблюдать соответствующие тенденции. В настоящее время, однако, со сменой реалий глобального геополитического дискурса можно начать говорить о том, что новый РКБ создается на евразийском пространстве, причем он втягивает в себя не только государства, входящие в Малую Евразию, но и собирает вокруг себя страны со всего евразийского континента, не относящегося к Глобальному Западу. Как раз-таки на это указывает процесс расширения региональных организаций безопасности, таких как ШОС.

Для целей настоящей диссертации понятия «международный терроризм» и «транснациональный терроризм» рассматриваются как синонимы.

Среди применяемых методов задействуются общие методы исследования, такие как описание, сравнение, анализ и синтез. Также используются системно-исторический подход, метод критического анализа текстов официальных документов (в частности, анализ эволюции российской политики в отношении борьбы с терроризмом строится на исследовании концепций и стратегий национальной безопасности России), метод кейс-стади (при анализе российско-индийских отношений в рамках единства процессов на пространстве Большой Евразии, а также при анализе политики Израиля как примера государства, не входящего в евразийский РКБ).

Теоретическая и практическая значимость исследования. Полученные результаты могут быть использованы в дальнейших исследованиях по теме противодействия международному терроризму на евразийском пространстве. Усилить методологическую основу данного исследования в будущих работах можно путем сочетания предложенного здесь способа использования концепции РКБ Бузана и Уэвера вместе с наработками российской школы структурно-системного анализа

международных отношений, которая сложилась в МГИМО, и которая представлена в том числе в трудах М.А. Хрусталева и А.Д. Богатурова[147].

Использование данного теоретического подхода может, по мнению автора, стать эффективным инструментом для решения научной задачи, имеющей существенное значение для развития соответствующей отрасли знаний в международно-политических науках и в исследованиях международной безопасности.

С практической точки зрения результаты настоящей работы могут использоваться компетентными органами рассматриваемых здесь государств, в том числе и Российской Федерации, ответственными за развитие сотрудничества в сфере борьбы с терроризмом.

Поскольку противодействие терроризму является одним из ключевых приоритетов для обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, то предлагаемые в диссертации разработки и решения могут иметь существенное значение для развития страны.

Источниковая база исследования представлена международными договорами и иными международными документами, нормативными правовыми актами России и зарубежных государств, регулирующими отношения в сфере противодействия терроризму. Также в работе использованы данные, опубликованные на официальных ресурсах рассматриваемых международных организаций (СНГ, ШОС, ОДКБ и т.д.), а также материалы официальных российских и зарубежных органов, агентств и ведомств.

Положения, выносимые на защиту:

1. В ходе исследования сформулировано рабочее авторское определение терроризма, в соответствии с которым под ним понимается сложное социально-политическое явление и общественно опасная форма преступного

[147] Богатуров А.Д., Косолапов Н.А., Хрусталев М.А. Очерки теории и политического анализа международных отношений. – М., 2002. – 380 с.

поведения, в ходе которого совершаются насильственные действия или угроза таких действий для того, чтобы оказать устрашающее воздействие на конкретных лиц или все население в целом, дестабилизировать общественное и политическое положение и, таким образом, принудить органы власти к тому, чтобы они действовали в интересах террористов. Это определение применимо и к международному терроризму в современных условиях. Несмотря на наличие множества иных определений в международных и национальных правовых источниках, научном и экспертном сообществе, данное определение не только выделяет то, что автор настоящего исследования понимает под терроризмом, но и обобщает все важнейшие квалифицирующие признаки терроризма, изложенные в других источниках. Иные определения могут не покрывать эти вопросы или, наоборот, быть излишне избыточными, чтобы считаться достаточно эффективными для проведения анализа.

2. На постсоветском пространстве после распада СССР сформировались условия, благоприятствующие распространению здесь террористической угрозы. К этим условиям можно отнести распространение радикального исламизма в отдельных странах и регионах, утрату реального контроля над территорией и населением со стороны центральной власти, сложное социально-экономическое положение, идеологический вакуум после крушения коммунистической идеологии, большое количество внутригосударственных и межгосударственных противоречий, пособничество терроризму со стороны внерегиональных игроков, преследующих на постсоветском пространстве свои цели.

Терроризм 1990-х – 2000-х годов был преимущественно вызван распространением идеологии радикального исламизма. Несмотря на достаточно успешное преодоление этой проблемы на постсоветском пространстве, угроза его возвращения является постоянной, поскольку для этого сохранились условия. Этому способствуют многие факторы,

включая географическую близость региона к основным ареалам распространения терроризма, активную адаптацию террористических организаций к реалиям нового времени (появление новых форм терроризма, использование террористами новейших информационно-коммуникационных средств (ресурсов Интернета) для привлечения новых сторонников, использование разнообразных каналов финансирования, в т.ч. за счет отмывания доходов от преступной деятельности (основного источника формирования террористических ресурсов) и тайного спонсорства со стороны отдельных государств.

3. На основании анализа деятельности международных организаций в сфере борьбы с терроризмом можно выделить эффективное применение на практике принципа субсидиарности, при котором наиболее общие решения принимаются на универсальном уровне, а предметная работа ведется на уровне регионов мира. Проведенное исследование показало, что такие подходы являются более реализуемыми, поскольку более точно отвечают интересам узкого круга участников их принятия. Исходя из этого методологически в диссертации использована теория региональных комплексов безопасности (РКБ) и ее имплементация в международном сотрудничестве по борьбе с терроризмом как в Малой, так и в Большой Евразии.

В настоящее время можно наблюдать процесс сопряжения пространства безопасности в контексте Малой и Большой Евразии, о чем наиболее ярко говорит расширение региональных структур безопасности, таких как ШОС, за счет государств Глобального Юга. Можно говорить о формировании регионального комплекса антитеррористической безопасности, вокруг которого в настоящее время собираются развивающиеся страны на евразийском пространстве. Другие государства, имеющие близость взглядов на преодоление проблемы терроризма со странами Малой Евразии,

можно рассматривать в качестве участников формирующейся системы антитеррористической безопасности на большом евразийском пространстве.

4. Институты обеспечения безопасности на постсоветском пространстве можно рассматривать в качестве подсистемы формирующегося РКБ. На данный момент их нельзя однозначно охарактеризовать в качестве эффективных или неэффективных. С одной стороны, им удалось сформировать существенную правовую и организационно-институциональную базу для противодействия терроризму. На их уровне осуществляется обмен информацией, ведение баз данных, проведение учений, тренингов и операций, оказание уголовной помощи, информационно-просветительская деятельность среди населения, научные исследования, развитие международного сотрудничества в сфере борьбы с терроризмом и другие значимые мероприятия. С другой стороны, у каждой из существующих организаций есть множество недостатков. Наиболее общей проблемой выступает то, что внутри всех организаций присутствуют государства, чьи интересы диаметрально отличаются друг от друга. Такая ситуация приводит к сдерживанию развития международного антитеррористического сотрудничества на постсоветском пространстве.

5. На протяжении всей своей истории существования Российская Федерация сталкивается с проблемой терроризма, причем он зачастую осложнен иностранным компонентом. Отличительной чертой России выступает то, что она, как и во многих других отношениях, придерживается того, что ООН и нормы международного права, а не односторонние действия государств, руководствующихся своими национальными интересами, должны лежать в основе антитеррористической борьбы. Для усиления потенциала международного противодействия терроризму Россия стремится способствовать развитию сотрудничества в рассматриваемой области между ООН и организациями на евразийском пространстве.

6. Как и Россия, Индия на протяжении всего своего независимого существования сталкивается с проблемой терроризма. Он имеет интернациональный характер и основан, в частности, на идеологии радикального исламизма. Борьба с терроризмом в Индии важна не только для ее национальной, но и для международной безопасности, поскольку в настоящее время неурегулированность проблемы терроризма в Индии формирует предпосылки к возникновению в стране новых плацдармов для размещения международных террористических организаций. Проведенное исследование показало, что для повышения эффективности своей антитеррористической деятельности Индии необходимо в первую очередь укрепить свой национальный комплекс безопасности, для чего она вполне может воспользоваться опытом и поддержкой России, а также других стран с высоким уровнем развития системы антитеррористической безопасности. Внешняя политика Индии и углубление российско-индийского и евразийско-индийского сотрудничества в сфере борьбы с терроризмом являются проявлениями процесса сопряжения системы антитеррористической безопасности на пространстве Большой Евразии. Подобная ситуация позволяет собирать вокруг институтов евразийского пространства государства, сталкивающиеся с проблемой терроризма, чтобы совместными усилиями ликвидировать эту угрозу в ее непосредственном ареале распространения.

7. Китай демонстрирует свое вхождение в спектр государств – участников рассматриваемого РКБ по многим параметрам, включая членство в ШОС, отведение ООН роли центрального координатора международной антитеррористической активности, стремление к сотрудничеству с другими странами евразийского пространства в сфере борьбы с терроризмом (в т.ч. в рамках инициативы «Один пояс – Один путь» и приграничного сотрудничества).

8. Предлагаемый в настоящем исследовании концепт регионального комплекса антитеррористической безопасности на пространстве Большой Евразии нельзя воспринимать по географическому критерию, поскольку географически в евразийское пространство входят страны с отличающимися друг от друга установками в отношении обеспечения антитеррористической безопасности. Поскольку РКБ – это пространство с едиными проблемами и интересами в сфере безопасности, необходимо использовать политический критерий, а именно то, как каждое из государств воспринимает террористическую угрозу. Например, Израиль географически относится к евразийскому пространству, но в рассматриваемый в настоящем исследовании РКБ включен быть не может, поскольку его взгляды на борьбу с терроризмом сильно отличаются от государств, формирующих единую систему безопасности по линии Глобального Юга. Израиль скорее будет отнесен к евроатлантической системе безопасности.

9. В целом использование в диссертации теоретического инструментария концепции региональных комплексов безопасности для анализа процессов международного сотрудничества по борьбе с терроризмом в рамках как Малой, так и Большой Евразии показало свою методологическую значимость и практическую эффективность для решения научной задачи, имеющей существенное значение для развития соответствующей отрасли знаний в международно-политических науках и в исследованиях международной безопасности. Поскольку для России проблема терроризма является одним из основных вызовов национальной безопасности, то предлагаемые в диссертации решения и разработки по укреплению формирующегося РКБ по борьбе с терроризмом на евразийском пространстве могут иметь существенное значение для развития страны.

Научная новизна исследования заключается в следующем:

1. Выявлено, что если раньше терроризм был в большинстве случаев внутригосударственным, то теперь он становится в большей степени международным. Соответственно, бороться с терроризмом без международного взаимодействия малоэффективно. Международная борьба с терроризмом должна осуществляться на уровне ООН, двустороннего взаимодействия, но нередко оказывается недостаточно эффективной – во многом из-за разницы подходов государств к квалификации данного вида деятельности. В этой связи *определено*, что наиболее разумно будет бороться с терроризмом в рамках более ограниченных межгосударственных региональных образований, таких как предлагаемый в настоящей работе РКБ, поскольку в таких образованиях принятие решений по борьбе с терроризмом будет более быстрым и результативным из-за того, что государства внутри комплекса обладают общностью интересов и проблем, связанных с антитеррористической борьбой. В результате, выявлено, что эффективнее всего борьба с терроризмом будет в рамках РКБ, поскольку ни национальные, ни международные подходы к борьбе с терроризмом большого эффекта не дают.

2. Проанализировано функционирование международных организаций на постсоветском пространстве, занимающихся противодействием терроризму, которые можно рассматривать в качестве подсистемы в рамках единого антитеррористического РКБ. *Выявлено*, что основной проблемой, препятствующей дальнейшему развитию совместной борьбы с терроризмом, выступает существенная разновекторность взглядов, которая проявляется по самым разным направлениям – по определению роли компонента безопасности в структуре многопрофильных объединений, по участию в тех или иных совместных действиях или вовлечению в определенные конфликтные ситуации, по трактовке понятий «терроризм» и «террористическая организация» и квалификации соответствующих деяний

и т.д. Это не позволяет реализовать весь потенциал совместных усилий в сфере противодействия терроризму, в связи с чем предполагается, что участники постсоветских институтов безопасности должны в первую очередь заняться сближением своих политических линий.

3. В результате переосмысления применительно к Малой и Большой Евразии теории РКБ Б. Бузана и О. Уэвера, автором *определено*, что в настоящее время можно наблюдать процесс сопряжения пространства безопасности в рассматриваемом регионе, о чем наиболее ярко говорит расширение региональных структур безопасности, таких как ШОС, за счет государств Глобального Юга (о чем, в частности, говорит кейс вовлечения Индии и Китая в региональное антитеррористическое сотрудничество). Можно говорить о формировании регионального комплекса антитеррористической безопасности, вокруг которого в настоящее время собираются развивающиеся страны на евразийском пространстве. Единство в признании террористической угрозы в качестве экзистенциальной толкает эти государства на сотрудничество в противодействии ей, поскольку разрешить эту проблему в одиночку государства евразийского пространства не могут. В то же время, изучение Израиля в качестве отклоняющегося государства от предлагаемой системы антитеррористической безопасности демонстрирует, что не все государства географического региона Евразия могут быть включены в такую систему по простому принципу своего территориального расположения – куда важнее является их политическая и геополитическая ориентация и близость в международной политике к другим государствам комплекса.

4. Для целей и задач диссертационного исследования автором разработано собственное рабочее определение терроризма, которое было использовано при анализе формирующегося РКБ на евразийском пространстве.

Соответствие паспорту научной специальности. Диссертация соответствует следующим пунктам паспорта научной специальности ВАК 5.5.4. Международные отношения, глобальные и региональные исследования:

- п. 2 «Субъекты международных отношений…»;
- п. 7 «Международная безопасность…»;
- п. 8 «Международные кризисы и конфликты…»;
- п. 11 «Международные организации.»;
- п. 19 «Российская Федерация в системе международных отношений».

Структура работы. Работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка источников и литературы и приложений. Первая глава направлена на освещение теоретических вопросов, связанных с исследованием террористической угрозы. В частности, изучаются научные подходы к определению международного терроризма и выявлению его сущности, а также исследуется трансформация террористической угрозы на постсоветском пространстве на протяжении последних трех с половиной десятилетий.

Во второй главе изучается система обеспечения антитеррористической безопасности в пространстве Малой Евразии. Сначала дается характеристика глобальных институтов управления антитеррористической безопасностью (в частности, раскрываются уровни международного сотрудничества и дается подробная характеристика системы противодействия терроризму на уровне ООН), а затем исследуется функционирование основных организаций в сфере безопасности на постсоветском пространстве – СНГ, ШОС и ОДКБ.

Третья глава посвящена изучению развития международного сотрудничества в сфере борьбы с терроризмом на пространстве Большой Евразии. В качестве кейс-стади анализируются российская и индийская системы обеспечения антитеррористической безопасности, описываются проблемы и возможности российско-индийского сотрудничества

в рассматриваемой области, а также делается итог о процессе сопряжения систем безопасности в Большой Евразии. Приводится дополнительный пример Китая для подтверждения тезиса о формировании РКБ. Для более четкого понимания сущности РКБ на пространстве Большой Евразии коротко рассматривается антитеррористическая политика Израиля, как государства, не входящего в формирующуюся систему евразийской безопасности.

Апробация результатов исследования осуществлялась в процессе обсуждений на заседаниях кафедры интеграционных процессов МГИМО МИД России, а также в рамках докладов на всероссийских и международных научно-практических конференциях: IV Международная молодежная школа (ММШ) Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) (Москва, 2021); Всероссийская научно-практическая конференция «Комплексное противодействие идеологии терроризма и экстремизма: методы, инструменты, решения» (Казань, 2023); Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2024» (Москва, 2024); Круглый стол «Международное сотрудничество в борьбе с терроризмом» (Москва, 2024); XXXII Международный конкурс научных исследований (Москва, 2025);

Кроме того, основные положения и результаты диссертационной работы нашли отражение в публикациях, размещенных в научных изданиях, входящих в перечень рецензируемых журналов, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве образования и науки Российской Федерации:

1. Хабибуллин Р.И. От противодействия терроризму к многопрофильности: расширение направлений сотрудничества в ШОС / Р.И. Хабибуллин // Общественные науки и современность. – 2026. – № 2. – С. 137-144. (0,3 п.л.).
2. Хабибуллин Р.И. К вопросу о выработке универсального определения международного терроризма / Р.И. Хабибуллин // Вопросы

политологии. – 2025. – Т. 15. – № 3(115). – С. 1090-1098. (0,4 п.л.).

3. Хабибуллин Р.И. К вопросу о возможном выходе Армении из ОДКБ в контексте борьбы с терроризмом / Р.И. Хабибуллин // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. – 2025. – № 1(43). – С. 20-29. (0,4 п.л.).

Итого: 1,1 п.л.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ УГРОЗ И ПОЛИТИЧЕСКИХ РИСКОВ

1.1. Понятие транснационального терроризма и его сущность

На протяжении последних нескольких десятилетий международный терроризм – это одна из основных угроз международному миру и безопасности[148]. Изначально терроризм был сугубо внутригосударственным явлением. Явления последних десятилетий привели к его транснационализации и выходу не только за границы отдельных государств, но и за границы целых регионов, формируя глобальную проблему[149].

Для целей настоящей диссертации понятия «международный терроризм» и «транснациональный терроризм» рассматриваются как синонимы.

Процесс преобразования терроризма из преимущественно внутриполитической в транснациональную угрозу произошел под влиянием глобализации, повышения мобильности населения и капиталов, увеличения открытости стран для приема иностранных граждан, информационно-коммуникационной революции, которая создала не привязанное к государственным границам виртуальное информационное сообщество мира, где информация свободно создается и распространяется любым пользователем, и ряда других факторов. Под воздействием глобализации стал размываться суверенитет государств, в результате чего их роль в мировой политике стала ослабевать, высвобождая место для различных негосударственных акторов[150] – участников международных отношений,

---

[148] Луппов И.Ф. Современный терроризм как политический феномен // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2009. № 103. С. 226.

[149] Синякин И.И., Скуратова А.Ю. Международное уголовное право: учебное пособие / под ред. А.Н. Вылегжанина. – М.: Проспект, 2021. – С. 250.

[150] Keohane R. O. and Nye J. S. Transnational Relations and World Politics: An Introduction / International Organization/1971.Vol.25.№3.P.329-349.

к которым относятся разнообразные террористические образования[151]. Либеральные тенденции в экономике, сближение гражданского общества мира, единство глобального информационного мира сделали государственные границы проницаемыми. Все это создало благоприятные условия для того, чтобы терроризм стал выходить за пределы одной территории и приобретать трансграничный характер[152].

К иным причинам распространения международного терроризма Организация Объединенных Наций (ООН) относит ухудшение социально-экономической ситуации в отдельных странах мира, а именно увеличение бедности и безработицы, отсутствие образования и низкую квалификацию рабочей силы, плохой уровень жизни, отсутствие экономических возможностей для самоактуализации человека[153]. Все это приводит к общественной неудовлетворенности, что, в свою очередь, является благоприятной почвой для распространения экстремистских и прочих запрещенных идей.

Важную роль играет не только социально-экономический, но и политический фактор. В странах со слабыми институтами власти, не имеющими реального контроля над всей территорией и населением, террористы находят оплот для подготовки и развития своей деятельности. Подобные государства возникли в том числе в результате деколонизации, когда на политическую арену вышло множество новых независимых стран, не способных сформировать стабильные основы внутриполитического развития.

---

[151] Лебедева М.М. Акторы современной мировой политики: тренды развития. Вестник МГИМО-Университета. 2013;(1(28)):3842. https://doi.org/10.24833/2071-8160-2013-1-28-38-42.

[152] Терроризм в современном мире: истоки, сущность, направления и угрозы / отв. ред. В.В. Витюк, Э.А. Паин. – М.: Институт социологии РАН, 2003. – 358 с.

[153] Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 45/121 «Восьмой Конгресс Организации Объединенных Наций по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями» // Нью-Йорк: 45-я сессия Генеральной Ассамблеи ООН. 14.12.1990. С. 304-307.

В иных странах фактором, стимулирующим распространение терроризма, напротив, выступает целенаправленная политика государства, опирающаяся на антиглобализм и традиционализм в своих взглядах. В подобной ситуации создается возможность беспрепятственно распространять идеи преимущественно антизападного и антиамериканского характера, которые лежат в основе идеологии наиболее опасной разновидности международного терроризма – радикального исламизма. Подобная ветвь террористической активности опирается на стремление выместить «неверных» капиталистов, наживающихся на ресурсах мусульманских стран, из исламского мира, чтобы не допустить их деструктивного влияния на культуру, политику и экономику этого региона[154]. Так, например, именно с посылом защиты ислама один из известнейших террористов и бывший лидер запрещенной в России «Аль-Каиды» Усама бен Ладен вел свою борьбу против США и других немусульманских стран[155]. Ненависть к западному миру возникает не только из-за разницы культур, но и из-за предположения о том, что нынешнее отстающее положение стран Глобального Юга вызвано политикой государств Глобального Севера, направленной на сохранение эксплуатации их ресурсов, трудовой силы и экономических возможностей в собственных интересах[156].

---

[154] *См., напр.:* Мирский Г.И. Дракон встает на дыбы (О международном терроризме) // Мировая экономика и международные отношения. 2002. №3 С. 40-45.; Ahmed S., Potter D.M. NGOs in International Politics. – Bloomfield: Kumarian Press Inc., 2006. – 272 p.; Willets P. Transnational Actors and International Organizations in Global Politics // The Globalization of World Politics: An Introduction to International Relations / ed. by J. Baylis, S. Smith, P. Owens. – 8th ed. – Oxford: Oxford University Press, 2020. – 648 p.

[155] Declaration of War against the Americans Occupying the Land of the Two Holy Places (August 23, 1996). URL: https://is.muni.cz/el/1423/jaro2010/MVZ203/OBL___AQ__Fatwa_1996.pdf (дата обращения: 19.02.2025); Declaration of Jihad against the West and Israel (February 23, 1998). URL: https://irp.fas.org/world/para/docs/980223-fatwa.htm (дата обращения: 19.02.2025); Letter to the American People (2002). URL: https://www.dni.gov/files/documents/ubl/english/Letter%20to%20the%20American%20people.pdf (дата обращения: 19.02.2025)

[156] Paul A. Dependency theory // The Encyclopedia of Empire / ed. by J. Mackenzie. – Wiley-Blackwell, 2016. – 2608 p.

Наконец, следует отметить, что в крупных террористических акциях часто прослеживается зарубежный след, что говорит о том, что некоторые государства оказывают поддержку терроризму и занимаются его спонсорством, чтобы достичь своих национальных целей[157]. Дж. Адамс отмечает, что большие террористические группы, как правило, не поддерживаются государством (прежде всего в финансовом аспекте)[158], а по мнению М. Стола, настоящий государственный терроризм предполагает политические репрессии в отношении противников власти: государства могут существенно поддерживать терроризм, но использовать его не для того, чтобы достичь политическую власть, а удержать ее[159]. Профессор МГИМО Е.Г. Пономарева в одном из своих выступлений выразила уверенность в том, что информационную, логистическую, финансовую и даже политическую поддержку региональные экстремистские и террористические группировки получают из-за рубежа. Первая «скрипка», по ее мнению, в региональном террористическом «концерте» принадлежит спецслужбам Великобритании и США, Германии и Турции[160]. Безусловно, найти неопровержимые доказательства этому практически невозможно, однако такая практика определенно существует.

Другой известный исследователь А. Шмидт проанализировал определения порядка 100 ученых и экспертов в рассматриваемой области, изучил целый ряд насильственных действий, включая политический терроризм, и в процессе поиска точек соприкосновения пришел к следующим выводам:

---

[157] Сычев А.Н. Международный терроризм как крайне опасная угроза современному мироустройству: характер проблемы и пути международного противодействия // Белорусский журнал международного права и международных отношений. 2004. № 1. С. 29.

[158] Adams J. The Financing of Terror. New York: Simon and Schuster, 1986.

[159] Stohl M. The Politics of Terrorism. New York: Dekker, 1988. P. 1-28.

[160] Профессор Елена Пономарева: Терроризм поддерживают западные спецслужбы // Российская газета. 17.05.2023. URL: https://rg.ru/2023/05/17/professor-elena-ponomareva-terrorizm-podderzhivaiut-zapadnye-specsluzhby.html (дата обращения: 31.11.2024)

1. Терроризм – это абстрактное понятие без содержания;
2. Единственное определение не может исчерпать все возможные определения термина;
3. Многие различные определения имеют одинаковые элементы;
4. Смысл терроризма и значение террористического акта определяются целями и жертвами[161].

Несмотря на попытки выявить основные причины распространения терроризма, обоснованным кажется утверждение о том, что условия и источники возникновения терроризма являются уникальными для каждого отдельного общества и территории, в связи с чем выявление корней терроризма должно строиться на многофакторном анализе тех аспектов, которые в конкретной местности и в конкретных общественно-исторических условиях спровоцировали распространение террористической активности. Это важно постольку, поскольку терроризм в каждом конкретном случае возникает под воздействием уникального набора факторов, в то время как те факторы, которые традиционно считаются благоприятными для терроризма (например, плохое социально-экономическое положение) могут вовсе и не приводить к проявлению этого феномена[162].

Действия террористических организаций способны не только подорвать стабильность любого государства, но и нанести ощутимый вред нормальному развитию международных отношений. В то же время, несмотря на такую значимость противодействия терроризму, по-прежнему отсутствует единство понимания и определения данного феномена – как в научном сообществе, так и в международно-правовом поле[163].

---

[161] Schmid A. P. Political Terrorism: A Research Guide to Concepts, Theories, Data Bases, and Literature. New Brunswick, CT: Transaction, 1983. P. 70-111.

[162] Шляпников В.В. *Указ. соч.* С. 7.

[163] Бурганова И.Н. Террористические организации (на примере ИГ) и государство как акторы системы международных отношений: сравнительный анализ // PolitBook. 2018. № 4. С. 135-143. *Цит. по:* Волжанин Д.А., Дубков Н.С., Серикбаева А.Д. Террористические организации как политические акторы // Теории и проблемы политических исследований. 2022. Т. 11. № 5А. С. 126.

В первую очередь, необходимо развести понятия «террор» и «терроризм». Т.В. Герасименко выделяет следующие особенности каждого из двух понятий:

- терроризм представляет собой деятельность, состоящую из единичных и не имеющих массового характера (по крайней мере, в сравнении с террором) акций, обладающих, как правило, локальным действием;
- террор же – это социально-политический феномен, ориентированный на воздействие на массы и являющийся постоянной и комплексной деятельностью субъекта террора[164].

Автор не выделяет специального субъекта террора, в связи с чем можно предположить, что террор может осуществляться любым лицом, организацией или государством. В то же время, некоторые предлагают относить террор только к разновидностям государственной политики. Так, Е.П. Кожушко следующим образом определяет рассматриваемые понятия:

- террор – это собирательный термин для репрессивных действий государства, реализующего свое право на насилие;
- терроризм – это деятельность политически ориентированных организаций и формирования, связанная с использованием насилия для достижения своих целей[165].

Сам по себе терроризм по-разному определяется представителями научного сообщества. И.М. Ильинский пишет, что терроризм включает в себя подготовку, совершение и финансирование незаконных насильственных действий и соучастие в них или содействие им, при том, что смысл этих действий заключается в том, чтобы деморализовать и запугать отдельных лиц,

---

[164] Герасименко Т.В. Понятие и признаки терроризма // Закон и армия. Военно-правовая газета. 2005. № 8. С. 22-27.

[165] Кожушко Е.П. Современный терроризм: анализ основных направлений. – Минск: Харвест, 2000. – С. 20.

См. также: Емельянов В.П. Терроризм и преступления террористической направленности. – Харьков: Рубикон, 1997. – 176 с.

группы лиц или все население в целом для достижения политических, религиозных, социальных и прочих целей террористов[166]. Схожим образом характеризует рассматриваемое явление М. Креншо: «Терроризм – не спонтанная реакция на события, а тщательно спланированная акция; общество отвергает терроризм из-за его жестокости и непредсказуемости; террористические акты обычно совершаются в мирное время и являются неожиданными для их жертв – чаще всего невинных людей (пассажиров самолетов, дипломатов и т.д.), которые не могут себя защитить; жестокость террористов неожиданна, поскольку не укладывается в обычные рамки поведения; зачастую их целями являются не сами жертвы, а стремление произвести психологический эффект; действия террористов считаются успешными, если общество идет на уступки или соглашается с их требованиями».[167]

Е.А. Степанова в своих научных трудах делает вывод о том, что терроризм – это особая, асимметричная тактика вооруженной борьбы, доступная «слабым» (негосударственным игрокам) в противостоянии «сильным» (государствам, группам государств, международному сообществу), а не орудие, например, в симметричном противостоянии «слабых» против «слабых» или «сильных» против «сильных», то есть одинаковых по статусу и сравнимых по потенциалу сторон[168]. Б. Сол подчеркивает, что в терроризме всегда присутствует компонент насилия[169]. А.П. Кузнецов и Н.Н. Маршакова определяют международный терроризм в качестве умышленного общественно опасного деяния,

---

[166] Ильинский И.М. О терроре и терроризме. – М.: МГСА, 2001. – 76 с.; Ильинский И.М. Между прошлым и будущим // Альма Матер. 2006. № 4. С. 35-44.

[167] Crenshaw M. Terrorism, Legitimacy and Power. Middletown, CT: Wesleyan University Press, 1983.

[168] Степанова Е.А. Терроризм: проблемы определения и функционально-идеологическая типология // Мировая экономика и международные отношения. 2010. № 7. С. 23-32.

[169] Saul B. Defining Terrorism in International Law. – Oxford: Oxford University Press, 2008. – P. 316.

заключающегося в действиях или бездействии, приводящих к посягательству на жизненно важные интересы общества и государства, национальный и международный мир и безопасность, нормальное развитие международных отношений и иные наиболее значимые общественные отношения, права и интересы[170]. Е.Г. Ляхов указывает, что интернационализация терроризма привела к посягательству террористов не только на национальные, но и на международные (общечеловеческие) ценности, охраняемые международным правом[171].

Разница в подходах к определению терроризма часто связана с научно-методической основой, которой пользуется каждый конкретный исследователь при изучении данного феномена. В результате, есть несколько наиболее распространенных подходов к определению терроризма, хотя и в их классификации не наблюдается единства в научном сообществе (табл. 1).

Таблица 1

Научные подходы к определению терроризма

Автор классификации	Подходы	Содержание подходов
А.К. Боташева[172]	Нормативистский	Терроризм определяется через нарушение общественных норм поведения. Например, У. Лакер в достаточно лаконичном ключе предлагает понимать под терроризмом неправомерное использование силы против невинного населения для реализации политических интересов нарушителей[173].

[170] Кузнецов А.П., Маршакова Н.Н. Международный терроризм в условиях глобализации // Юридический мир. 2010. № 9. С. 8-13.

[171] Ляхов Е.Г. Политика терроризма – политика насилия и агрессии. – М.: Международные отношения, 1987. – 185 с.

[172] Боташева А.К. Политический терроризм: детерминация и формы проявления: дис. ... канд. полит. наук. – Ставрополь, 2004. – 183 с.

[173] Laqueur W. The Age of Terrorism. – Boston: Little Brown and Company, 1987. – P. 97.

	Правовой	Этот подход широко распространен в европейских исследованиях и связан с определением терроризма через совокупность правовых признаков. Например, Б. Гросскпа предлагает понимать под терроризмом нарушение закона посредством совершения различных преступных актов для достижения политической цели или ввержения политической системы в хаос[174].
	Аналитический	При таком подходе исследователь отказывается как от нормативизма за его излишнюю привязанность к общественной морали, так и от правового подхода за сужение определения терроризма вплоть до исключительно правовых терминов и игнорирование социальных, культурных и прочих аспектов данного явления[175].
	Синтетический	В рамках данного подхода исследователи стремятся примирить и собрать воедино знания, полученные от разных направлений исследований. Например, на анализе множества разнородных дефиниций А. Шмид и А. Йонгман предложили понимать под терроризмом метод достижения политических целей, используемый лицами, которые не имеют связей с официальными властями, и основанный на применении насилия в мирное время[176].

[174] Grosscup B. The Explosion of Terrorism. – Far Hills, NJ: New Horizons, 1987. – P. 78.

[175] Terrorism, Legitimacy, and Power: The Consequences of Political Violence / ed. by M. Crenshaw. – Middletown, CT: Wesleyan University Press, 1983. – P. 107.

[176] Schmid A.P., Jongman A.J. Political Terrorism: A Research Guide to Concepts, Theories, Data Bases and Literature. – New Brunswick, CT: Transaction Publishers, 1983. – P. 124.

К.П. Курылев, Р.М. Курбанов[177]	Военный	Терроризм становится средством низкой интенсивности для ведения войны и других боевых действий.
	Криминальный	Терроризм – это уголовно наказуемая деятельность.
	Социально-политический	Терроризм – это средство общественной борьбы и выражения социального недовольства и политического протеста.

Следует изучить и то, как российский законодатель подходит к определению терроризма. В соответствии со ст. 3 Федерального закона «О противодействии терроризму»[178] терроризм представляет собой насильственную идеологию и процесс воздействия на принятие решений органами власти путем устрашения населения и других противоправных действий насильственного характера. Из данного определения достаточно ясно можно вывести ключевую сущность терроризма – это оказание давления на органы власти путем насильственных действий с тем, чтобы власти стали действовать в интересах террористов. В научной литературе при определении целей терроризма и объекта его посягательства данное явление определяется схожим путем[179].

Для концептуализации настоящего исследования имеют значение и другие основные определения, приведенные в рассматриваемой статье федерального закона, а именно:

1. Террористическая деятельность определена как деятельность, направленная на планирование, подготовку, организацию, совершение

---

[177] Курылев К.М., Курбанов Р.М. Понятие «международный терроризм» согласно конструктивистской школе международных отношений // Журнал политических исследований. 2019. С. 87.

[178] Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» // Собрание законодательства РФ. 13.03.2006. № 11. Ст. 1146.

[179] *См., напр.:* Агапов П.А., Михайлов К.В. Уголовная ответственность за содействие террористической деятельности: тенденции современной уголовной политики. – Саратов: СЮИ МВД России, 2007. – С. 19.

и финансирование теракта, подстрекательство к нему, создание преступной вооруженной организации (сообщества, формирования) для совершения терактов или участие в ней, вербовку, обучение, вооружение и задействование террористов в террористической деятельности, пособничество, в т.ч. информационное, планированию, подготовке и осуществлению теракта и, наконец, пропаганду террористической идеологии, распространение информации и материалов, содержащих в себе призывы к осуществлению террористической деятельности или оправдывающих и обосновывающих терроризм.

2. Террористический акт (теракт) определяется российским законодателем через поджоги, взрывы и иные действия, направленные на устрашение население, создающие угрозу гибели людей, причинения серьезного вреда имуществу или иных тяжких последствий и ориентированные на дестабилизацию работы органов власти или международных организаций, или воздействие на принятие ими своих решений. Схожим путем определяется теракт и в ст. 205 Уголовного кодекса РФ (УК РФ)[180], а также в некоторых материалах научной литературы[181]. Можно заметить, что законодатель оставляет открытым перечень преступлений, которые могут быть совершены террористами в ходе осуществления своей деятельности. Поскольку такой перечень является крайне широким, А.Г. Хлебушкин предлагает квалифицировать терроризм как «сверхпреступление»[182].

3. Противодействие терроризму на законодательном уровне определяется как деятельность органов власти и прочих лиц по предупреждению терроризма, определению его причин и условий

---

[180] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 17.06.1996. № 25. Ст. 2954.

[181] *См., напр.:* Гаухман Л.Д. Уголовно-правовая борьба с терроризмом // Законность. 2001. № 5. С. 5-6.

[182] Хлебушкин А.Г. Экстремизм: уголовно-правовой и уголовно-политический анализ / отв. ред. Н.А. Лопашенко. – Саратов: СЮИ МВД России, 2007. – С. 44.

возникновения и их устранению в процессе профилактики терроризма, непосредственной борьбе с терроризмом (раскрытие, пресечение и расследование терактов), устранению последствий террористических преступлений полностью (ликвидация) или частично (минимизация). В ходе противодействия терроризму используются контртеррористические операции – специальные оперативно-боевые, военные и прочие мероприятия с задействованием вооружения, военной техники и специальных средств для пресечения терактов, обезвреживания террористов, обеспечения безопасности людей и организаций и минимизации последствий терактов.

Суммируя все вышеперечисленные определения терроризма, можно попытаться определить его через совокупность его ключевых признаков:

1. Террористическая деятельность имеет политическую цель и направлена на принуждение органов власти действовать таким образом, чтобы удовлетворять интересы террористов.

2. Террористическая деятельность посягает на основы общественной стабильности (жизнь и здоровье людей, критически значимую инфраструктуру, окружающую среду, представителей органов власти и функционирование государственных институтов и т.д.), поскольку именно за счет подрыва общественной стабильности достигается осуществляется запугивание и деморализация населения. При этом если непосредственными жертвами терроризма выступают одни лица, то эффект от преступления должен распространиться на других лиц – политических деятелей.

3. Общественная опасность терроризма является крайне высокой из-за масштабности совершаемых деяний по количеству жертв и объему имущественного вреда, а также из-за множества смежных преступлений общеуголовного характера (взрывы, захват заложников, убийства и т.д.),

которые совершаются в процессе осуществления террористической деятельности[183].

Указанные признаки терроризма можно считать базовыми, и с их наличием в структуре террористической активности согласно большинство ученых. В то же время, терроризм может характеризоваться и множеством дополнительных признаков, в отношении которых позиции исследователей уже не являются такими согласованными. Например, А.А. Кириченко к признакам терроризма относит высокую степень конспирации процесса подготовка теракта, поскольку для такого масштабного деяния секретность приобретает особое значение[184]. Схожего мнения придерживается У. Лакер, который, рассматривая терроризм через призму военного подхода, говорит о том, что если по нормам международного гуманитарного права комбатанты должны действовать открыто в отношении гражданского населения, то боевики действуют совершенно наоборот – скрытно, в мирное время и против гражданского населения[185]. При этом надо заметить, что, несмотря на тайный характер подготовки теракта, само его совершение, напротив, должно получить как можно более широкую огласку, поскольку именно так можно усилить устрашающее воздействие на население и давление на органы власти.

Единства определения международного терроризма не наблюдается и в международном праве. По большей части это связано с разницей политических интересов отдельных стран и международных организаций, которые препятствуют тому, чтобы было выработано универсальное определение рассматриваемого явления, поскольку нынешнее положение с отсутствием единого определения позволяет им иметь достаточно широкую свободу маневра при квалификации конкретных деяний в качестве

---

[183] Михеев И.Р. Терроризм: понятие, ответственность, предупреждение. – М.: Право, 2013. – С. 36.

[184] Кириченко А.А. К вопросу о понятии терроризма // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 332. С. 105.

[185] Лакер У. Терроризм эпохи постмодернизма // США-ЭПИ. 1997. № 2. С. 83.

террористических, что позволяет им посредством такой квалификации называть определенные действия терроризмом и применять к ним соответствующие меры силового воздействия в рамках своих национальных интересов. Из-за разной трактовки терроризма часто можно заметить, что одни лица и организации, считающиеся участниками террористической деятельности в одной стране, признаются законными в другой – и это вызвано разными национальными интересами субъектов признания[186]. Наиболее распространенный подход сегодня – это определение терроризма в абстрактной форме, через наиболее общие и значимые его признаки, что позволяет объединить под знаменателем терроризма множество разнообразных деяний[187].

Некоторые исследователи полагают, что отсутствие единого определения терроризма на уровне международного права оказывает ограничивающее воздействие на международное сотрудничество в сфере борьбы с ним, поскольку нет общего понимания того, против чего эта борьба должна быть организована[188]. В отношении этого высказывались и на уровне государств и международных организаций, включая ООН[189]. Есть

---

[186] Международное право: учебник для академического бакалавриата / под ред. А.Н. Вылегжанина. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2014. – С. 751.; Дикаев С.У. Террор, терроризм и преступления террористического характера (криминологическое и уголовно-правовое исследование). – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2006. – С. 9.

[187] Плотников А.В. К вопросу юридического определения понятия «международный терроризм» // Вестник Российского университета дружбы народов. 2009. № 3. С. 114.

[188] Моисеев А.И. Проблема определения терроризма в международном праве // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 12 (49). С. 2923.; Хабибуллин Р.И. К вопросу о выработке универсального определения международного терроризма // Вопросы политологии. 2025. Т. 15. № 3 (119). С. 1090-1098.

[189] *См., напр.:* При большей свободе: к развитию, безопасности и правам человека для всех: доклад Генерального секретаря ООН // Нью-Йорк: 59-я сессия Генеральной Ассамблеи ООН, 26.05.2005. 40 с.; Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 42/159 «Меры по предотвращению международного терроризма, который угрожает жизни невинных людей или приводит к их гибели или ставит под угрозу основные свободы, и изучение коренных причин этих форм терроризма и актов насилия, проистекающих из нищеты, безысходности, бед и отчаяния и побуждающих некоторых людей жертвовать человеческими жизнями, включая и свои собственные, в стремлении добиться радикальных перемен» // Нью-Йорк: 94-е пленарное заседание Генеральной Ассамблеи ООН. 07.12.1987. С. 418-421.

и противоположное мнение о том, что универсального определения терроризма вообще не требуется, поскольку его отсутствие не создает препятствий для эффективного международного антитеррористического сотрудничества[190]. Подтверждением этому служит, в частности, тот факт, что в настоящее время и без единого определения терроризма успешно функционируют различные институты (Контртеррористический комитет Совета Безопасности ООН, Комитет 1540 (занимается контролем в сфере распространения оружия массового уничтожения (ОМУ) и т.д.) и инициативы (Инициатива по безопасности в борьбе с распространением оружия массового уничтожения, Инициатива по обеспечению безопасности контейнеров и т.д.) в сфере противодействия терроризму.

Поскольку многие участники международного сообщества сопротивляются тому, чтобы их свобода квалификации террористических преступлений была ограничена жесткими рамками международного права, общепризнанное определение терроризма вряд ли вообще можно будет сформулировать, а если оно и появится, то оно будет крайне общим и обтекаемым, чтобы сохранить свободу маневра для участников мировой политики[191]. Отсутствие конкретики, двусмысленность и неточности, которые, вероятно, будут сопровождать такое определение, делают его выработку не имеющей смысла[192]. В то же время, наблюдаемый сегодня факт повышения идентичности разрабатываемых участниками международной жизни определений говорит о том, что им, в целом, и так понятны общие признаки и сущность рассматриваемого явления[193].

---

[190] Синякин И.И., Скуратова А.Ю. *Указ. соч.* С. 256.

[191] Levitt G. Is “Terrorism” Worth Defining? // Ohio Northern University Review. 1986. Vol. 13. P. 97.; Heilbronner K. Rechtsfragen der internationalen Terrorismusbekämpfung // Schweizerisches Jahrbuch für internationales Recht: Annuaire Suisse de droit international. – Schulthess Juristische Medien, 1991. – P. 25.

[192] Baxter R.R. A Skeptical Look at the Concept of Terrorism // Akron Law Review. 1974. Vol. 7. № 3. P. 380-387.

[193] Змеевский А.В., Тарабрин В.Е. Терроризм. Нужны скоординированные усилия мирового сообщества // Международная жизнь. 1996. № 4. С. 14.

Таким образом, ни в научном сообществе, ни в юридических документах не существует единства подходов к определению терроризма. В то же время, можно вывести некоторые его общие признаки, с которыми согласно большинство исследователей. На основе данных признаков можно определить терроризм в качестве социально-политического явления и общественно опасной формы преступного поведения, в ходе которого совершаются насильственные действия или угроза таких действий (включая широкий спектр общеуголовных преступлений – взрывы, поджоги, убийства, нанесение вреда имуществу, захват заложников и т.д.) для того, чтобы оказать устрашающее воздействие на конкретных лиц или все население в целом, дестабилизировать общественное и политическое положение и, таким образом, принудить органы власти к тому, чтобы они действовали в интересах террористов.

На международно-правовом уровне невозможность разработать единое определение терроризма связано с волей отдельных участников международного сообщества, которые предпочитают не сковывать себя рамками международного права и сохранять свободу маневра в отношении того, какие деяния квалифицировать в качестве террористических, исходя из своих интересов. Некоторые полагают, что отсутствие единого определения сдерживает потенциал развития международного сотрудничества по борьбе с рассматриваемым явлением. Тем не менее это замечание не совсем верно, поскольку есть много примеров развития механизмов антитеррористического сотрудничества и без универсальной дефиниции.

1.2. Теоретический анализ террористических угроз и политических рисков в процессе эволюции постсоветского пространства

Экстремизм и терроризм всегда были одной из основных проблем безопасности для большинства государств на пространстве, образовавшемся

после распада СССР, причем наибольшей серьезностью данная проблема обладает в странах со значительным мусульманским населением. К последним относятся Азербайджан, Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Туркменистан, а также Россия, где мусульманское население составляет около 10%[194], но в числовом, а не процентном значении (14,5 млн человек) превышает население всех других перечисленных постсоветских республик, кроме Казахстана. Более того, в России есть целые регионы с преимущественно мусульманским населением, некоторые из которых являются наиболее уязвимыми к распространению в них террористической активности.

Радикализм и экстремистские идеи стали проникать на территорию СССР еще в 1970-х годах, особенно в связи с процессами политической турбулентности в таких приграничных странах, как Иран, где в 1979 году произошла Исламская революция, и Афганистан, куда в связи с гражданской войной в 1979 – 1989 годах СССР вводил свои войска. В то же время, широкого распространения исламский радикализм тогда не получил. Иранские религиозные деятели пытались воздействовать на мусульман Азербайджана, во многом из-за шиитской направленности иранского ислама, соответствующей и традиционному распространению шиизма среди азербайджанского населения[195], но их попытки оказались малоуспешными[196]. Афганское влияние со стороны моджахедов, в основе политики которых лежит крайне общественно опасный джихадизм, или борьба с «неверными», могло бы быть более существенными, если бы не закрытость советских границ

[194] Всероссийская перепись населения 2020 года // Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020 (дата обращения: 18.02.2025)

[195] Гусев Л.Ю., Тихова В.В. Вызовы безопасности на постсоветском пространстве // Обозреватель – Observer. 2019. № 1. С. 77.

[196] Юнусов А.С. Исламская палитра Азербайджана. – Баку: Адильоглы, 2012. – С. 22.

и жесткий контроль советской власти за религиозной ситуацией в стране[197].

Постепенный процесс распада СССР, напротив, привел к значительному усилению различных исламистских организаций и террористических группировок[198]. В научной литературе выделяются различные причины распространения на постсоветском пространстве террористической активности, со следующими из которых сложно не согласиться:

1. Постсоветское пространство само по себе является сильно дифференцированным как по этническому, так и по религиозному признаку, что создает благоприятные условия для развития конфликтности на почве конфессиональной или национальной розни.

2. Отдельные страны постсоветского пространства практически сразу после распада СССР стали стратегическим направлением внешней политики различных государств, включая некоторые страны Ближнего Востока и Центральной Азии (Турцию, Иран, Афганистан и т.д.), которые в силу близости к кавказским или центральноазиатским странам и некоторой религиозной или даже этнической общности стараются оказывать на них влияние для своих интересов (экспансионистских, экономических и т.д.), а также западные страны, политика которых после распада СССР была ориентирована на то, чтобы повернуть к себе бывшие советские республики и дистанцировать их от России. Для решения тех или иных задач внешние игроки могут становиться тайными спонсорами террористической активности на постсоветском пространстве для достижения своих целей, в частности,

---

[197] Абашин С.Н., Бабаджанов Б.М., Германов В.А., Иванов В.А., Мухаметшин Ф.М., Шигабдинов Р.Н. Россия – Средняя Азия. Т. 2: Политика и ислам в XX – начале XXI вв. – М.: Ленанд, 2011. – С. 241.

[198] Медведева А. 30 лет в единении постсоветского пространства. Часть 7 // Парламентская газета. 31.03.2022. URL: https://www.pnp.ru/politics/30-let-v-edinenii-postsovetskogo-prostranstva-chast-7.html (дата обращения: 19.02.2025)

для превращения ослабленных борьбой с терроризмом стран в собственных сателлитов.

Заинтересованными в распространении своего влияния оказались и новые негосударственные участники международных отношений – террористические организации и формирования. Всплески террористической активности во многих случаях были вызваны именно их поддержкой объединенных с ними идеологически внутренних сил, в результате чего характерной чертой террористической деятельности на постсоветском пространстве стала ее активная поддержка извне.

3. После распада СССР возник идеологический вакуум, поскольку советское руководство не признавало религиозных идеологических основ и строило общество «советских людей», общность которых основывается не принадлежности к конкретной религии, а на включении в коммунистическое общество. В связи с крушением советской идеологии возникший вакуум стал хаотически наполняться новыми идеями, в т.ч. связанными с радикальными проявлениями.

В СССР религия подвергалась серьезным притеснениям, в то время как уже в период «перестройки» и «парада суверенитетов» религиозные (в частности, мусульманские) организации стали активно проникать в общественное поле новых государств. И если в Туркменистане и Узбекистане были предприняты попытки сохранить жесткие рамки для распространения исламских течений, сохранив их в рамках мечетей и религиозных образовательных учреждений, то в других бывших южных республиках СССР и в России на основе принципов свободы и демократии был открыт практически беспрепятственный доступ для религиозных организаций. М.Ф. Муртазин отмечает, что нигде в мире в 1990-х годах религиозные организации не имели такой свободы, как на постсоветском

пространстве[199]. Многие из этих организаций и фондов действовали в рамках правового поля, но широкий ряд из них стал средством для распространения исламистских и экстремистских идей, вербовки сторонников и проникновения радикально настроенных лиц из-за рубежа. Это были те организации, которые пропагандировали противодействию модернизаторским и светским режимам[200]. Большинство государств не имели контроля над религиозными организациями или утрачивали его в процессе усиления позиций религиозных общин.

4. Сложная обстановка, сформировавшаяся после распада СССР во всех постсоветских странах, связанная, с одной стороны, с острой политической нестабильностью, а с другой – со значительно ухудшившимся социально-экономическим положением, сделало этот регион благоприятным местом для распространения криминогенной активности, включая терроризм и экстремизм в ряде бывших южных республик СССР. Постепенное преодоление внутренних проблем во многих постсоветских странах позволило улучшить борьбу с терроризмом, однако по-прежнему в ряде постсоветских стран внутренняя обстановка остается умеренно или сильно нестабильной, а социально-экономическое положение продолжает сохраняться на низком или крайне низком уровне, что создает предпосылки для усиления криминогенной обстановки в них.

Особенно негативно плохое социально-экономическое положение сказывается на молодежи, поскольку, не имея хорошего образования и перспективного будущего, неудовлетворенная молодежь радикализуется и становится подверженной деструктивным идеям проповедников терроризма, экстремизма и прочих форм преступного поведения. В основе же

---

[199] Муртазин М.Ф. Международные террористические организации и их деятельность на постсоветском пространстве // Россия и новые государства Евразии. 2017. № 4. С. 107.

[200] Игнатенко А.А. От Филиппин до Косова: исламизм как глобальный дестабилизирующий фактор // Ислам и политика: сборник статей. – М.: Институт религии и политики, 2004. – С. 46.

идеологии террористических вербовщиков лежат нарративы, связанные с возможностью прийти к стабильным условиям существования, включая достижение справедливости, равенства, благосостояния и т.д. – при условии участия в террористической активности. Эти идеи вступают в резкий контраст с реальностью, в которой проживает молодежь и иные неудовлетворенные слои населения. Здесь действует компенсаторная функция религии, восполняющая неудовлетворенность жизнью обещаниями улучшений при условии следования религиозным догмам.

5. Межгосударственные конфликты и противоречия, эскалация которых началась вскоре после распада СССР, еще сильнее ослабили внутреннее управление и системы безопасности в борющихся друг с другом постсоветских странах, в то время как для террористических формирований это означало только расширение возможностей укрепления своего присутствия в данном регионе. Гражданские войны, перевороты и другие формы внутриполитической конфликтности, наблюдавшиеся в ряде новообразованных государств и связанные в основном с межэтническими и межконфессиональными противоречиями, тоже сказались в пользу усиления террористической угрозы.

Уже в 1990-х годах отмечалось участие незаконных вооруженных формирований как во внутренних конфликтах, так и в международных, что приводило к еще большей дестабилизации на национальном и региональном уровнях. К настоящему моменту многие из крупных конфликтов на постсоветском пространстве до сих пор остаются неразрешенными, причем речь идет не только о тех конфликтах, которые возникли относительно недавно, но и о конфликтах, чьи предпосылки и развитие насчитывают несколько десятилетий. Все это сохраняет благоприятную почву для нового распространения терроризма.

5. Наиболее подверженными радикальному исламизму и связанному с ним терроризму оказались Россия, страны Центральной Азии и Кавказа,

причиной чему является не только наличие большого мусульманского населения, восприимчивого к деструктивным идеям идеологов исламизма, но и географическое положение, приближенное к зонам политической нестабильности в Центральной Азии и на Ближнем Востоке[201].

В результате, в 1990-х годах постсоветское пространство столкнулись со стремительным распространением терроризма и экстремизма, угрожавших безопасности молодых государств. Для террористических организаций еще не укрепившиеся в политическом, экономическом и социальном планах постсоветские государства стали, с одной стороны, убежищем, а с другой стороны, плацдармом (вилайетом – филиалом (ячейкой) террористической организации) для организации любой формы теракта и прочей террористической активности (вербовки сторонников, боевой подготовки и т.д.)[202]

Распространение терроризма имело и идеологическую почву: во многих странах террористические формирования стали вынашивать планы образования исламского халифата, основанного на нормах шариата и противостоящего формированию светского и демократического общества[203].

Россия столкнулась с наибольшим объемом террористической активности, чему поспособствовало ослабление центральной власти, а также развившиеся тенденции сепаратизма на Северном Кавказе, где при поддержке радикальных исламистов велась борьба за создание исламского государства Ичкерии. В конфликт оказались вовлечены не только местные сепаратисты,

---

[201] Казанцев А.А., Гусев Л.Ю. Угроза религиозного экстремизма на постсоветском пространстве. – М.: Центр изучения перспектив интеграции, 2017. – 80 с. *Цит. по:* Пащенко Л.В., Пащенко Р.В. Формирование системы противодействия терроризму на пространстве СНГ // Проблемы постсоветского пространства. 2021. № 8 (4). С. 439 (437-447).

[202] Поляков К.И. Исламский экстремизм в Центральной Азии. – М.: Институт востоковедения РАН, 2014. – С. 5.

См. также: Звягельская И.Д. Ближний Восток и Центральная Азия: глобальные тренды в региональном исполнении. – М.: Аспект пресс, 2018. – 224 с.

[203] Гаврилюк С.А. Современный терроризм и обеспечение безопасности стран СНГ на постсоветском пространстве // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2014. № 7 (29). С. 30.

но и зарубежные боевики из стран Центральной Азии и Ближнего Востока. Противодействие терроризму длилось долгие годы, а сама Россия, согласно экспертным расчетам, в период 1991 – 2014 годов являлась основным местом совершения терактов с точки зрения, как их количества, так и с точки зрения общего вреда, выраженного в сумме экономических и человеческих потерь[204].

Если рассматривать этапы террористической активности в России, то наблюдается их циклический, или волнообразный характер, связанный с периодами всплеска террористической активности, за которыми следовало ее ослабление[205]. В большинстве эпизодов террористической деятельности на территории России наблюдалось влияние иностранных боевиков.

Причины распространения террористической активности были связаны не только с распространением идей исламского радикализма, но и с межэтническим конфликтом, развившимся из-за того, что центральное руководство страны сначала утратило управляемость социальными процессами в своих регионах, а затем стало пытаться возвращать контроль над ними. Как продолжают Д.С. Рязанов и А.В. Охрименко, это применимо к первым трем волнам, в то время как четвертая не была следствием возникновения новых очагов конфликтов или разжигания старых и не обуславливалась внутриполитическими обстоятельствами, в связи с чем исследователи делают вывод о том, что здесь наблюдалась поддержка террористической активности извне, вызванная международным соперничеством государств[206].

К настоящему времени Северный Кавказ остается регионом, где распространение терроризма в силу этнических и конфессиональных различий между местным населением и подавляющим населением остальной части страны является хронической угрозой. Здесь же по-прежнему есть

---

[204] Рязанов Д.С., Охрименко А.В. Терроризм в постсоветских государствах: общее и особенное (по материалам анализа электронных баз данных терроризма) // Теории и проблемы политических исследований. 2016. Т. 5. № 5А. С. 223.

[205] Там же. С. 224.

[206] Рязанов Д.С., Охрименко А.В. *Указ. соч*. С. 225.

террористические формирования. Так или иначе, федеральному правительству удалось локализовать террористическую угрозу в данном регионе, а плодотворное и активное взаимодействие с представителями региональных властей позволили гарантировать их лояльность центральной власти.

Как и в России, такая же волнообразная динамика терроризма свойственна и террористической активности в основных зонах распространения исламского радикализма в целом (речь идет о Кавказе и Центральной Азии). Анализируя период 1991 – 2014 годов, Д.С. Рязанов и А.В. Охрименко выделяют ряд пиков террористической активности, последний из которых пришелся на 2010 год, после чего стало наблюдаться затухание терроризма[207]. Это стало следствием того, что государства постсоветского пространства сумели в значительной степени стабилизировать свое внутреннее положение, накопить опыт эффективного противодействия терроризму и экстремизму, создать международные институты коллективной безопасности, разрешить или заморозить наиболее острые конфликты и стабилизировать ситуацию в регионе.

Что касается идеологических особенностей терроризма на постсоветском пространстве, то надо заметить, что если националистические (этносепаратистские) формирования в 1990-х годах преимущественно были источником террористической угрозы, то затем первое место занял джихадистский терроризм. В целом, это повторяет тенденции общемирового уровня, которые стали складываться еще даже до распада СССР[208]. В то же время, даже в период расцвета

---

[207] Там же. С. 222.

[208] Hoffman B. Holy Terror: The Implications of Terrorism Motivated by a Religious Imperative. – RAND Corporation, 1993. – P. 2.

См. также: Ross J.I., Gurr T.R. Why Terrorism Subsides: A Comparative Study of Canada and the United States // Comparative Politics. 1989. № 21 (4). P. 405-426.

националистических формирований, исламские течения и организации все равно оставались основой террора[209].

Тактика террористических организаций на постсоветском пространстве характерна тем, что преимущественно теракты были направлены против гражданского населения и их собственности, поскольку это вызывает наибольший общественный резонанс, помогая террористам реализовать свой основной мотив – как можно более широкое распространение информации о теракте для дестабилизации общественной и, как следствие, политической обстановки и принуждения властей действовать в их интересах (хотя в России и некоторых других странах были акции и против других групп населения, включая личный состав силовых структур). Среди тактических приемов широкое распространение в ряде постсоветских стран, включая Россию, получил именно суицидальный терроризм.

В то же время, терроризм на постсоветском пространстве не соответствует той медийной форме терроризма, которая широко распространена в Западной Европе или США, когда ответственность за терроризм берет на себя широко узнаваемое публичное лицо, пропагандирующее политическое насилие и стремящееся вызвать страх среди общества для достижения своих политических целей. Согласно данным статистики, на постсоветском пространстве в период распространения радикального исламизма организаторы терактов принимали на себя ответственность в 2 раза реже, чем в США или Западной Европе[210]. Терроризм в постсоветских странах больше напоминал способ ассиметричной войны, направленной на борьбу с силовыми структурами государства, а не на простое распространение паники. В иных случаях терроризм не приобретал

---

[209] Гусев Л.Ю. Борьба с терроризмом и экстремизмом в центральноазиатских странах – членах ШОС // Международная аналитика. 2016. № 4 (18). С. 68.

[210] Рязанов Д.С., Курбанов Р.Ш. Террористические сообщества и организации постсоветского пространства: динамика и метаморфозы, типология и структуры (по материалам электронных баз данных терроризма) // Общество: политика, экономика, право. 2016. № 11. С. 19.

характеристики полноценной политической активности, а лишь напоминал совершение общеуголовного преступления, направленного против конкретных лиц и групп людей, а не на провозглашение какой-то масштабной политической цели.

Распространение терроризма было сопряжено и с широким спектром видов различной криминальной активности, преимущественно связанной с доходными секторами «черного рынка» и «теневой экономики», поскольку, во-первых, такие сектора могут служить источником финансирования террористической деятельности, а во-вторых, многие террористические деятели стремились нажиться на возникшей нестабильности, не преследуя при этом по-настоящему какую-либо идеологию. К таким видам криминальной активности можно отнести контрабанду, торговлю оружием и людьми, а также наркоторговлю, развитие маршрутов которой особенно связано с близостью к одному из центров производства наркотиков – Афганистану.

При этом с географической точки зрения обозначилась такая ситуация, что развитие именно транснационального терроризма наблюдалось только в ранний период существования постсоветского пространства, когда оно представляло собой «агонию умирающего советского общества, разрываемого различными конфликтами[211]». В дальнейшем терроризм был более локализованным и имел «весьма конкретную государственную прописку[212]».

Спад угрозы исламистского терроризма, наблюдавшийся уже в 2010-х годах, привел к ситуации, когда основные очаги терроризма сконцентрировались за пределами постсоветского пространства. Дальнейший период борьбы с террористической угрозой перенесся на театры войны на Ближнем Востоке и в Центральной Азии, в то время как ее проникновение в страны постсоветского пространства снизилось, хотя и не исчезло целиком

---

[211] Рязанов Д.С., Курбанов Р.Ш. *Указ. соч.* С. 17.
[212] Там же.

(стоит вспомнить хотя бы атаку в метро Санкт-Петербурга в 2017 года[213]). К тому же, снижение интенсивности исламского терроризма не говорит о том, что его возрождение в тех масштабах, которые наблюдались в 1990-х – 2000-х годах, невозможно сегодня[214]. Неудовлетворительное социально-экономическое положение в отдельных постсоветских государствах, связанное с безработицей, бедностью, неустроенностью значительной части общества, значительным социальным неравенством и недостаточной эффективностью институтов власти, сохраняет благоприятную почву для возвращения идеологов радикального исламизма[215]. Никуда не исчезающая близость к странам, откуда исходит основная террористическая угроза, тоже превращает противодействие ей в долгосрочный тренд[216].

На основе данных Global Terrorism Index террористическая угроза распределилась следующим образом по странам постсоветского пространства в 2025 году:

Таблица 2

Постсоветские страны по Global Terrorism Index, 2025[217]

Государство	Индекс	Место в мире
Азербайджан	0,12	93
Армения	0,42	81

[213] В рамках уголовного дела о взрыве в метро Санкт-Петербурга задержаны 8 подозреваемых // СК РФ. 06.04.2017. URL: https://sledcom.ru/news/item/1114189 (дата обращения: 19.02.2025)

[214] Кокошина З.А. Роль Шанхайской организации сотрудничества в противодействии терроризму и экстремизму на постсоветском пространстве // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2017. № 4. С. 100.

[215] Содействие развитию государств Центральной Азии: стратегические горизонты российского участия: рабочая тетрадь / под ред. И.С. Иванова. – М.: Спецкнига, 2013. – С. 11.

[216] Баранов А.Ю. Шанхайская организация сотрудничества: долгосрочные перспективы роста // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2009. № 2 (16). С. 151.

[217] Сост. автором на основе: Global Terrorism Index // Vision of Humanity. URL: https://www.visionofhumanity.org/maps/global-terrorism-index/ (дата обращения: 05.04.2026)

Белоруссия	0,12	93
Грузия	0,51	77
Казахстан	0	-
Киргизия	0	-
Латвия	0,23	90
Литва	0,42	81
Молдавия	0	-
Россия	5,59	17
Таджикистан	2,6	41
Туркменистан	0	-
Узбекистан	0,11	95
Украина	2,93	39
Эстония	0	-

Структура террористической угрозы на постсоветском пространстве теперь является отличной от той, которая была раньше. Если в общественном сознании и большинстве научных публикаций как в российском, так и в зарубежном сообществе терроризм отождествляется с деятельностью исламских радикалов[218], то сегодня наибольшая террористическая активность связана со внутренними и межгосударственными конфликтами на постсоветском пространстве и не несет в себе элемента исламской идеологии.

Заявления о террористических акциях, совершенных против одного государства другим, стали обычной практикой, наблюдаемой во многих межгосударственных конфликтах. То же самое можно отметить и в контексте национально-освободительных войн или сепаратизма, в зависимости от того, с какой стороны рассматривать такое явление.

[218] Манойло А.В., Шегаев И.С. Террористический рекрутинг на постсоветском пространстве: современные тенденции и риски для России // Российский социально-гуманитарный журнал. 2018. № 2. С. 132.

Так, если рассматривать статистику количества совершенных терактов, то их больше всего с 2014 года регистрирует Украина (рис. 1), которая с 2013 года находится в состоянии острого внутриполитического кризиса, приведшего к вооруженному конфликту в западных регионах России. После 2014 года Украина объявила антитеррористическую операцию (АТО) на своем востоке[219]: отсюда и квалификация всех деяний как террористических, а не как военных. Данные украинских властей, направленные в адрес международных статистических агентств, занимающихся регистрацией терроризма, уже в 2014 году позволили вывести Донецкую и Луганскую народные республики в лидеры по количеству совершенных ими «террористических акций»[220].

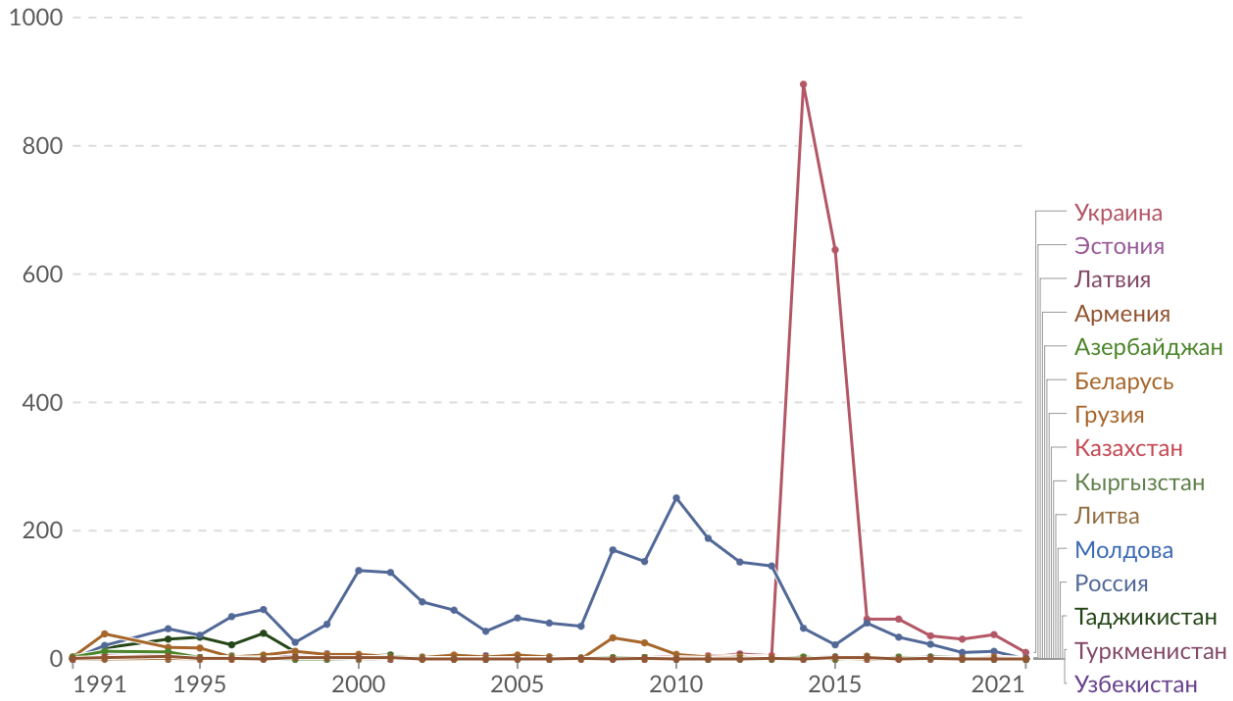

Рисунок 1. Количество террористических атак, совершенных на постсоветском пространстве[221]

[219] Александр Турчинов: «Наша задача – продвигаться на восток» // BBC. 14.04.2017. URL: https://www.bbc.com/ukrainian/features-russian-39598719 (дата обращения: 06.04.2026)

[220] Рязанов Д.С., Курбанов Р.Ш. *Указ. соч.* С. 20.

[221] Herre B., Samborska V., Ritchie H., Roser M. Terrorism // Our World in Data. URL: https://ourworldindata.org/terrorism (дата обращения: 19.02.2025)

Соответственно, в ДНР и ЛНР в 2014-2022 гг. и в России, напротив, националистически настроенные политические силы и структуры признаются террористическими[222]. Речь идет, например, о запрещенной в России организации «Правый сектор».

Подобная ситуация демонстрирует, что в последнее десятилетие основные обвинения в терроризме связаны с деятельностью самих постсоветских государств в своих внутренних или международных конфликтах, но не окрашены в конфессиональные оттенки. То же наблюдается и в контексте молдавско-приднестровского конфликта, и нагорнокарабахского конфликта и прочих активных и замороженных конфликтов в рассматриваемом регионе. Политика обвинения другой стороны в совершении терактов наблюдалась и раньше, но сегодня она является особенно отчетливой, поскольку более масштабный по своим проявлениям исламский радикализм в значительной степени был подавлен в постсоветских странах.

По итогам настоящего раздела можно заключить, что терроризм и экстремизм стали одними из основных проблем бывших южных республик СССР, а также России. Речь шла о распространении радикального исламизма в странах со значительной долей мусульманского населения, где сформировались благоприятные условия для закрепления опасных тенденций (утрата реального контроля за территорией и населением со стороны центральной власти, сложное социально-экономическое положение, идеологический вакуум после крушения коммунистической идеологии, большое количество внутригосударственных и межгосударственных противоречий, пособничество терроризму со стороны внерегиональных игроков, преследующих на постсоветском пространстве свои цели). Основной

[222] Багдасарян В.Э., Сулакшин С.С. Современный фашизм: новые облики и проявления. – М.: Наука и политика, 2017. – С. 121.

период противодействия терроризму пришелся на 1990-е – 2000-е годы, до тех пор, пока не была значительно стабилизирована политическая и социально-экономическая обстановка и не были сформированы эффективные механизмы борьбы с терроризмом, включая инструменты международного сотрудничества. В то же время, сохраняются условия для возрождения исламского радикализма из-за сохранения слабости политических институтов в отдельных постсоветских республиках, низкого социально-экономического положения населения, близости к основным регионам распространения терроризма – Центральной Азии и Ближнего Востока.

В настоящее время преимущественным видом терроризма выступают акты, совершаемые в рамках внутригосударственных и межгосударственных противоречий и конфликтов на постсоветском пространстве. Квалификация таких актов в качестве террористических является политизированной и неоднозначной, поскольку противоборствующие стороны склонны характеризовать любые активные действия в рамках борьбы друг с другом в качестве терроризма. Это, в свою очередь, сдерживает развитие борьбы с реальными террористическими угрозами, представляющими опасность для всего постсоветского пространства.

***

По итогам настоящей главы можно заключить, что ни в научном сообществе, ни в юридических документах не существует единства подходов к определению терроризма. В то же время, можно вывести некоторые его общие признаки, с которыми согласно большинство исследователей. На основе данных признаков автор предлагает определить терроризм в качестве социально-политического явления и общественно опасной формы преступного поведения, в ходе которого совершаются насильственные действия или угроза таких действий (включая широкий спектр

общеуголовных преступлений – взрывы, поджоги, убийства, нанесение вреда имуществу, захват заложников и т.д.) для того, чтобы оказать устрашающее воздействие на конкретных лиц или все население в целом, дестабилизировать общественное и политическое положение и принудить, таким образом, органы власти к тому, чтобы они действовали в интересах террористов.

На международно-правовом уровне невозможность разработать единое определение терроризма связано с волей отдельных участников международного сообщества, которые предпочитают не сковывать себя рамками международного права и сохранять свободу маневра в отношении того, какие деяния квалифицировать в качестве террористических, исходя из своих интересов. Некоторые полагают, что отсутствие единого определения сдерживает потенциал развития международного сотрудничества по борьбе с рассматриваемым явлением. Тем не менее это замечание не совсем верно, поскольку есть много примеров развития механизмов антитеррористического сотрудничества и без универсальной дефиниции.

Если раньше терроризм был в большинстве случаев внутригосударственным, то теперь он становится преимущественно международным. Соответственно, бороться с терроризмом без международного взаимодействия бесполезно. Международная борьба с терроризмом должна осуществляться на уровне ООН, двустороннего взаимодействия, но нередко оказывается недостаточно эффективным – во многом из-за разницы подходов государств к данному виду деятельности. В этой связи наиболее разумно будет бороться с терроризмом в рамках более ограниченных межгосударственных региональных образований, таких как предлагаемый в настоящей работе РКБ, поскольку в таких образованиях принятие решений по борьбе с терроризмом будет более быстрым и результативным из-за того, что государства внутри комплекса обладают общностью интересов и проблем, связанных с антитеррористической борьбой. В результате, выявлено, что эффективнее всего борьба с терроризмом будет

в рамках РКБ, поскольку ни национальные, ни международные подходы к борьбе с терроризмом большого эффекта не дают.

ГЛАВА 2. СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПОЛИТИКИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ НА ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ В КОНТЕКСТЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТЕРРОРИЗМУ

2.1. Международные организации и институты безопасности в сфере противодействия терроризму

Международное сотрудничество представляет собой основное условие того, что борьба с этой транснациональной угрозой, затрагивающей интересы различных государств, решалась эффективным способом. Существует множество международных организаций, институтов и форматов, вовлеченных в международное антитеррористическое сотрудничество. В настоящем разделе будут рассмотрены уровни международного *официального* сотрудничества. *Неофициальное* сотрудничество (на уровне негосударственных субъектов) не является предметом рассмотрения в настоящей работе, а потому затрагиваться не будет.

В целом все международное сотрудничество в сфере борьбы с терроризмом можно подразделить на следующие уровни:

I. Межгосударственный уровень. Ключевой характеристикой такого уровня выступает то, что он реализуется между государствами в целом и опирается на межгосударственные источники международного права. Это наиболее высокий уровень международного сотрудничества.

В свою очередь, межгосударственное сотрудничество делится на несколько категорий:

1. Многосторонние форматы:

1.1. Универсальный (глобальный) уровень. Среди всех уровней межгосударственного сотрудничества именно универсальный уровень является высоким. Его ключевая характеристика заключается в том,

что он охватывает бóльшую часть стран мира и ориентирован на глобальное действие и распространение. Именно на этом уровне предпринимаются попытки создать общемировую систему борьбы с терроризмом, производится глобальный обмен опытом, координируется национальная политика мирового сообщества и разрабатываются ключевые совместные и согласованные меры по противодействию терроризму.

Важнейшей международной структурой в системе противодействия терроризму на универсальном уровне выступает ООН. В соответствии с ч. 1 ст. 1 Устава данной организации[223] ООН обязуется поддерживать международный мир и безопасность и разрабатывать коллективные мероприятия, направленные на предотвращение и отражение угроз миру на основе принципов справедливости и соблюдения международного права. Несмотря на то, что по мнению некоторых экспертов эффективность ООН в последние годы стала сомнительной[224], эта организация по-прежнему большинством государств мира считается основным институтом, ответственным за глобальный мир и порядок.

Данная организация занимается как правовыми, так и институциональными вопросами обрамления международного сотрудничества по борьбе с терроризмом. Так, в ее рамках было выработано большое количество различных документов (конвенций и протоколов к ним (прил. 1), резолюций и т.д.), которые посвящены непосредственно борьбе с проявлениями терроризма. Помимо этого, было выработано большое количество других документов в сфере борьбы с терроризмом, включая резолюции Совета Безопасности ООН (СБ ООН), которые в соответствии со

---

[223] Устав Организации Объединенных Наций (Принят в г. Сан-Франциско 26.06.1945) // Действующее международное право. Т. 1. – М.: Московский независимый институт международного права, 1996. – С. 7-33.

[224] Д.А. Медведев: многие сегодня воспринимают ООН как малозначимый дискуссионный клуб // РИА Новости 20.05.2025. URL: https://ria.ru/20250520/oon-2018088910.html (дата обращения: 25.05.2025)

ст. 25 Устава ООН являются юридически обязательными для всех государств-членов и должны исполняться.

Сформирована также институциональная структура антитеррористической борьбы. Далее перечислены созданные ключевые институты в сфере борьбы с терроризмом в хронологическом порядке:

⇒ СБ ООН. В соответствии с ч. 1 ст. 24 Устава ООН именно на СБ лежит основная ответственность за поддержание международного мира и безопасности, из чего проистекает полномочие СБ ООН, установленное в ст. 39 рассматриваемого документа, которое позволяет данному органу самостоятельно определять наличие угрозы миру или непосредственного нарушения безопасности, а также квалифицировать факт агрессии, на основании чего этот орган решает, какие меры должны быть предприняты для устранения нарушений. В настоящее время СБ ООН ввел 14 режимов санкций, направленными в т.ч. на противодействие терроризму[225]. Для управления санкциями предусмотрены специализированные комитеты, которые возглавляются непостоянными членами.

⇒ Контртеррористический комитет СБ ООН (КТК ООН). КТК был образован вскоре после терактов 11 сентября 2001 года в США на основе Резолюции СБ ООН 1373 (2001)[226]. В состав КТК входят все 15 членов СБ ООН (5 постоянных и 10 непостоянных). Деятельность КТК направлена на то, чтобы между государствами-членами ООН и СБ ООН функционировал непрерывный диалог по поводу того, как можно наиболее эффективным образом противодействовать терроризму. На КТК также лежит обязанность по обеспечению взаимодействия между различными органами и структурными подразделениями ООН, имеющими отношение

[225] Борьба с терроризмом // СБ ООН. URL: https://www.un.org/ru/global-issues/countering-terrorism (дата обращения: 26.03.2025)

[226] Резолюция Совета Безопасности ООН 1373 (2001) от 28.09.2001 «Об угрозах международному миру и безопасности, вызванных террористическими актами» // Нью-Йорк: ООН, 28.09.2001. 4 с.

к противодействию терроризму. В целом, КТК можно описать как инструмент надзора за соблюдением санкций, установленных СБ ООН.

Исполнительный директорат КТК (ИД КТК), учрежденный в 2004 году[227], направлен на то, чтобы содействовать КТК ООН в осуществлении его функций. Создание ИД было обусловлено расширением функционала КТК, а также стремлением повысить эффективность противодействия террористической угрозе на уровне ООН[228].

⇒ Контртеррористический центр ООН (КТЦ ООН). В 2006 году на консенсуальной основе Генеральной Ассамблеей ООН (ГА ООН) была разработана Глобальная контртеррористическая стратегия[229], направленная на принятие конкретных мер по борьбе с терроризмом на национальном уровне и устранение условий его возникновения и распространения, предотвращение терроризма, развитие потенциала государств-членов в сфере борьбы с терроризмом, укрепление роли ООН в сфере борьбы с терроризмом, обеспечение соблюдения прав человека и законности в рассматриваемой области. Данная стратегия стала уникальным инструментом для укрепления усилий в области борьбы с терроризмом на национальном, региональном и международном уровне. В ней же было заявлено, что в будущем может быть поставлен вопрос о создании международного центра, который будет заниматься координацией международных усилий в сфере борьбы с терроризмом.

Соответствующий центр был создан в 2011 году, чтобы содействовать международному антитеррористическому сотрудничеству и содействовать отдельным государствам-членам в реализации Глобальной

---

[227] Резолюция Совета Безопасности ООН 1535 (2004) от 26.03.2004 «О возрождении Комитета Совета Безопасности, созданного в соответствии с резолюцией 1373 (2001), касающегося борьбы с терроризмом» // Нью-Йорк: ООН, 26.03.2004. 3 с.

[228] Наш мандат // КТК ООН. URL: https://www.un.org/securitycouncil/ctc/ru/content/our-mandate (дата обращения: 26.03.2025)

[229] Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 60/288 от 08.09.2006 «Глобальная контртеррористическая стратегия Организации Объединенных Наций» // Нью-Йорк: ООН, 08.09.2006.

антитеррористической стратегии. КТЦ ООН был образован в составе бюро Целевой группы по осуществлению контртеррористических мероприятий (ЦГОКМ) Департамента по политическим вопросам и вопросам миростроительства Секретариата ООН[230].

⇒ Контртеррористическое управление ГА ООН (КТУ ООН). КТУ было образовано в 2017 году[231]. Создание КТУ было частью реформы антитеррористической структуры ООН, в свою очередь, являющейся составной частью общей реформы функционирования ООН в различных направлениях, которая проводится в период деятельности на посту Генерального секретаря ООН А. Гутерриша[232].

Сфера деятельности данной структуры распространяется на борьбу с терроризмом на всех уровнях – глобальном, региональном и национальном. КТУ занимается улучшением координации между структурами ООН, оказывает техническую помощь и укрепляет потенциал государств-членов в борьбе с терроризмом. ЦГОКМ и КТЦ ООН были выведены из Департамента по политическим вопросам и вопросам миростроительства и перешли в КТУ ООН. В настоящее время КТЦ играет роль основного подразделения КТУ в сфере содействия государствам-членам в наращивании их потенциала в области антитеррористической борьбы (в частности, КТЦ разрабатывает национальные и региональные планы по борьбе с терроризмом). Основную суть работы КТУ составляют положения Глобальной контртеррористической стратегии, которая каждые 2 года пересматривается ООН, что дает возможность актуализировать данный документ и адаптировать его к меняющимся условиям.

---

[230] Основные сведения // КТЦ ООН. URL: https://www.un.org/counterterrorism/ru/cct/background (дата обращения: 26.03.2025)

[231] Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 71/291 от 15.06.2017 «Укрепление потенциала системы Организации Объединенных Наций по оказанию государствам-членам поддержки в осуществлении Глобальной контртеррористической стратегии Организации Объединенных Наций» // Нью-Йорк: ООН, 19.06.2017. 2 с.

[232] United to Reform // United Nations. URL: https://reform.un.org (дата обращения: 26.03.2025)

В функции КТУ входит следующее:

- руководство исполнением мандатов ГА ООН в сфере борьбы с терроризмом;
- обеспечение координации и согласованности действий участников антитеррористических мероприятий, действующих под эгидой институтов ООН;
- совершенствование мер, направленных на помощь национальным правительствам в деле борьбы с терроризмом;
- мобилизация ресурсов на борьбу с терроризмом;
- проведение информационно-просветительской работы в рассматриваемой сфере, информирование общественности о планах и результатах работы ООН в данном направлении;
- обеспечение долгого внимания всей системы ООН к проблеме терроризма;
- разработка мер по предупреждению терроризма и иных насильственных форм экстремизма.

Основные направления работы КТУ определяются ГА ООН в своих резолюциях, которые производятся по итогам регулярного обзора Глобальной контртеррористической стратегии. КТУ активно взаимодействует с государствами, международными организациями, научным сообществом, гражданскими (неправительственными) организациями, объединениями и иными заинтересованными сторонами для развития новых конструктивных связей в области борьбы с терроризмом[233].

⇒ Участники Глобального договора ООН по координации контртеррористической деятельности (прил. 2) (далее – Глобальный договор; не путать с Глобальным договором ООН – инициативы ООН, действующей с 2000 года и направленной на распространение корпоративной социальной

[233] О нас // КТУ ООН. URL: https://www.un.org/counterterrorism/ru/about (дата обращения: 26.03.2025)

ответственности). Инициатива Глобального договора была подписана в феврале 2018 года. В настоящее время его участниками являются 37 структурных подразделений ООН, а 6 организаций выступают наблюдателями[234]. ГД охватывает три основные направления:

- обеспечение мира и безопасности;
- достижение устойчивого развития;
- защита прав человека и прочие гуманитарные аспекты.

Глобальный договор направлен на то, чтобы вся система ООН могла действовать согласованным образом при оказании помощи государствам-членам в реализации Глобальной контртеррористической стратегии и прочих документов ООН. Таким образом, смысл данной инициативы заключается в том, чтобы структуры ООН, занимающиеся противодействием терроризму, действовали более скоординировано и согласованно. КТУ исполняет обязанности секретариата Глобального договора[235].

Указанные институты являются основой противодействия терроризму на уровне ООН. Схематически их структура представлена на рисунке 2.

[234] Структуры Глобального договора Организации Объединенных Наций по координации контртеррористической деятельности // ООН. URL: https://www.un.org/counterterrorism/ru/global-ct-compact/entities (дата обращения: 26.03.2025)

[235] Глобальный договор ООН по координации контртеррористической деятельности // ООН. URL: https://www.un.org/counterterrorism/ru/global-ct-compact (дата обращения: 26.03.2025)

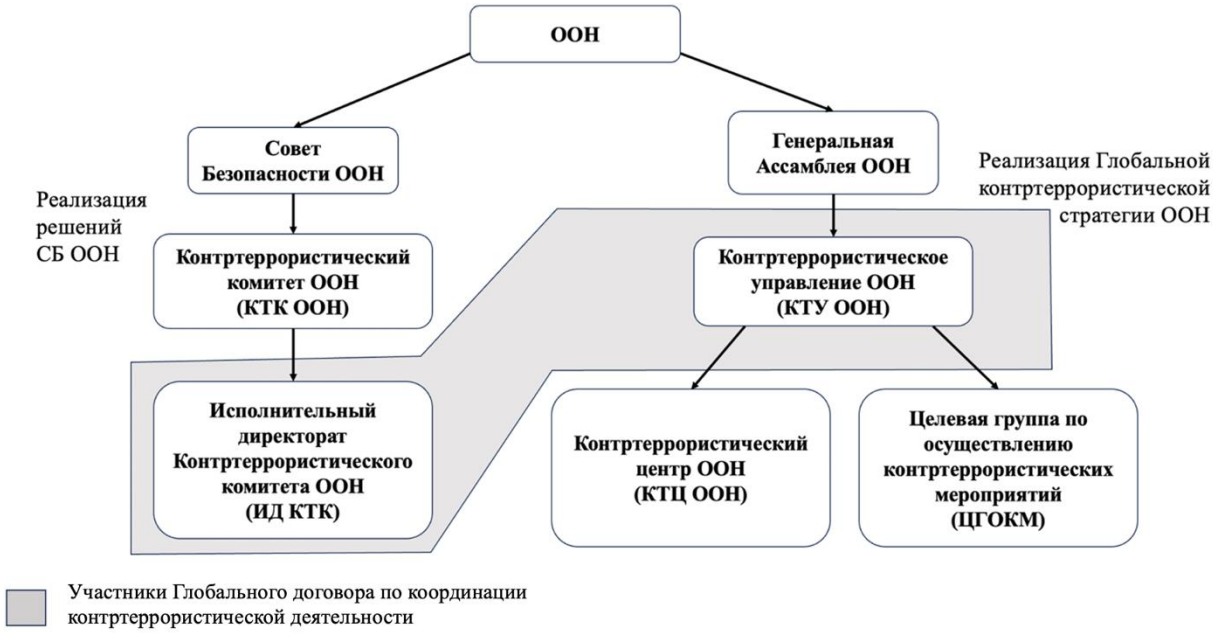

Рисунок 2. Структура *основных* институтов ООН в сфере борьбы с терроризмом (горизонтальные связи не учитываются)[236]

Помимо них, в сложной и разветвленной структуре ООН существует множество других органов, организаций, программ, миссий, комитетов и прочего, которые занимаются непосредственно вопросами противодействия терроризму или смежными с ними проблемами. В частности, следует упомянуть деятельность Управления ООН по наркотикам и преступности (УНП ООН), которое занимается борьбой с организованной преступностью и иными видами преступности, а также с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров. В настоящее время очевидным является то, что доходы от незаконной деятельности, особенно от наркоторговли, являются основным источником финансирования терроризма. В этой связи в рамках УНП ООН предусмотрен специализированный сектор, направленный на сотрудничество с государствами-членами в области предупреждения и отражения терроризма и насильственного экстремизма, продвижение международно-правовых

[236] Сост. автором.

инициатив и решений и содействие в их реализации, стимулирование общего сотрудничества в рассматриваемой области на глобальном уровне.

1.2. Региональный уровень. Ключевой характеристикой данного уровня выступает то, что сфера его действия ограничивается рамками определенного региона. Соответственно, основами данного уровня выступают региональные международные документы и организации. Сюда относятся множество различных структур, включая Антитеррористическое подразделение ОБСЕ, Рабочую группу Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС) по борьбе с терроризмом и т.д.

Созданные для реализации специализированных задач, отвечающих реальным потребностям конкретного региона и входящих в него стран, данные институты зачастую являются более эффективными, чем универсальные механизмы ООН, разработанные в более общем порядке для всего мира. Региональные структуры фокусируются на тех особых потребностях, которые наблюдаются в регионе.

Важнейшим достоинством регионального сотрудничества выступает то, что в нем зачастую объединены страны, обладающие некой общностью (географической близостью, единым историческим прошлым, культурной и языковой общностью, схожим уровнем социально-экономического развития, общей политической повесткой и т.д.), что является источником того, что у этих стран есть конкретные общие интересы и проблемы. Опора на это позволяет странам вырабатывать решения эффективнее и более оперативно, а степень реализуемости таких решений является обычно высокой, поскольку выработанное решение отвечает интересам каждой заинтересованной стороны. На универсальном уровне можно разрабатывать решения, которые будут крайне общими и обтекаемыми, поскольку достичь глобального компромисса в разнородной системе международных отношений, состоящей из государств с нередко диаметрально противоположными интересами, крайне сложно, в то время как

на региональном уровне этот процесс упрощается за счет сокращения количества участников процесса обсуждения до такого, при котором все участники будут иметь общую настроенность на реализацию конкретных мероприятий, соответствующих их индивидуальным национальным интересам. В этой связи наиболее эффективная система многостороннего сотрудничества в сфере борьбы с терроризмом строится на взаимодополняемости глобальных и региональных структур:

- на универсальном уровне принимаются наиболее общие решения, отвечающие общемировым (общечеловеческим) ценностям;
- конкретные решения по принципу субсидиарности должны приниматься на уровне региональных объединений.

2. Двусторонний формат. Такой формат осуществляется между государствами на двустороннем уровне. Он также вносит значительный вклад в противодействие терроризму, поскольку в рамках двусторонних соглашений можно добиться наиболее конкретных мер. В то же время, во-первых, на двусторонние договоренности будет влиять универсальный и региональный уровень, поскольку стороны не смогут согласовывать положения, противоречащие их обязательствам по региональным и универсальным документам. Во-вторых, двустороннего уровня чаще всего является недостаточно для эффективной борьбы с быстро «расползающейся» проблемой международного терроризма.

II. Межведомственный уровень. Сотрудничество может развиваться и на уровне определенных ведомств. Географические уровни такого сотрудничества – глобальный, региональный и двусторонний – также применяются к межведомственному сотрудничеству. По отношению к межгосударственному сотрудничеству межведомственный уровень имеет подчиненный характер.

В сфере противодействия терроризму основное межведомственное сотрудничество осуществляется по линии органов внутренних дел,

правоохранительных органов и органов правопорядка, служб специального назначения и других институтов обеспечения безопасности. Как правило, на межведомственном уровне осуществляется реализация следующих функций:

- укрепление взаимодействия, согласованности и сотрудничества между национальными органами, компетентными в сфере противодействия терроризму;
- обеспечение исполнения достигнутых договоренностей в рассматриваемой области;
- совместное участие в различных международных контртеррористических инициативах;
- выработка согласованных или совместных действий (включая оперативно-розыскные, боевые и иные операции) по предупреждению терроризма и противодействию ему;
- обмен знаниями, опытом и данными в рассматриваемой сфере, ведение соответствующих информационных баз[237].

На межведомственном сотрудничестве можно выработать наиболее практически применимые и узкоспециализированные мероприятия по борьбе с терроризмом, поскольку это обеспечивается необходимой компетенцией участников такого уровня сотрудничества.

По итогам настоящего раздела можно заключить, что международное сотрудничество в сфере противодействия терроризму реализуется на различных уровнях, которые можно делить по географическому охвату действия соответствующих институтов и документов (универсальный (глобальный), региональный и двусторонний уровни) и по уровни вовлеченности участников международного сообщества (межгосударственный – на уровне государства и высших лиц,

[237] Противодействие терроризму в Российской Федерации: сборник учебных материалов. – М.: Аппарат Национального антитеррористического комитета, 2019. – с. 79 (201 с.)

межведомственный – на уровне отдельных органов и ведомств). В основе глобального уровня лежит ООН и его сложная и разветвленная структура различных органов, организаций и прочих институтов. Проводимая в настоящее время реформа организации антитеррористической структуры ООН позволяет лучше систематизировать и согласовать между собой различные институты, входящие в систему борьбы с терроризмом. На региональном уровне действует множество различных структур и институтов в формате региональных объединений. Развивается сотрудничество и на двустороннем уровне. Все уровни сотрудничества между собой иерархически подчинены, что обуславливается разницей юридической силы различных документов, составляющих нормативно-правовую основу функционирования рассматриваемых институтов.

Делается вывод о том, что в соответствии с принципом субсидиарности наиболее эффективная борьба с терроризмом будет осуществляться при движении от наиболее общих решений, принимаемых на универсальном уровне, к наиболее конкретным решениям, принимаемым на уровне регионов, отдельных государств и ведомств, поскольку сокращение количества участников обсуждения различных инициатив приводит к возможности согласовать наименее обтекаемые и более специфицированные действия, отвечающие национальным интересам участвующих сторон. Это, в свою очередь, не умаляет значимости универсального уровня, поскольку в процесс борьбы с терроризмом должны быть вовлечены все участники международного сообщества, чтобы искоренить этот феномен, в то время как достичь этого можно только в глобальном формате.

2.2. Деятельность международных организаций в сфере противодействия терроризму на евразийском пространстве как подсистемы регионального комплекса антитеррористической безопасности

В настоящее время во всех регионах мира наблюдается активное развитие платформ для противодействия различным угрозам безопасности, включая проблему международного терроризма. Не исключением здесь выступает и евразийское пространство. В настоящем разделе будут проанализированы основные подходы к борьбе с терроризмом на уровне важнейших институтов для обеспечения безопасности постсоветского пространства и близлежащих стран, а именно СНГ, ОДКБ и ШОС. Определения, которые эти организации и их государства-члены дают международному терроризму, представлены в приложении 3. Эти организации можно рассматривать в качестве подсистемы в рамках предлагаемого в настоящем исследовании антитеррористического РКБ, подробнее который будет описан в главе 3 настоящего исследования.

Ряд стран СНГ, как говорилось в первой главе настоящего исследования, столкнулись с существенной угрозой терроризма уже в 1990-х годах. Особенно сильно эта угроза проявилась в кавказском и центральноазиатском регионах. Несмотря на распад СССР, национальные границы остались сильно проницаемыми, что сформировало условия для практически беспрепятственного движения криминальных элементов. Это стало одним из факторов расширения географии террористической деятельности и иной преступной активности[238]. Ухудшалась ситуация на фоне того, как росла адаптивность террористических группировок к деятельности спецслужб, а также того, как начали появляться целые конгломераты, обладающие способностью противодействовать воинским формированиям. Стали

[238] Феофанов К.А. Цивилизационные и социальные истоки международного терроризма // Социально-гуманитарные знания. 2004. № 5. С. 39-54.

появляться новые формы терроризма, увеличился масштаб совершаемых терактов, расширился перечень объектов, в отношении которых может быть направлена террористическая агрессия[239]. Наконец, сложности во внутриполитической жизни и приближенность отдельных стран к одной из основных территорий – «экспортеров» терроризма (Центральная Азия и Ближний Восток, особенно территорий Афганистана и Сирии) усиливали влияние терроризма на постсоветское пространство.

Проблема терроризма стала обсуждаться в формате СНГ уже в 1990-х годах[240]. В 1999 году был заключен основополагающий документ в сфере антитеррористической борьбы – Договор о сотрудничестве государств – участников СНГ в борьбе с терроризмом[241]. Это соглашение имело существенное практическое значение: в нем была дана дефиниция терроризма (противоправное уголовно наказуемое деяние, которое совершается для нарушения общественной безопасности, воздействия на принятие решений органами власти, устрашения населения в различных формах), определены основы взаимодействия государств-членов в сфере противодействия терроризму, а также порядок запросов и оказания правовой помощи в сфере уголовного преследования. В рамках дальнейшего нормотворчества в формате СНГ были определены основы совместных контртеррористических действий государств-членов и основные цели, задачи, направления и формы сотрудничества в сфере борьбы с терроризмом и экстремизмом[242]. Большой вклад внесла и разработка модельного

---

[239] Феофанов К.А., Астишина Е.А. Международное сотрудничество стран СНГ в сфере противодействия терроризму // Социально-гуманитарные знания. 2018. № 5. С. 187 (С. 187-203).

[240] Алешин В.В. Нормативно-правовые основы антитеррористического сотрудничества в рамках СНГ, ОДКБ и ШОС // Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право. 2018. № 4 (17). С. 23 (С. 22-31).

[241] Договор о сотрудничестве государств – участников Содружества Независимых Государств в борьбе с терроризмом (г. Минск, 04.06.1999) // Бюллетень международных договоров. 2006. № 9.

[242] Протокол об утверждении Положения о порядке организации и проведения совместных антитеррористических мероприятий на территориях государств – участников Содружества Независимых Государств (Кишинев, 07.10.2002) // Бюллетень

законодательства, направленная на то, чтобы обеспечить единообразие подходов стран СНГ к преступности и терроризму. Эти модельные законы были восприняты и инкорпорированы многими странами Содружества[243].

В 1997 году в структуре высшего органа СНГ – Совета глав государств – был образован Совет руководителей органов безопасности и специальных служб (СОРБ СНГ)[244]. Данный орган занимается обеспечением координации соответствующих органов и служб в сфере противодействия трансграничной преступности и иным общественно опасным формам поведения. Заседания должны осуществляться не реже 2 раз в год. Решения принимаются на основе общего согласия всех присутствующих на заседании членов. Комиссии и комитеты в рамках СОРБ, действующие на постоянной основе, занимаются специфическими направлениями деятельности (специализированной комиссии по борьбе с терроризмом не предусмотрено). В то же время, наряду с противодействием незаконной наркоторговле и иным опасным проявлениям организованной преступности, приоритетное внимание в рамках СОРБ уделяется именно борьбе с терроризмом и насильственным экстремизмом. Наибольшую значимость для СОРБ имеют именно практические мероприятия – согласованные и совместные, оперативно-розыскного и иного характера.

В настоящее время вся правовая основа работы СОРБ уже сформирована. Налажен обмен информацией между участниками работы органа (органами безопасности и спецслужбами), включая оперативные

международных договоров. 2004. № 10.; Решение Совета глав государств Содружества Независимых Государств «О Концепции сотрудничества государств-участников Содружества Независимых Государств в борьбе с терроризмом и иными насильственными проявлениями экстремизма» (г. Казань, 26.08.2005). URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=9442 (дата обращения: 14.03.2025)

[243] Каримов Р.Р., Каримова Г.Ю. Противодействие терроризму в рамках СНГ: нормативные и институциональные аспекты // Человек: преступление и наказание. 2016. № (93). С. 66 (С. 65-68).

[244] Решение о Совете руководителей органов безопасности и специальных служб государств – участников Содружества Независимых Государств (Москва, 28 марта 1997 г.) URL: https://base.garant.ru/1148017/ (дата обращения: 25.03.2025)

данные. Осуществляется взаимодействие с другими институтами СНГ, вовлеченными в процесс борьбы с терроризмом, включая Совет министров внутренних дел (СМВД СНГ), Совет командующих пограничными войсками (СКПВ СНГ), Координационное совещание органов СНГ и Совещание руководителей рабочих структур органов СНГ, осуществляющих сотрудничество в сфере борьбы с преступностью. На заседания СОРБ часто приглашаются и руководители органов безопасности / спецслужб стран, не входящих в СНГ, что помогает расширить обмен опытом[245].

Важным достижением стало образование в 2000 году Антитеррористического центра (АТЦ СНГ)[246], который представляет собой орган СНГ, занимающийся координацией работы национальных органов государств-членов, компетентных в вопросах борьбы с международным терроризмом и прочими проявлениями экстремизма. СОРБ осуществляет общее руководство АТЦ, включая вопросы его совершенствования.

АТЦ СНГ является основным институтом в сфере противодействия терроризма в формате СНГ. За время существования организации АТЦ СНГ сумел превратиться в весьма действенный механизм координации работы национальных органов безопасности стран Содружества[247].

В основные задачи данного института входит:

- ведение Объединенного банка данных органов безопасности и специальных служб (ОБД СНГ; центральное звено

---

[245] Информация о деятельности Совета руководителей органов безопасности и специальных служб государств – участников Содружества Независимых Государств // Интернет-портал СНГ. URL: https://e-cis.info/cooperation/3134/77470/ (дата обращения: 25.03.2025)

[246] Решение Совета глав государств СНГ от 21 июня 2000 года «О создании Антитеррористического центра государств – участников Содружества Независимых Государств». URL: https://www.cisatc.org/188 (дата обращения: 14.03.2025); Положение об Антитеррористическом центре государств-участников Содружества Независимых Государств. URL: https://www.cisatc.org/189 (дата обращения: 14.03.2025)

[247] Бондуровский В.В. Модельное законодательство СНГ и ОДКБ в сфере противодействия международному терроризму: состояние и направления совершенствования // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2016. № 1 (19). С. 58 (С. 57-63).

располагается у ФСБ России), в котором собирается информация о функционерах террористических группировок и террористических формированиях, о различных субъектах, оказывающих содействие террористам. За время своей работы только в 2016 – 2017 годах было определено местонахождение более чем 500 различных лиц, обвиняемых в террористических преступлениях[248];

- координация работы компетентных национальных органов в сфере борьбы с терроризмом;
- организация различных антитеррористических мероприятий, включая учения;
- подготовка нормативно-правовых документов в сфере антитеррористической борьбы и иных материалов (отчетов и докладов о состоянии и динамике борьбы с терроризмом, состоянии и тенденциях оперативной обстановки как в СНГ, так и вне региона и т.д.), разработка предложений по совершенствованию антитеррористической борьбы;
- развитие контактов с иными международными структурами по борьбе с терроризмом;
- участие в научно-практической деятельности в рамках своего предмета ведения.

В частности, именно АТЦ СНГ принимает участие в реализации программного подхода, который в СНГ используется в отношении борьбы с терроризмом[249]. Программный подход базируется на том, что применяются

[248] Агададашов Д. Выявлено местонахождение более 500 террористов, разыскиваемых в странах СНГ, за последние два года // Report. 05.10.2017. URL: https://report.az/ru/v-regione/antiterroristicheskij-centr-sng-vyyavil-mestonahozhdenie-bolee-500-terroristov-za-poslednie-dva-goda/ (дата обращения: 25.03.2025)

[249] Репинская О.В. Сотрудничество по противодействию терроризму в формате СНГ // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 4. С. 175 (С. 174-178).

определенные программы для решения проблем, связанных с терроризмом. Сам по себе программный подход характеризуется комплексным характером и разнонаправленностью, в результате чего он позволяет всеобъемлюще подойти к различным проблемам и решать их системно, в связке друг с другом. Программа включает в себя совокупность мероприятий, которые рассчитаны на конкретные сроки и предназначены для решения конкретных задач. За счет высокой степени конкретики программа получает высокую эффективность уже на этапе планирования, а затем и в период реализации[250]. Таким образом, программа позволяет четко наметить шаги и действия, которые необходимы для того, чтобы достичь поставленных целей[251].

Важным критерием эффективности программ выступают гибкость и адаптивность, поскольку по мере изменения внешних и внутренних условий такие программы необходимо корректировать и актуализировать[252]. В этой связи антитеррористические программы в СНГ выпускаются в среднем на 2 года, после чего обновляются, чтобы соответствовать актуальным проблемам и задачам[253].

Текущая программа сотрудничества в борьбе с терроризмом и экстремизмом рассчитана на 2026 – 2028 годы[254]. В ней определены следующие основные мероприятия:

- дальнейшее развитие международно-правовой базы в сфере противодействия терроризму в СНГ, сближение политики

---

[250] Вишневская Н.Г. Рынок труда молодежи: механизм регулирования в современных условиях: автореф. дис. … канд. экон. наук. – Уфа, 2010. – С. 14 (24 с.)

[251] Васецкая Н.О. Программно-целевое управление как инструмент финансовой реализации федеральных целевых программ // Экономика науки. 2019. № 3. С. 160-169.

[252] Голованова Л.А. Программный подход к управлению рынком труда в регионе // Вестник ТОГУ. 2022. № 2 (65). С. 80 (С. 77-86).

[253] Дядькова В.С., Ефременкова А.Е., Зейналова С.В. Противодействие терроризму на постсоветском пространстве в рамках СНГ, ШОС и ОДКБ: сравнительный анализ программных документов // Постсоветские исследования. 2024. № 6 (7). С. 642 (639-650).

[254] Программа сотрудничества государств – участников Содружества Независимых Государств в сфере противодействия терроризму и экстремизму на 2026 – 2028 годы. URL: https://eccis.org/news/30907/glavy_gosudarstv_sng_utverdili_programmu_sotrudnichestva_v_sfere_protivodejstvija_terrorizmu_i_ekstremizmu (дата обращения: 06.04.2026)

государств-членов в данной области, отслеживание соблюдение взятых государствами на себя договоренностей;

- обмен информацией и проведение согласованных мероприятий в области борьбы с терроризмом;
- обеспечение безопасности граждан стран СНГ и материальных объектов, включая критически важную инфраструктуру;
- проведение учений по отработке скоординированных действий в области пресечения / предотвращения терроризма и ликвидации последствий терактов;
- развитие международного сотрудничества с другими органами и организациями по вопросам борьбы с терроризмом;
- освещение в СМИ для доведения до широкой публики вопросов, связанных с сотрудничеством в области борьбы с терроризмом;
- обеспечение предотвращения радикализации населения и распространение среди него культуры неприятия террористических и экстремистских идей; и т.д.

Представленный перечень мероприятий является не исчерпывающим, поскольку работа АТЦ СНГ и других структур безопасности является действительно широкой. Например, в зоне наибольшей угрозы терроризма – Центральной Азии – под руководством АТЦ СНГ ежегодно проводятся региональные экспертные консультации для органов безопасности и спецслужб[255].

В целом, АТЦ оценивается автором как одно из наиболее эффективных антитеррористических учреждений в своем классе. Важным является то, что через АТЦ производится отстаивание важнейших ценностей – законности,

[255] IX Региональные экспертные консультации представителей органов безопасности, специальных служб и правоохранительных органов государств – участников СНГ по борьбе с терроризмом и иными насильственными проявлениями экстремизма // АТЦ СНГ. 30.05.2019. URL: https://www.cisatc.org/1289/9115/9116/9121/8969 (дата обращения: 25.03.2025)

равноправия, справедливости, свободы, защиты прав человека, суверенной неприкосновенности государств.

С точки зрения взаимодействия по практическим вопросам между министерствами внутренних дел стран СНГ важнейшую роль играют уже упомянутый СМВД СНГ, а также Бюро по координации борьбы с организованной преступностью и иными опасными видами преступлений (БКПОП), выполняющее функции рабочего аппарата СМВД. СМВД, образованный в 1996 году[256], осуществляет заседания не реже раза в год. Как и в случае с рядом других структур СНГ, для обеспечения обмена опытом и знаниями на заседания могут приглашаться и представители МВД не государств-членов с правом наблюдателя[257]. СМВД обладает широкими полномочиями по самостоятельному определению повестки дня в области сотрудничества органов внутренних дел в сфере борьбы с преступностью и терроризмом и может оказывать существенное влияние на принятие решений в этой области на уровне Советов глав государств и глав правительств СНГ.

В силу управления БКПОП у СМВД имеется более высокий статус и, соответственно, более широкая компетенция. Несмотря на то, что управлением БКПОП в настоящее время занимается СМВД СНГ, Бюро было образовано раньше – в 1993 году[258]. БКПОП занимается вопросами взаимодействия министерств внутренних дел по противодействию разным видам преступности, включая терроризм. В рамках своей работы Бюро взаимодействует с другими институтами СНГ, а также национальными

---

[256] Решение о Совете министров внутренних дел государств-участников Содружества Независимых Государств (Москва, 19.01.1996) // Содружество. 19.01.1996. № 1. С. 89.

[257] Совет министров внутренних дел государств – участников СНГ (СМВД) // Интернет-портал СНГ. URL: https://e-cis.info/cooperation/3133/77465/ (дата обращения: 25.03.2025)

[258] Решение о Бюро по координации борьбы с организованной преступностью и иными опасными видами преступлений на территории Содружества Независимых Государств (Москва, 24.09.1993) // Содружество. 1993. № 4. С. 173.

правоохранительными и прочими компетентными органами. К важным функциям БКПОП с точки зрения противодействия терроризму можно отнести:

- содействие в организации и проведении комплексных операций и оперативно-розыскных и следственных мероприятий;
- содействие в поиске, поимке и выдачи лиц, скрывающихся от уголовного преследования;
- сбор данных по руководителям формирований в преступной среде и наиболее активным участникам, связям, складывающимся в преступном мире;
- обеспечение обмена информацией (в т.ч. оперативной) между правоохранительными органами государств СНГ;
- подготовка решений СМВД, Советов глав государств и глав правительств СНГ и участие в разработке международных документов в области борьбы с преступностью и терроризмом, разработка предложений по повышению эффективности сотрудничества в данной области, информационно-аналитическое обеспечение работы СМВД;
- проведение семинаров и конференций по теме борьбы с преступностью и терроризмом[259].

Важную роль в структуре антитеррористической борьбы играют также учения, которые являются значимым компонентом практического сотрудничества в сфере противодействия терроризму на пространстве СНГ. Учения позволяют распространить между странами наилучший опыт в области планирования антитеррористических мероприятий, их подготовки

[259] Бюро по координации борьбы с организованной преступностью и иными опасными видами преступлений на территории государств – участников СНГ (БКБОП) // Интернет-портал СНГ. URL: https://e-cis.info/cooperation/2829/77467/ (дата обращения: 25.03.2025)

и проведения, обеспечить бóльшую слаженность совместных мер, отработать конкретные мероприятия по борьбе с терроризмом.

Согласно расписанию АТЦ СНГ, контртеррористические учения проводились ежегодно раз в год с 2001 года (прил. 4). По состоянию на сентябрь 2025 года последние учения («Восток – Антитеррор») проводились в августе - сентябре 2024 года в Узбекистане. 7 из 9 государств – членов СНГ приняли участие в данных учениях. Учения были направлены на следующее:

- улучшение взаимодействия между национальными органами в сфере борьбы с терроризмом в рамках совместных мероприятий по выявлению, нейтрализации и отражению соответствующих угроз в рамках обеспечения пограничной безопасности, а также отработка мероприятий по противодействию кибертерроризму и финансированию терроризма;
- обмен опытом в сфере оперативно-боевых действий по освобождению заложников и нейтрализации террористов на объектах критической инфраструктуры, а также в местах большого скопления людей; отработка специальных войсковых операций по нейтрализации и ликвидации террористических группировок;
- повышение профессиональной подготовки сотрудников национальных антитеррористических органов[260].

Проведенные маневры показали эффективность участников учений, высокую степень слаженности действий компетентных национальных органов. Большую значимость сыграло и распространение учений на такие актуальные области, как борьба с трансграничным движением террористов, обеспечение кибербезопасности объектов критической инфраструктуры,

[260] Совместные антитеррористические учения компетентных органов государств – участников СНГ // АТЦ СНГ. 05.09.2024. URL: https://www.cisatc.org/1289/133/161/9518 (дата обращения: 25.03.2025)

противодействие финансированию терроризма новыми методами, такими как криптовалюты.

В целом, за время существования Содружества у него и у его государств-членов был накоплен значительный опыт сотрудничества на субрегиональном уровне по организационным и правовым вопросам борьбы с терроризмом и обеспечением безопасности[261]. Программные документы, совместные командно-штабные и оперативно-стратегические учения и тренировки, а также интенсивный характер взаимодействия как на многостороннем, так и двустороннем уровне сформировали опорную основу для действенных мер в борьбе с терроризмом совместными усилиями.

В то же время, проблемной областью выступает то, что не все государства-члены СНГ участвуют в различных инициативах и мероприятиях по совместному отражению террористических угроз, а также не все являются подписантами (в том числе подписантами без оговорок) / ратификантами всего массива региональных документов в данной области. Это создает уязвимость в общей системе региональной безопасности, поскольку страны, уклоняющиеся от отдельных мероприятий и документов, становятся потенциальным местом усиления террористических угроз и источником их транзита на соседние государства. В частности, достаточно часто возникает вопрос о границах национального суверенитета, поскольку любые страны крайне чувствительны в данном вопросе. В то же время, определенные уступки в пользу совместных действий необходимы, чтобы эффективно бороться с угрозами, имеющими трансграничный характер. В любом случае, террористическая активность является бóльшей проблемой для суверенного положения государства, чем уступка части суверенных полномочий в сфере правоохранительной деятельности в пользу международных действий.

---

[261] V Совещание руководителей национальных антитеррористических центров государств-участников СНГ // АТЦ СНГ. 29.02.2012. URL: https://www.cisatc.org/1281/8250 (дата обращения: 14.03.2025)

Другим важным институтом региональной антитеррористической безопасности выступает Шанхайская организация сотрудничества. Разрешение территориальных споров между Китаем и рядом государств постсоветского пространства (Казахстаном, Киргизией, Россией и Таджикистаном) в 1990-е годы позволило интенсифицировать диалог по возможностям решения общих проблем стран евразийского региона. Сформировавшаяся «шанхайская пятерка» в середине 1990-х годов стала встречаться в формате саммитов, постепенно формируя постоянные механизмы сотрудничества в форме министерских встреч и образования экспертных групп[262]. К 2000 году уже действовали постоянные формы сотрудничества в виде министерских встреч и работы постоянных экспертных групп, что было прологом к появлению новой организации.

В 2001 году состоялся саммит Шанхайского форума, когда к «пятерке» присоединился Узбекистан. Тогда же было провозглашено образование ШОС[263]. Хартия ШОС – базовый документ уставного характера – была принята в 2002 году[264].

Первостепенной целью образования ШОС стала необходимость формирования общего пространства безопасности для противодействия системе «трех зол» – терроризму, экстремизму и сепаратизму. Концепция «трех зол» была заимствована у Китая, где она используется в качестве политического лозунга в борьбе с тремя рассматриваемыми явлениями[265]. В Пекине все три данные проблемы объединяются в один блок, исходя из того,

---

[262] Комиссина И.Н., Куртов А.А. Шанхайская организация сотрудничества // Россия в Азии: проблемы взаимодействия / под ред. К.А. Кокарева. – М.: РИСИ, 2006. – С. 252 (С. 251-316).

[263] Декларация о создании «Шанхайской организации сотрудничества» (Шанхай, 15.06.2001). URL: https://rus.sectsco.org/20010615/1608450.html (дата обращения: 25.03.2025)

[264] Хартия Шанхайской организации сотрудничества (Санкт-Петербург, 07.06.2002) // Бюллетень международных договоров. 2007. № 1.

[265] Li E. Fighting the “Three Evils”: A Structural Analysis of Counter- Terrorism Legal Architecture in China // Emory International Law Review. 2019. Vol. 3. № 3. P. 311 (P. 311-365).

что они рассматриваются как тесно связанные друг с другом явления[266]. Данный подход соответствует о наличии рассматриваемой взаимосвязи[267]. На уровне ШОС по степени общественной опасности три данных вида противоправной деятельности фактически уравнены между собой, поскольку все они угрожают миру, правам и свободам человека, территориальной целостности, стабильному политическому, социальному и экономическому развитию государств.

Проблема «трех зол» была крайне актуальна для всех стран региона, что и обусловило наличие у них общих интересов. Ключевой проблемой для них выступало распространение радикального исламизма.

На момент образования ШОС в Китае зоной риска оставался Синьцзян-Уйгурский автономный регион (СУАР), где уже со времен средних веков сложилось мусульманское уйгурское большинство, оттесняя все остальные религиозные направления. К моменту создания ШОС в данном регионе имели место факты распространений сепаратистских настроений, направленные на отделение от Китая с целью формирования независимого Восточного Туркестана. Уйгурские радикальные исламисты распространяли панисламистские идеи в Киргизии, России и Узбекистане[268].

На постсоветском пространстве после распада СССР сохранялась существенная политическая и социальная нестабильность, что создавало благоприятную почву для действия террористических и экстремистских организаций. В России радикально настроенные джихадисты вели борьбу

---

[266] Full transcript: Interview with Xinjiang government chief on counterterrorism, vocational education and training in Xinjiang // Xinhua. 16.10.2018. URL: http://www.xinhuanet.com/english/2018-10/16/c_137535821.htm (дата обращения: 27.03.2025)

[267] Greitens S.C., Lee M., Yazici E. Counterterrorism and Preventive Repression: China's Changing Strategy in Xinjiang // International Security. 2020. Vol. 44. № 3. P. 19 (P. 9-47).; Hualing F. Responses to Terrorism in China // Global Anti-Terrorism Law and Policy / ed. by V.V. Ramraj, M. Hor, G. Williams. – 2nd ed. – Cambridge: Cambridge University Press, 2012. – P. 344 (P. 334-356).; Zhou Z. 'Fighting Terrorism According to Law': China's Legal Efforts against Terrorism // Terrorism and Counter-Terrorism in China: Domestic and Foreign Policy Dimensions / ed. by M. Clarke. – Oxford: Oxford University Press, 2018. – P. 75 (P. 75-98).

[268] Собянин А.Д. «Новая граница» для Москвы. Уйгурский сепаратизм становится общей проблемой России и Китая // Эксперт. 2000. № 31 (244). С. 36 (С. 35-37).

против центрального правительства на Северном Кавказе. Все это привело к двум Чеченским войнам, в ходе которых террористические организации стремились создать независимую республику Ичкерия. Террористическая угроза затронула не только Северный Кавказ, но и всю Россию, поскольку сепаратисты путем терактов стремились дестабилизировать положение правящей власти, заставив ее принять их условия[269].

В Казахстан радикальный исламизм был привнесен с Северного Кавказа, в результате чего казахстанские органы безопасности вели борьбу с радикально настроенными салафитами. На момент создания ШОС у местных исламистов не было сильных идеологов, однако проблема стала нарастать со временем, вылившись в первые теракты в 2011 году[270].

В Таджикистане, который был ослаблен гражданской войной, сохранялись влиятельные сторонники создания исламского государства, включая леворадикальную Партию исламского возрождения Таджикистана. Несмотря на отсутствие ярких вспышек террористической деятельности, страна не могла дать адекватный отпор распространению экстремизма без содействия других государств[271].

Киргизское население оказалось под существенным влиянием привнесенных из-за рубежа исламистских идей. Особенно влиятельной в стране стала индийская организация «Джамаат Таблиг», в 2000-х – 2010-х годах запрещенная в ряде стран (Таджикистан, Россия, Киргизия и Казахстан) по причине признания экстремистской[272].

---

[269] Паин Э.А. Исламизм: социально-политическая сущность и новые угрозы для России // Общественные науки и современность. 2016. № 5. С. 122 (С. 115-127).

[270] Талгат Мамырайымов: не все салафиты – экстремисты и террористы // Zakon.kz. 26.11.2013. URL: https://www.zakon.kz/obshestvo/4588465-talgat-mamyrajjymov-ne-vse-salafity.html (дата обращения: 27.03.2025)

[271] Пиров А.А. Транснациональный исламизм как угроза национальной безопасности Республики Таджикистан: автореф. дис. … канд. полит. наук. – Душанбе, 2006. – С. 15 (22 с.)

[272] Асламова Д. Как в Киргизии появился «пояс шахидов» // Комсомольская правда. 22.09.2017. URL: https://www.kp.ru/daily/26734/3761509/ (дата обращения: 27.03.2025)

Наиболее существенная угроза для всех стран Центральной Азии исходила от боевиков, орудовавших с территории Узбекистана. Они вели террористическую деятельность в ходе гражданской войны в Таджикистане, активно взаимодействовали с исламистами Афганистана, боролись с правительственными силами в Киргизии. Их задача заключалась в том, чтобы сформировать исламское государство на территории региона Туркестан, для чего требовалась трансграничная деятельность[273].

Как видно из представленного анализа террористических угроз на территории региона ШОС, для совместного противодействия им существовали следующие предпосылки:

- государствам, особенно новым независимым республикам с еще не оформившейся системой управления и безопасности, требовался обмен опытом и знаниями в области борьбы с терроризмом;
- все государства были недостаточно сильны к началу XXI века (даже Китай, который относительно недавно начал свой экономический подъем);
- проблема терроризма имела трансграничный характер, что видно по тому, как она «перекидывалась» по странам региона, в связи с чем ни одно государство не могло ее решить в одиночку.

Проблемы безопасности стали «стержнем» деятельности организации, что подтверждается в научной литературе[274], а также в заявлениях

---

[273] Фальков М. Исламское движение Узбекистана (ИДУ) // Независимая газета. 24.08.2000. URL: https://www.ng.ru/net/2000-08-24/0_idu.html (дата обращения: 27.03.2025)

[274] Комиссина И.Н., Куртов А.А. Шанхайская организация сотрудничества // Россия в Азии: проблемы взаимодействия / под ред. К.А. Кокарева. – М.: РИСИ, 2006. – С. 261.; Никитина Ю.А. ОДКБ и ШОС как модели взаимодействия в сфере региональной безопасности // Индекс безопасности. 2011. № 2 (97). С. 50 (С. 45-53).; Румянцева А.К., Рахимов К.Х. Роль ШОС в противодействии терроризму в странах Центральной Азии // Постсоветские исследования. 2022. Т. 5. № 8. С. 839 (С. 835-846).; Хабибуллин Р.И. От противодействия терроризму к многопрофильности: расширение направлений сотрудничества в ШОС / Р.И. Хабибуллин // Общественные науки и современность. – 2026. – № 2. – С. 142.

политических деятелей (например, бывший министр иностранных дел КНР Тан Цзясюань описал ШОС как первую международную организацию, которая сделала борьбу с терроризмом «стержнем» своей деятельности[275]). Сотрудничество в сфере противодействия терроризму стало еще более важным в процессе формирования так называемого «нового терроризма», который преследует своей целью подрыв общественного доверия, изменения в правительственной политике и влияние на исход избирательных кампаний[276]. В то же время, неоднократно подчеркивалось, что ШОС занимается не только вопросами безопасности и не представляет собой военный альянс. Данная организация занимается отражением нетрадиционных политических, социальных, экономических и гуманитарных угроз, но не внешней агрессии[277].

Наряду с учредительным документом была сразу же подписана Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом[278]. В частности, в данном документе удалось выработать единое определение терроризма (преступное деяние, направленное на убийство или тяжкое телесное увечье лица, не участвующего прямо в боевых действиях / существенный ущерб материальным объектам, и иные деяния, нацеленные на запугивание населения, нарушение общественной безопасности, принуждение органов власти или международной организации к совершению действий в интересах преступника; также организация и планирование таких деяний, содействие им, подстрекательство к ним). Помимо определения терроризма, впервые на международном уровне

---

[275] Асатрян Л.А. Режимы безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе // Регион и мир. 2019. № 6. С. 42 (С. 38-43).

[276] Базаркина Д.Ю. Угроза терроризма в современном мире: коммуникационный аспект // Медиа. Информация. Коммуникация. 2012. № 3. С. 10 (С. 10-12).

[277] Интервью Первого заместителя Министра иностранных дел России В.И. Трубникова агентству «Интерфакс» по проблемам борьбы с терроризмом // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 23.04.2004. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1726691 (дата обращения: 26.03.2025)

[278] Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (г. Шанхай, 15.06.2001) // Бюллетень международных договоров. 2004. № 1.

осуществлялась криминализация сепаратизма и экстремизма. Также в документе была указана приверженность ШОС нормам международного права, включая документы ООН, что представляется важным в контексте организации глобальной системы антитеррористической безопасности.

По итогам саммита в Москве в 2003 году организационное оформление ШОС завершилось, в связи с чем с 2004 года она стала действовать как полноценная международная организация со своими механизмами, сотрудниками и бюджетом. Это было обусловлено тем, что в ходе московского саммита был создан постоянно действующий Секретариат организации и Региональная антитеррористическая структура (РАТС)[279]. Уже за 2005-2006 годы за счет функционирования этой структуры было предотвращено более 450 терактов[280]. В первые годы ее существования ее эффективность была отмечена и Европейским союзом, для которого стабильность в Центральной Азии имеет большую роль, поскольку ЕС рассматривает этот регион как своего рода «буфер» на пути движения террористов и экстремистов, насильственной идеологии, наркотрафика и неконтролируемой миграции[281]. В частности, в Брюсселе было отмечено, что РАТС имеет «вполне современное европейское понимание борьбы с терроризмом», заключающееся в том, чтобы не только применять

[279] Соглашение между государствами – членами Шанхайской организации сотрудничества о Региональной антитеррористической структуре (г. Санкт-Петербург, 07.06.2002) (с изм. от 16.08.2007) // Бюллетень международных договоров. 2005. № 3.

[280] Болятко А.В. Шанхайская организация сотрудничества: к новым рубежам развития // Шанхайская организация сотрудничества: к новым рубежам развития: материалы круглого стола. – М.: ИДВ РАН, 2008. – С. 12-41.; Москаленко В.Н. Проблемы безопасности: ШОС и Пакистан // Шанхайская организация сотрудничества: к новым рубежам развития: сборник материалов круглого стола. – М.: ИДВ РАН, 2008. – С. 351-368.

[281] Фроленков В.С. Политико-экономические интересы в Центральной Азии главных мировых и региональных акторов // Шанхайская организация сотрудничества: к новым рубежам развития: материалы круглого стола. – М.: ИДВ РАН, 2008. – С. 63-90.

карательные меры, но улучшать качество жизни, чтобы не допускать распространения деструктивных идей в обществе[282].

В рамках ШОС многие органы занимаются вопросами безопасности, включая Совет национальных координаторов, который определяет общую повестку для организации, управляет деятельностью ШОС и координирует работу всей организации[283], Совещание секретарей советов безопасности и т.д.

РАТС является постоянно действующим органом с штаб-квартирой в Москве (до 2022 года располагалась в Ташкенте). Данная структура выступает специализированным органом ШОС, направленным исключительно на координацию национальной политики государств-членов в сфере борьбы с терроризмом, экстремизмом и сепаратизмом[284]. Особый статус РАТС – статус юридического лица – расширяет ее правоспособность и позволяет ей приобретать свое собственное имущество и совершать иные гражданско-правовые сделки. В соответствии с ключевым документом в сфере обеспечения антитеррористической безопасности – Концепции сотрудничества государств – членов ШОС в борьбе с терроризмом,

---

[282] Евросоюз изучает возможности сотрудничества с ШОС по широкому кругу вопросов // Новости Армения. 04.04.2007. URL: https://newsarmenia.am/news/in_the_world/world1-20070404-41668348/ (дата обращения: 25.03.2025)

[283] Лукин А.В., Илькаева О.Е., Тиморшина А.М. Дальнейшее развитие ШОС: проблемы и рекомендации // Шанхайская организация сотрудничества: от становления к всестороннему развитию: материалы Третьего заседания Форума ШОС / под ред. А.В. Лукина. – М.: МГИМО-Университет, 2008. – С. 6-22.

[284] Aris S. The Shanghai Cooperation Organization: ‘Tackling the Three Evils’. A Regional Response to Non-Traditional Security Challenges or an Anti-Western Bloc? // Europe-Asia Studies. 2009. № 61 (3). P. 457-482.; Wang J., Kong D. Counter-Terrorism Cooperation Between China and Central Asian States in the Shanghai Cooperation Organization // China Quarterly of International Strategic Studies. 2012. № 5 (1). P. 65-79.; Xiaodong Z. The Shanghai Cooperation Organization and Counter-Terrorism Cooperation: Asia Paper / ed. by B. Edström, E. Brennan. – Stockholm: Institute for Security and Development Policy, 2012. – 27 p.

сепаратизмом и экстремизмом[285] – РАТС наделяется статусом основного механизма в структуре противодействия терроризму в организации[286].

К функциям РАТС в рамках предмета ее ведения отнесены:

- координационно-оперативные функции: координация политики государств – членов ШОС в сфере борьбы с терроризмом, разработка предложений по повышению эффективности сотрудничества в сфере антитеррористической борьбы, содействие в реализации оперативно-розыскных и иных мероприятий и совместных контртеррористических операций, организация учений и т.д.;
- информационно-аналитические функции: сбор данных о террористических угрозах и ведение банка данных с информацией о террористах и террористических организациях, а также о лицах, которые способствуют террористам, обучение и подготовка сотрудников, занимающихся борьбой с терроризмом и охраной правопорядка;
- международные функции: развитие отношений с другими международными организациями в рассматриваемой области, участие в разработке соответствующих документов, в т.ч. на уровне ООН[287].

Решения в РАТС принимаются в рамках Совета, состоящего из руководителей национальных органов в сфере антитеррористической

---

[285] Концепция сотрудничества государств – членов Шанхайской организации сотрудничества в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом от 05.07.2005. URL: http://www.kremlin.ru/supplement/3667 (дата обращения: 26.03.2025)

[286] Кулага М.В. Противодействие терроризму в рамках работы ШОС // Восточная Азия: прошлое, настоящее, будущее. 2021. № 6. С. 67 (С. 61-71).

[287] Зимонин В.П. Шанхайская организация сотрудничества и евразийское измерение безопасности // Шанхайская организация сотрудничества: к новым рубежам развития: материалы круглого стола. – М.: ИДВ РАН, 2008. – С. 198-199.; Осетров А.В. Деятельность Региональной антитеррористической структуры ШОС по противодействию терроризму в Центральной Азии (2004 – 2005 годы) // Шанхайская организация сотрудничества: к новым рубежам развития: материалы круглого стола. – М.: ИДВ РАН, 2008. – С. 246-255.

безопасности. Исполнением решений занимается постоянно действующий Исполнительный комитет. Он является основной платформой для обмена разведывательной информацией, а также разработки мероприятий в области борьбы с терроризмом[288].

В настоящее время РАТС является своего рода каркасом для всей системы региональной безопасности, а пространство взаимного доверия позволяет государствам эффективно взаимодействовать и согласовывать свою политику в рассматриваемой области, объединять усилия для решения общих задач, оперативно реагировать на новые угрозы. Основными задачами РАТС в текущем периоде выступают выявление каналов трансграничного передвижения террористов, где особую опасность представляет возвращение граждан стран ШОС на родину после участия в зарубежных конфликтах на стороне террористических организаций – такие лица обладают боевым опытом, а потому при сохранении приверженности экстремистской идеологии могут стать крайне опасными для общества криминальными элементами; борьба с вербовкой новых террористов через распространенные каналы – Интернет, распространение деструктивной идеологии в местах лишения свободы и т.д.

За последние два десятилетия расширился и спектр видов терроризма, с которыми борется РАТС. В частности, сюда включен кибертерроризм. Для борьбы с новыми видами терроризма идет активная работа по организации научно-практических мероприятий с целью выработки адекватных способов ответа на угрозы нового типа. Развивается и международное взаимодействие как с другими институтами безопасности и сотрудничества на постсоветском пространстве (СНГ, ОДКБ), так и на международном уровне – с ООН, ОБСЕ, АСЕАН, Интерполом и т.д.

[288] Галлямова Д.А., Аминов И.Р. Роль ШОС в международной безопасности // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. № 12-1. С. 80 (С. 79-81).

Включение в повестку дня РАТС вопросов, связанных с противодействием незаконному обороту наркотиков, также является важным достижением в развитии этой структуры, поскольку, как неоднократно говорилось выше, основные доходы террористическим организациям поступают именно от наркоторговли[289].

Как и в СНГ, важным компонентом антитеррористической безопасности ШОС выступают учения. На протяжении истории существования ШОС они проводились в разных форматах. Наиболее частными форматами выступают «*N* – Антитеррор» («*Восток* – Антитеррор», «*Евразия* – Антитеррор») и «Мирные миссии», которые впервые были проведены в 2005 году Россией и Китаем, а в дальнейшем были направлены на вовлечение в эти учения и других участников ШОС.

Продолжается синергия с другими евразийскими структурами. В частности, в 2023 году прошли учения «Евразия – Антитеррор», в которых совместно участвовали силы АТЦ СНГ и РАТС ШОС[290]. Подобная кооперация является крайне важной, поскольку структуры членства постсоветских институтов безопасности сильно между собой пересекаются, формируя единое пространство безопасности в регионе (рис. 3).

---

[289] История и миссия // РАТС ШОС. URL: https://ecrats.org/ru/about/history/ (дата обращения: 25.03.2025)

[290] Совместное антитеррористическое учение компетентных органов государств – участников СНГ и государств – членов ШОС «Евразия – Антитеррор – 2023» // АТЦ СНГ. URL: https://www.cisatc.org/1289/133/161/9366 (дата обращения: 26.03.2025); Совместные антитеррористические учения компетентных органов государств – членов ШОС и государств – участников СНГ «Евразия – Антитеррор – 2023» // ШОС. URL: https://rus.sectsco.org/20230921/Sovmestnye-antiterroristicheskie-ucheniya-kompetentnykh-organov-gosudarstv-chlenov-ShOS-i-958899.html (дата обращения: 26.03.2025)

Рисунок 3. Пересечение членства постсоветских государств в различных институтах безопасности, по состоянию на сентябрь 2025 г.[291]

По состоянию на сентябрь 2025 года последние учения ШОС проводились в Китае летом 2024 года, где участвовали спецслужбы и отрабатывались методы борьбы с терроризмом, в т.ч. с актами, предполагающими использование информационно-коммуникационных технологий[292]. Запланированы учения и на 2025 год[293].

В ШОС высоко оценивают роль ООН в достижении международного мира. ООН рассматривается как универсальный центр, который разрабатывает валидную политику для всего мирового сообщества. Также ШОС проявляет

[291] Сост. автором.

[292] В Китае прошли учения спецслужб стран – членов ШОС «Взаимодействие – Антитеррор – 2024» // ТАСС. 23.07.2024. URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/21424743 (дата обращения: 26.03.2025)

[293] Страны ШОС проведут в 2025 году антитеррористические учения // Спутник. 27.01.2025. URL: https://am.sputniknews.ru/20250127/ctrany-shos-provedut-v-2025-godu-antiterroristicheskie-ucheniya-85157812.html (дата обращения: 26.03.2025)

готовность сотрудничать с другими структурами региональной безопасности для повышения эффективности борьбы с терроризмом.

В целом, ШОС за последние два с половиной десятилетия заняла важное положение в архитектуре обеспечения евразийской антитеррористической безопасности. Ее действенность и значимость оценивается не только отечественными[294], но и зарубежными[295] экспертами. ШОС изначально задумывалась как многопрофильная организация, занимающаяся всесторонним развитием сотрудничества между государствами-членами (в т.ч. в экономической, культурной, научной, социальной и прочих областях), что было указано уже в ст. 1 Хартии ШОС, где борьба с терроризмом и экстремизмом поименована как одна из множества целей ШОС. По мере преодоления террористических угроз все больше ШОС стала проявлять себя как многопрофильная организация. В области безопасности расширился перечень угроз, с которыми организация стала вести активную борьбу. Особенное внимание было уделено борьбе с наркотрафиком, маршрут которого пролегает из Афганистана через страны Центральной Азии. По мнению ШОС, торговля наркотиками является финансовой опорой международного терроризма[296]. В частности, ШОС внимательно следит за тем, чтобы основной путь движения наркотиков из Афганистана был заблокирован, что, в свою очередь, ограничит и источники финансирования террористической деятельности.

Среди иных форм сотрудничества можно выделить экономическое, культурное и гуманитарное сотрудничество, которое практически сразу после образования организации стало интенсифицироваться. В последние годы на фоне ухудшения геополитической обстановки стало возрастать

---

[294] *См., напр.:* Феофанов К.А., Астишина Е.А. *Указ. соч.* С. 201.

[295] *См., напр.:* Plater-Zyberk H., Monaghan A. Strategic Implications of the Evolving Shanghai Cooperation Organization. – Carlisle, PA: Strategic Studies Institute, 2014. – 78 p.

[296] Shanglin L. SCO to intensify fight against cross-border drug crimes // Xinhua News Agency. 22.04.2006. URL: https://web.archive.org/web/20150515211539/http://news.xinhuanet.com/english/2006-04/22/content_4459199.htm (дата обращения: 27.12.2024)

политическое значение ШОС как структуры, выступающей единым фронтом в мировой политике. Тем не менее сотрудничество в сфере безопасности в целом и антитеррористической безопасности в частности остается одним из основных направлений деятельности ШОС[297] и – в какой-то степени – ее системообразующим компонентом[298].

Несмотря на значительные успехи, в деятельности ШОС все же имеются некоторые факторы, препятствующие дальнейшей реализации потенциала в сфере обеспечения антитеррористической безопасности. К ним можно отнести следующее:

1. Государства – члены ШОС по-разному толкуют террористическую деятельность и, опираясь на свои национальные интересы и устремления, причисляют к террористическим те организации, которые в других странах объединения могут не считаться таковыми. Расширение состава ШОС за счет присоединения в 2017 году Индии и Пакистана, в 2023 году Ирана и в 2024 году Белоруссии только усложнило эту проблему, поскольку разновекторность в квалификации террористических действий в каждом из государств-членов усилилась. Усилилась не только размытость понятий «террорист» и «террористическая организация», но и чувствительность входящих в ШОС стран к вопросам взаимодействия других участников объединения с теми субъектами, которые конкретная страна считает незаконными и угрожающими ее национальной безопасности.

2. Разница взглядов на будущее ШОС также является существенной проблемой для развития организации. Особенно явно она проявляется на уровне двух наиболее влиятельных стран объединения (по крайне мере, до расширений последних лет) – России и Китая. Как говорилось выше, ШОС

---

[297] Хабибуллин Р.И. От противодействия терроризму к многопрофильности: расширение направлений сотрудничества в ШОС / Р.И. Хабибуллин // Общественные науки и современность. – 2026. – № 2. – С. 142.

[298] Каландаршоев Г.А. Роль и место Шанхайской организации сотрудничества в системе международных отношений // Молодой ученый. 2020. № 48 (338). С. 109 (С. 108-110).

является многопрофильной организацией, которая занимается разными областями сотрудничества. Китай видит на пространстве ШОС перспективный рынок сбыта и иного экономического и инвестиционного сотрудничества[299], а потому отстаивает то, чтобы вопросам безопасности и экономическому сотрудничеству уделялся равный объем внимания, а в будущем рассчитывает на то, что экономические аспекты взаимодействия начнут вытеснять аспекты, связанные с безопасностью, и станут основным направлением деятельности ШОС. На низкой заинтересованности Китая в проблемах безопасности сказывается и то, что ему по большей части удалось решить проблему уйгурского сепаратизма, причем возобновление этой проблемы в Китае является менее вероятным, чем рецидив террористической активности в России или Центральной Азии[300]. В этой связи Китай сейчас смотрит в других направлениях.

Россия же считает, что проблемы обеспечения безопасности от «трех зол» должны оставаться системообразующим направлением функционирования организации. Экономическая интеграция на пространстве ШОС для Москвы все еще остается более отдаленной целью. Это, в частности, связано с опасениями Москвы о том, что расширение влияния Китая в других странах ШОС, особенно в Центральной Азии, приведет к установлению им экономического доминирования на участке постсоветского пространства, входящего в ШОС. Устранение торговых барьеров и иные меры по либерализации торговли приведут к тому, что у Китая будет практически беспрепятственный доступ по распространению своего влияния

[299] Куртов А.А. Неоднозначность активности Китая в Центральной Азии // ЦентрАзия. 06.12.2006. URL: https://centrasia.org/newsA.php?st=1165396860#gsc.tab=0 (дата обращения: 26.03.2025)

[300] Лузянин С.Г. Пятеро против одного. Приоритеты России и Китая в рамках Шанхайской организации сотрудничества не совпадают // Независимая газета. 28.09.2004. URL: https://www.ng.ru/politics/2004-09-28/2_priorities.html (дата обращения: 26.03.2025)

в Центральной Азии[301]. В этом контексте Москва больше усилий вкладывает в основной проект экономической интеграции на постсоветском пространстве – Евразийский экономический союз (ЕАЭС), где она является безусловным лидером. В свою очередь, и Пекин не заинтересован в расширении политического влияния России в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР)[302], несмотря на достаточно плотное сотрудничество, наблюдаемое в последние годы.

Помимо этого, для развития интеграции требуются некоторые условия, включая сопоставимость экономического развития. Эти условия для интеграции в формате ШОС еще не сформированы.

Наконец, у России и Китая есть расхождения в отношении того, сколько национального суверенитета должно передаваться на наднациональный уровень. В контексте безопасности этот вопрос является особенно острым, поскольку эта область является наиболее чувствительной для любого государства. Россия ориентируется на расширение наднациональной компетенции своих региональных объединений (ШОС, ЕАЭС, ОДКБ), в то время как Китай не рассчитывает отказываться от своего национального суверенитета в пользу наднациональности.

3. Еще одна проблема заключается в том, что в деятельности ШОС последних лет высока доля дискуссий вместо реальных действий. Некоторыми экспертами ШОС была описана как «дискуссионный клуб»[303]. На этом действительно сказывается тот факт, что в своей практике ШОС практически не принимала активного участия в устранении террористических угроз

---

[301] Агафонов Г.Д., Болятко А.В. Взаимодействие России с Китаем и другими партнерами по Шанхайской организации сотрудничества. – М.: ИДВ РАН, 2008. – С. 57 (180 с.)

[302] Баранов А.Ю. Треугольник США – РФ – КНР и ШОС // Азия и Африка сегодня. 2009. № 9. С. 57-59.

[303] Кольтюков А.А. Влияние Шанхайской организация сотрудничества на развитие и безопасность Центрально-Азиатского региона // Шанхайская организация сотрудничества: к новым рубежам развития: материалы круглого стола. – М.: ИДВ РАН, 2008. – С. 259 (С. 257-258).

последних лет, а выступала скорее площадкой для укрепления двусторонних отношений между участниками. Двусторонний формат взаимодействия в структуре работы ШОС продолжает превалировать и сегодня.

4. Наконец, проблемной областью ШОС является география региона, который охватывает данная организация. Несмотря на расширение ШОС, все еще сохраняется проблема того, что границы этой организации охватывают не все точки соприкосновения с основными «горячими точками», включая Афганистан, с которым граничит Туркменистан, не входящий ни в ШОС, ни в ОДКБ, ни в СНГ (рис. 4). В результате, потенциально сохраняется канал для движения террористических сил и наркотрафика.

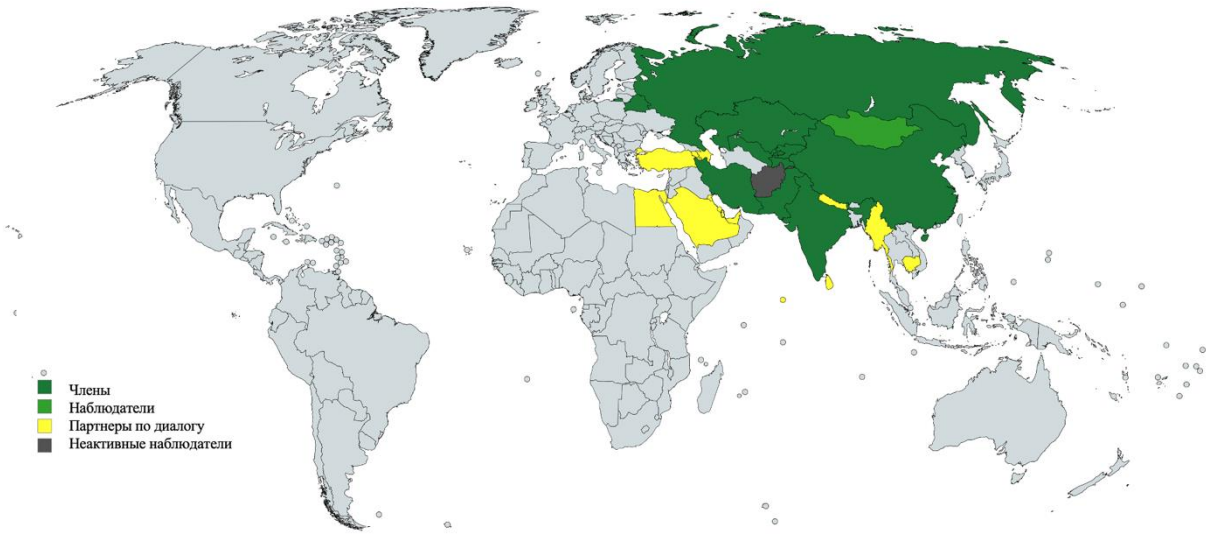

Рисунок 4. Территориальный охват ШОС, сентябрь 2025 г.

Прим. 1: после прихода к власти движения «Талибан» в 2021 году членство Афганистана в качестве наблюдателя классифицируется как неактивное, поскольку государства – члены ШОС не признают эту организацию. Условием полноценного возвращения Афганистана к работе выступает создание инклюзивного правительства, представляющего все этнические и политические группы страны[304].

[304] Гасымов Н. Россия поддержит членство Афганистана в ШОС // Ведомости. 26.03.2024. URL: https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2024/06/05/1041563-rossiya-podderzhit-chlenstvo-afganistana-v-shos (дата обращения: 26.03.2025).

Прим. 2: использована карта западного происхождения, где ошибочно Республика Крым не включена в состав Российской Федерации.

В то же время, проблема терроризма и наркотрафика из Афганистана может решаться за счет взаимодействия с самим Афганистаном, который с 2012 года является наблюдателем при ШОС[305] (разница между наблюдателем и партнером по диалогу заключается в том, что наблюдатели могут присутствовать на заседаниях ШОС без права голоса, в то время как партнеры по диалогу только взаимодействуют с организацией в определенных областях). Тогда было заявлено, что от Афганистана ожидается, что он встанет на путь построения нейтрального и мирного государства, в котором нет наркопреступности и терроризма[306]. Принятие Афганистана в наблюдатели ШОС было обусловлено именно тем, что это поможет интенсифицировать процесс борьбы с противоправной активностью на территории Афганистана (в частности, в пользу решения о предоставлении статуса наблюдателя сказалось то, что в стране уже был выработан план борьбы с производством наркотиков, а также была сформирована собственная антитеррористическая структура)[307]. Тем не менее приход к власти талибов привел к тому, что Афганистан де-юре остается наблюдателем при ШОС, а де-факто – не участвует в работе данной организации и ее формата ШОС+ для наблюдателей и партнеров по диалогу, поскольку до сих пор не признанное новое правительство не приглашают на заседания.

---

[305] Афганистан получил статус страны-наблюдателя при ШОС // Коммерсантъ. 07.06.2012. URL: https://www.kommersant.ru/doc/1953321 (дата обращения: 26.03.2025)

[306] Афганистан стал наблюдателем при ШОС, Турция – партнером по диалогу // РИА Новости. 07.06.2012. URL: https://ria.ru/20120607/667362112.html (дата обращения: 26.03.2025)

[307] Лавров: статус наблюдателя ШОС позволит Афганистану совместно с РФ бороться с терроризмом и наркопроизводством // Единая Россия. 14.06.2012. URL: https://er.ru/activity/news/lavrov-status-nablyudatelyashos-pozvolit-afganistanu-sovmestno-s-rf-borotsya-s-terrorizmom-i-narkoproizvodstvom (дата обращения: 26.03.2025)

Значительная часть членов ШОС (здесь и далее будет использоваться «ШОС» как собирательное понятие не для всех, а для большинства членов ШОС, поскольку некоторые участники сохраняют жесткое неприятие новой власти в Афганистане) выступает за то, чтобы нынешнее афганское правительство взяло курс на умеренность, демократию и толерантность, усилило борьбу с терроризмом, обеспечило уважение к правам женщин и надлежащую защиту человеческой жизни и имущества, создало территорию, свободную от войны, экстремизма и наркоторговли, обеспечило доступ к власти представителей всех политических, религиозных и этнических групп (открытое, инклюзивное и репрезентативное правительство; в настоящее время в пуштунском правительстве талибов не представлены другие этнические группы, включая титульные национальности постсоветских стран – таджиков, киргизов, узбеков, туркмен)[308]. Пока что на этом пути сделано мало шагов.

В то же время, несмотря на благоприятную обстановку в Афганистане, в ШОС полагают, что эта страна «больше других государств региона» нуждается во внешней помощи (в отличие от, в частности, Китая, Индии и Пакистана, которые, как отмечают в ШОС, могут «без помощи извне справиться с любыми беспорядками внутри страны»), а не в осуждении, которое усложняет и так тяжелую гуманитарную обстановку в стране. Деградирующая социально-экономическая обстановка только усиливает террористическую угрозу, исходящую с территории Афганистана, в то время как страны западной коалиции не предпринимают реальных мер по улучшению положения в этой стране[309]. В свою очередь, плохое положение

[308] Генсек ШОС Чжан Мин раскрыл позицию организации по Афганистану // РАТС ШОС. 28.10.2024. URL: https://ecrats.org/ru/archive/facts_of_terrorism/13255/ (дата обращения: 26.03.2025)

[309] В ШОС заявили, что ситуация в Афганистане остается важным вопросом // РИА Новости. 15.09.2022. URL: https://ria.ru/20220915/afganistan-1816879574.html (дата обращения: 26.03.2025)

в Афганистане отрицательно сказывается на соседних с ним странах, а через них – и на других странах региона, включая Россию.

В ШОС считают, что нынешнее правительство талибов «извлекло уроки» из прошлого правительства талибов, действовавшего в Афганистане в 1996 – 2001 годах, а потому «международное сообщество должно дать им шанс выполнить свои обещания». «Талибан» стремится к восстановлению дипломатических отношений и реабилитации в глазах мировой общественности. Со своей стороны ШОС готова участвовать в обеспечении условий для мирной жизни в Афганистане и реализовывать свой потенциал для помощи демократическим преобразованиям в Афганистане, включая возможность призвать участников международного сообщества отменить односторонние санкции против Афганистана через постоянное членство России и Китая в СБ ООН и разморозить активы Афганистана, находящиеся за рубежом, в обмен на постановку ООН четких и документально установленных условий, которые Кабул должен будет выполнить. Многие из этих условий, как полагают в ШОС, «Талибан» будет готов выполнить незамедлительно, поскольку уже дал соответствующие обещания.

В ШОС признают, что силовой захват власти не был законным, но также указывают на то, что в настоящее время ни одна другая политическая сила не способна осуществлять реальную власть в Афганистане, кроме «Талибана». Еще в 2012 году при предоставлении статуса наблюдателя в ШОС заявляли, что «национальное примирение … должно осуществляться под руководством афганцев и самими афганцами». При этом «Талибан» должен разорвать все связи с террористическими организациями.

ШОС поддерживает вступление Афганистана в организацию, чтобы он не был «анклавом» в мировой политике (сам Афганистан подал заявку на членство еще в 2015 году). В ШОС полагают, что такое решение приведет к тому, что в составе организации у Кабула не будет возможности

экспортировать экстремизм в другие страны, вне зависимости от того, кто находится у власти. Членство в ШОС поможет Афганистану также улучшить свое политическое и экономическое состояние. Экономические аспекты, связанные с тем, что более 60% внешней торговли Афганистана приходится на страны ШОС, тоже учитываются. Стабильность в этой стране крайне важна для участников ШОС, поскольку Афганистан практически полностью окружен членами этой организации[310]. Некоторые участники объединения после прихода новой власти в Афганистане продолжили с ним отношения на двустороннем уровне. В частности, торгово-экономические и прочие связи продолжили развивать Россия, Иран, Казахстан, Китай, Пакистан и Узбекистан.

«Талибан» намерен продолжать использовать свое право на участие в ШОС в качестве наблюдателя и заявлял о своих намерениях подать заявку на вступление в ЕАЭС и БРИКС. Больше всего новое правительство Кабула ожидает поддержки от России[311], а также ориентируется в большей степени на ШОС, поскольку основные партнеры Афганистана – это члены данной организации[312]. ШОС не возражает против участия новых представителей афганской власти при наличии консенсуального согласия на это участников организации[313]. В целом, в настоящее время новые власти, не имеющие представительства в международных организациях, нацелены на восстановление своего статуса в мировом сообществе, а также на улучшение отношений со странами своего региона.

---

[310] Чжоу Бо: Если ШОС хочет обеспечить безопасность на долгосрочной основе, необходимо, чтобы Афганистан стал государством-членом Организации // ШОС. 06.05.2022. URL: https://rus.sectsco.org/20220506/835320.html (дата обращения: 26.03.2025)

[311] Талибы хотят присоединиться к БРИКС, ШОС и ЕАЭС // Бизнес Online. 14.06.2024. URL: https://m.business-gazeta.ru/news/636886 (дата обращения: 26.03.2025)

[312] Талибы выступили за членство Афганистана в ШОС, ЕАЭС и БРИКС // Известия. 26.03.2025. URL: https://iz.ru/1711702/2024-06-13/taliby-vystupili-za-chlenstvo-afganistana-v-shos-eaes-i-briks (дата обращения: 26.03.2025)

[313] Нацкоординатор Узбекистана: контактов с новыми властями Афганистана по линии ШОС нет // ТАСС. 14.10.2021. URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/12663645 (дата обращения: 26.03.2025)

В России признают, что вне зависимости от имеющихся в Афганистане проблем, новое правительство обладает реальной властью, в связи с чем с ним необходимо выстраивать отношения, а контакты по разным направлениям с этой страной являются ценными для России (особенно в торговле, экономике, инвестициях в добычу полезных ископаемых и энергоресурсов в Афганистане и в сфере транспорта – с точки зрения транспортных и энергетических коридоров, пролегающих через территорию Афганистана).

С 1 июля 2025 года в Российской Федерации приступил к работе новый афганский посол, а уже 3 июля 2025 года Россия первой в мире официально признала Исламский Эмират Афганистан (Талибан)[314].

Вступление в ШОС позволит Афганистану повысить деловую активность, что поможет достичь этой стране экономической стабильности – важного фактора на пути общей стабилизации положения в стране для дальнейшего противодействия наркомафии и терроризму. Изоляция, как полагают в России, приведет только к усилению экстремизма в Афганистане, который продолжит распространяться по странам региона. В этой связи необходимость контактов с «Талибаном» является очевидной. В России также заявляют, что афганцы страдают от террористов не меньше, чем другие страны региона, в связи с чем талибы ведут борьбу с этим явлением, как и другие антитеррористические структуры[315].

В целом, в настоящее время правительство талибов следует признать объективной реальностью. Несмотря на наличие определенных трудностей, новое правительство Афганистана сумело после многих лет гражданской войны и иностранной оккупации относительно стабилизировать обстановку

---

[314] Знак для всего мира: Россия первой в мире признала режим талибов // Комсомольская правда. 04.07.2025. URL: https://www.kp.ru/daily/27721.5/5110077/?ysclid=mfsf0ngal7485660445 (дата обращения: 05.07.2025).

[315] Гасымов Н. Россия поддержит членство Афганистана в ШОС // Ведомости. 26.03.2024. URL: https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2024/06/05/1041563-rossiya-podderzhit-chlenstvo-afganistana-v-shos (дата обращения: 26.03.2025).

в стране и не допустить гуманитарной катастрофы (хотя из-за санкций, заморозки активов и непризнания нового правительства все еще сохраняется проблемная социально-экономическая обстановка). Снизилось количество терактов, нарушений границ и других конфликтных ситуаций со стороны Афганистана. Посевные площади для производства опиатов уменьшились на 95%, в результате чего снизился и объем наркотической продукции из Афганистана на мировом рынке (хотя остается большая проблема с увеличением объема производства синтетических наркотиков, а также пока не преодолена проблема контрабанды этих веществ)[316].

Что касается борьбы с терроризмом, то новому правительству пока не удается одержать победу над такими террористическими организациями, как «Вилаят Хорасан» и «Аль-Каида». Эти организации продолжают вербовать себе сторонников в Афганистане, в т.ч. с помощью новых информационно-коммуникационных средств и создавать ячейки для совершения терактов в других странах региона. В то же время, в процессе дальнейшей стабилизации обстановки в Афганистане вполне можно ожидать, что антитеррористическая борьба улучшится. ШОС и ОДКБ готовы содействовать Кабулу в этом направлении.

В настоящее время против признания «Талибана» могут высказаться Таджикистан, Индия и Иран. На таджикско-афганской границе нередко происходили столкновения. К тому же, Душанбе критикует талибов за притеснение своей титульной нации на афганской территории. Тегеран также недоволен притеснением шиитского меньшинства хазарейцев, на которых приходится около 10% афганского населения. Индия опасается роста радикализма в Афганистане, который может «перекинуться» на ее территорию. Тем не менее успехи в борьбе с терроризмом, развитие экономического сотрудничества с другими странами региона и содействие

[316] Иванов С.М. Афганистан: путь к признанию // Инфо-ШОС. 30.01.2025. URL: http://infoshos.ru/ru/?idn=40900 (дата обращения: 26.03.2025)

в обеспечении безопасности на региональном уровне ускорят дипломатическое признание правительства талибов в Афганистане. Другие страны ШОС выстраивают конструктивные и взаимовыгодные отношения с Кабулом, в т.ч. по вопросам противодействия терроризму[317].

Взаимодействие с Афганистаном со стороны ШОС может показаться нарушением логики построения организации, провозглашающей своей целью борьбу с терроризмом. Схожая критика поступала со стороны западных политических кругов, когда углублялись отношения между ШОС и Ираном. Так, в Вашингтоне заявляли, что укрепление отношений с «самым террористическим государством» является «странным»[318].

В то же время, во-первых, ШОС не рассматривает своих членов, наблюдателей и партнеров по диалогу как «террористические государства». Во-вторых, логика взаимодействия со странами, в которых высока вероятность реализации деструктивных сценариев, является очевидной: только за счет сотрудничества с ними и оказания им помощи можно добиться избегания катастрофических исходов, в то время как изоляция только усилит проблемы внутри страны. В этой связи текущий курс ШОС в отношении Афганистана следует признать верным[319].

Наконец, важной структурой безопасности на постсоветском пространстве выступает ОДКБ. Созданию этой организации предшествовало подписание рядом постсоветских стран Договора о коллективной безопасности (ДКБ) в мае 1992 года[320]. Первоначальными участниками

---

[317] Бойков С. Движение присоединения: талибы высказались за принятие Афганистана в ШОС // Известия. 13.06.2024. URL: https://iz.ru/1711182/semen-boikov/dvizhenie-prisoedineniia-taliby-vyskazalis-za-priniatie-afganistana-v-shos (дата обращения: 28.03.2025)

[318] Иванов В. Рамсфелд включил Россию в «ось зла» // Взгляд. 03.06.2006. URL: https://vz.ru/politics/2006/6/3/36080.html (дата обращения: 26.03.2025)

[319] Хабибуллин Р.И. От противодействия терроризму к многопрофильности: расширение направлений сотрудничества в ШОС // Общественные науки и современность. 2026. № 2. С. 140.

[320] Договор о коллективной безопасности (г. Ташкент, 15.05.1992) // Бюллетень международных договоров. 2002. № 12.

договора выступили Россия, Армения, Казахстан, Киргизия, Таджикистан и Узбекистан, а в 1993 году состав участников договора расширился посредством последовательного присоединения Азербайджана, Грузии и Белоруссии. Впоследствии состав участников организации неоднократно менялся. При продлении ДКБ в 1999 году нацелившиеся на евроатлантическую интеграцию и желающие дистанцироваться от России[321] Азербайджан, Грузия и Узбекистан покинули организацию. В 2006 году Узбекистан вернулся в ОДКБ, хотя в 2012 году вновь приостановил свое членство. В результате, в настоящее время ОДКБ представлена 6-ю государствами постсоветского пространства – Россией, Арменией, Белоруссией, Казахстаном, Киргизией и Таджикистаном. Тем не менее отсутствие желательной для Армении реакции ОДКБ на конфликт в Нагорном Карабахе в начале 2020-х годов ставит организацию перед риском новых трансформаций: Армения заявляет о своих намерениях выйти из данной организации.

Противодействие терроризму для ОДКБ всегда было одним из важнейших направлений развития. Это, в первую очередь, обуславливается тем, что сам по себе терроризм – это одно из наиболее опасных проявлений преступности, направленное на лишение мирного населения безопасности и благоприятных перспектив развития с целью оказывать прямое воздействие на политику, проводимую действующей властью, и получать таким образом желаемое для себя[322].

В регионе нахождения эпицентров террористической активности на пространстве ОДКБ имеется множество условий, при которых терроризм получает особенно благоприятную почву для своего распространения. К этим

---

[321] Базылева С.П., Черненко С.Ф. Сотрудничество Узбекистана и России как стабилизирующий фактор на евразийском пространстве // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2016. Т. 16. № 3. С. 509 (С. 505-520).

[322] Хабибуллин Р.И. К вопросу о возможном выходе Армении из ОДКБ в контексте борьбы с терроризмом // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2025. № 1. С. 21.

условиям можно отнести острое социальное неравенство, сохраняющуюся вражду на религиозной и национальной почве, отсутствие эффективно функционирующей правовой системы и т.д. К формированию ОДКБ государства рассматриваемого региона подтолкнула и крупнейшая террористическая атака в мировой истории 11 сентября 2001 года. Имел большое значение и фактор террористической угрозы со стороны Афганистана, с которым центральноазиатские страны имеют общую границу в 2,4 тыс. км. Сказывались и такие глобальные факторы, усугубляющие террористическую угрозу, как распространение оружия массового уничтожения. Существенную роль в распространении терроризма на пространстве ОДКБ всегда также играл религиозный фактор.

В целом, регион существования государств – участников ДКБ можно описать как один из наиболее уязвимых к террористической угрозе по следующим обстоятельствам:

- особое географическое положение региона: с одной стороны, он является прилежащим к зоне повышенной террористической активности, а с другой – из-за пересечения здесь множества мировых политических, торгово-экономических, культурно-религиозных и прочих интересов он делается особенно привлекательным для террористических организаций, поскольку с помощью своих акций они могут оказать особенно сильное влияние на правительства и населения множества стран;
- сохраняющиеся аспекты социальной нестабильности. В ряде стран рассматриваемого региона особенно острыми являются вопросы неравенства, бедности, этноконфессиональной розни, недостаточного уровня развития гражданского общества и институтов власти, которые призваны заниматься охраной правопорядка;

- существование в рассматриваемом регионе активности со стороны как местных, так и международных террористических групп, базирующихся в других странах мира, включая Афганистан и Пакистан;
- недостаточная готовность к предупреждению и отражению терроризма в ряде стран региона. Особенно это было серьезно до появления ОДКБ, когда почти у всех стран не было достаточной инфраструктуры безопасности для противодействия терроризму и экстремизму.

Большую роль в борьбе с терроризмом для государств – членов ОДКБ играет также включение ее в единый комплекс с противодействием наркоторговле. Как неоднократно указывалось выше, террористические организации используют доходы от оборота наркотических средств для финансирования своей деятельности. Еще больше эта проблема ухудшается при распространении коррупции, поскольку коррумпированные представители власти также вовлекаются в незаконный оборот наркотиков, создавая административную защиту (поддельные документы и т.д.) для преступных формирований.

Сохраняющаяся нестабильность в Афганистане, особенно усилившаяся после восстановления во власти организации «Талибан» в 2021 году, формирует новый риск распространения терроризма по территории Центральной Азии, особенно с учетом недостаточной политической устойчивости режимов в ряде центральноазиатских стран. Такие события уже наблюдались: например, Исламское движение Узбекистана (ИДУ) опиралось на поддержку из Афганистана (от «Талибана» и афганских ячеек «Аль-Каиды») при привлечении сторонников в ЦА для проведения там террористических актов. Для террористических формирований, которых, по данным ОДКБ насчитывается более 20 с общей численностью в 10 тыс. человек (4 тыс. из них дислоцируются в зонах, прилегающих

к границам пространства ОДКБ)[323], Центральная Азия, кавказский регион, а также китайский СУАР являются одними из основных направлений осуществления своей деятельности благодаря большой доле мусульманского населения. Афганистан остается и убежищем для остатков организации ИГИЛ, куда прибывают сторонники, в частности, из стран Центральной Азии. Потоки лиц, сочувствующих идеям террористических организаций, формируют также риск того, что при их репатриации на родину усилятся угрозы региональной стабильности и безопасности. Наконец, Афганистан остается одним из хабов для производства и транснационального сбыта наркотиков.

Данные проблемы как были актуальными в период создания ОДКБ, так и остаются таковыми в настоящее время. Как следствие, крайне высокой была и остается вероятность радикализации территории, охватываемой ОДКБ, с распространением здесь исламистского терроризма.

Еще до образования ОДКБ в мае 2001 года участниками ДКБ было принято решение о создании Коллективных сил быстрого развертывания (КСБР) в центральноазиатском регионе (ЦАР), направленных на устранение чрезвычайно возникших угроз. Речь шла не только об угрозах военного характера, но и о террористических угрозах, которые стали одними из приоритетных для КСБР. В то же время, КСБР направлена на отражение угроз безопасности только в Центральной Азии. Численность сил составляет около 5 тыс. человек, хотя их состав и структура зависят от конкретной задачи: так, в зависимости от возникшей проблемы они могут быть усилены, в т.ч. за счет дополнения военной техникой и силами особого назначения. Для укомплектования КСБР из национальных контингентов государств –

[323] Выступление Генерального секретаря ОДКБ И. Тасмагамбетова на заседании Совета Парламентской Ассамблеи ОДКБ в Минске 18 мая 2023 года «О реализации решений ноябрьской (2022 года) сессии СКБ ОДКБ и обстановке, складывающейся в зоне ответственности ОДКБ» // Организация Договора о коллективной безопасности. 18.05.2023. URL: https://odkb-csto.org/news/speech/vystuplenie-generalnogo-sekretarya-odkb-i-tasmagambetova-na-zasedanii-soveta-parlamentskoy-assamblei/#loaded (дата обращения: 06.04.2026)

участников ДКБ были выделены автономные воинские части с полным оснащением[324].

Сама организация участниками ДКБ была образована в 2002 году (учредительные документы организации вступили в силу в 2003 году). С этого момента объединение стран – участниц ДКБ уже не было частью правовой системы СНГ, а сформировало новый механизм сотрудничества и обеспечения безопасности на евразийском пространстве[325].

После образования ОДКБ в ст. 3 Устава данной организации[326] были определены основные цели формирования пространства коллективной безопасности в рассматриваемом регионе:

- обеспечение основ доверия и мирного сосуществования на межгосударственном уровне;
- обеспечение региональной и международной стабильности и безопасности;
- коллективная защита государств-членов от угроз военного и террористического характера;
- сохранение базовых ценностей – суверенной независимости и территориальной целостности.

В ст. 8 Устава организации были определены основные объекты угроз, с которыми должны бороться государства-члены:

- международный терроризм и экстремизм;
- незаконный оборот наркотиков;
- незаконная торговля оружием и другими запрещенными / неконтролируемыми военными средствами;

---

[324] Коллективные силы быстрого развёртывания Центральноазиатского региона коллективной безопасности // Объединенный штаб ОДКБ. URL: https://jscsto.odkb-csto.org/voennaya-sostavlyauschaya-odkb/ksbrtsar.php (дата обращения: 06.04.2026)

[325] Алиев Н.Т., Романова В.В. ОДКБ: проблемы и перспективы // Материалы XII Международной студенческой научной конференции «Студенческий научный форум», 2020. С. 3 (С. 1-9).

[326] Устав Организации Договора о коллективной безопасности (Совершено в г. Кишиневе, 07.09.2002) // Бюллетень международных договоров. 2004. № 3.

- транснациональная организованная преступность;
- нелегальная миграция;
- иные угрозы.

В 2016 году государства – члены ОДКБ представили Стратегию коллективной безопасности до 2025 года[327] (по состоянию на апрель 2026 года эта стратегия еще не была обновлена[328]). В соответствии с данной стратегией были установлены стратегические приоритеты для органов организации по активному участию в консолидации международных усилий в сфере противодействия терроризму и экстремизму для сохранения жизнедеятельности, территориальной целостности и суверенной неприкосновенности государств, а также жизненно важных интересов населения и иных ценностей политического, экономического и социального характера.

Важным направлением деятельности рассматриваемой организации выступает координация действий правоохранительных органов государств-членов. Одним из ключевых инструментов для этого выступает обмен информацией о террористических угрозах. Формируется региональная антитеррористическая структура, осуществляется международный розыск террористов и их пособников, проводятся профилактические мероприятия, обеспечивается гармонизация антитеррористического законодательства на основе модельного законодательства СНГ[329] и законодательства

---

[327] Решение Совета коллективной безопасности Организации Договора о коллективной безопасности от 14.10.2016 «О Стратегии коллективной безопасности Организации Договора о коллективной безопасности на период до 2025 года». URL:https://odkbcsto.org/documents/statements/strategiya_kollektivnoy_bezopasnosti_organizatsii_dogovora_o_kollektivnoy_bezopasnosti_na_period_do_/#loaded (дата обращения: 06.04.2026)

[328] Путин предложил начать подготовку новой антитеррористической стратегии ОДКБ // ТАСС. 27.11.2025. URL: https://tass.ru/politika/25745241 (дата обращения: 06.04.2026)

[329] Модельный закон о противодействии терроризму (Принят в г. Санкт-Петербурге 03.12.2009 Постановлением 33-18 на 33-ем пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ) // Информационный бюллетень.

Российской Федерации[330]. Также задействуются различные мероприятия по преодолению таких угроз, включая совместные учения и антитеррористические операции.

Проведение учений ориентировано на то, чтобы увеличить готовность государств к отражению террористических угроз. В рамках учений также обеспечивается более высокая совместимость национальных вооруженных сил, а также создается возможность опробовать разнообразные оперативные процедуры в условиях имитации террористических сценариев. В целом, учения направлены на то, чтобы государства могли наиболее оперативно реагировать на террористические угрозы, эффективно координируя действия друг с другом.

В учениях задействуются различные оперативные силы – силы специального назначения, правоохранительные органы, подразделения разведки и т.д. В качестве примера антитеррористических можно привести проводимые с 2004 года учения «Рубеж»[331].

Выше также говорилось о таком инструменте антитеррористического сотрудничества, как совместные операции. Эти операции ориентированы на нейтрализацию террористических формирований, разрушение их сетей и инфраструктуры. В рамках операций государства-члены обмениваются разведывательными данными, совместно планируют и координируют свои действия и объединяют свои ресурсы и опыт, чтобы увеличить эффективность борьбы с терроризмом.

Следует заметить, что учения и операции не только повышают готовность государств-членов к борьбе с терроризмом, но и оказывают

Межпарламентская Ассамблея государств-участников Содружества Независимых Государств. 2010. № 46. С. 256-283.

[330] Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» // Собрание законодательства РФ. 13.03.2006. № 11. Ст. 1146.

[331] Рубеж // Организация Договора о коллективной безопасности. URL: https://www.odkb-csto.org/training/rubezh/ (дата обращения: 06.04.2026)

превентивный эффект, удерживая лиц от создания новых террористических формирований[332].

Наконец, для усиления основ противодействия терроризму ОДКБ активно пользуется механизмом международного сотрудничества – как с перечисленными выше организациями безопасности на постсоветском пространстве, так и с иными международными организациями. Здесь отдельно следует сказать о взаимодействии ОДКБ и ООН в сфере борьбы с терроризмом. Между Секретариатом ОДКБ и КТК ООН с 2016 года действует Меморандум о взаимопонимании, устанавливающий основы их сотрудничества[333].

Несмотря на большую работу в сфере повышения основ сотрудничества в сфере борьбы с терроризмом между государствами – членами ОДКБ, сохраняется ряд факторов, сдерживающих дальнейшее повышение эффективности организации в этом направлении.

В первую очередь, речь идет о самой природе транснационального терроризма, который игнорирует национальные границы и часто имеет разветвленную сеть в разных странах мира. В свою очередь, это требует от ОДКБ взаимодействия с другими государствами и международными организациями для совместной борьбы с терроризмом, что не всегда возможно в условиях различных геополитических реалий. Тем не менее можно говорить о том, что такое сотрудничество имеет решающее воздействие на противодействие проблеме терроризма.

Во-вторых, государства – члены ОДКБ имеют различные ресурсы и возможности, а потому обеспечение ими своих антитеррористических

---

[332] Аманбаева Д., Айдарбекова А., Сатырвалдиева А.Ч., Рахимов К.Х. Роль ОДКБ в противодействии терроризму // Постсоветские исследования. 2023. Т. 6. № 6. С. 679 (С. 674-684).

[333] Меморандум о взаимопонимании между Секретариатом Организации Договора о коллективной безопасности и Исполнительным директоратом Контртеррористического комитета Организации Объединенных Наций (21.09.2016). URL: https://antiterror.odkb-csto.org/int_organizations/un/memorandum-o-vzaimoponimanii-mezhdu-sekretariatom-odkb-i-id-ktk-oon/#loaded (дата обращения: 06.04.2026)

органов является неоднородным, и некоторые страны сталкиваются с недостатком ресурсов (финансовых, технических и т.д.) для повышения эффективности своей антитеррористической деятельности. В этой связи ОДКБ следует работать над повышением равенства контртеррористических возможностей своих государств-членов на их национальных уровнях[334].

В-третьих, от ОДКБ требуется постоянное повышение своей адаптивности и гибкости к меняющимся реалиям, поскольку террористические организации характеризуются быстрой сменой тактик и совершенствованием своих методов. ОДКБ следует действовать на опережение в преодолении таких более современных угроз, как кибертерроризм, привлечение сторонников через онлайн-пространство, применение новейших технологий для совершения терактов. Для этого необходимы не только ресурсы, но и постоянное обучение сотрудников антитеррористических отделений, а также своевременное обновление стратегий в сфере борьбы с терроризмом, что, в частности, является проблемной зоной, поскольку новая стратегия по завершении 2025 года так и не была принята.

В-четвертых, страны ОДКБ сталкиваются со значительным количеством лиц на своих территориях, сочувствующих террористическим идеям. Организации необходимо уделять повышенное внимание повышению доверия к своей деятельности, а также информированию общественности о вреде и угрозах терроризма, чтобы предотвращать вербовку террористическими формированиями новых сторонников из числа населения стран ОДКБ. Для укрепления доверия будут полезными и мероприятия по привлечению к противодействию терроризму представителей гражданского общества, а также обеспечение прозрачности антитеррористический действий.

---

[334] Хабибуллин Р.И. К вопросу о возможном выходе Армении из ОДКБ в контексте борьбы с терроризмом // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2025. № 1. С. 25.

В-пятых, основной объем сотрудничества между государствами-членами сфокусирован на двустороннем, а не на многостороннем уровне[335].

Наконец, следует сказать о ключевой проблеме ОДКБ, которая отрицательно воздействует не только на возможности противодействия терроризму, но и на стабильность функционирования всей организации в целом. Она связана с разницей в политических взглядах государств-членов, из-за чего они имеют разные политические цели. Это порождает между ними разногласия, препятствующие возможности объединения их усилий в противодействии любым видам угроз.

Политические разногласия усиливаются на фоне другого компонента деятельности ОДКБ – ее миротворческих операций, – которые неоднократно были объектами критики со стороны отдельных государств-членов. Ключевая проблема заключается в высокой степени избирательности руководящих органов ОДКБ в сфере обеспечения региональной безопасности посредством миротворческих операций. Органы ОДКБ произвольно трактуют положения своих учредительных документов, поддерживая миротворчество в одних случаях и отказывая в нем в других[336]. Это, в частности, является одной из причин стремления Армении выйти из этой организации после того, как она не получила поддержки со стороны организации в ходе последнего нагорнокарабахского конфликта. Были и другие случаи отказа ОДКБ от военной помощи своим государствам-членам (например, таджикско-киргизский конфликт в 2022 году, когда была предложена только дипломатическая помощь). Проблема неэффективности миротворчества подкрепляется и иными аспектами (нерешенность проблемы легитимности обращения за помощью незаконно отстраненного правительства, отсутствие отработки механизмов получения согласия сторон на проведение

---

[335] Аманбаева Д., Айдарбекова А., Сатырвалдиева А.Ч., Рахимов К.Х. Роль ОДКБ в противодействии терроризму // Постсоветские исследования. 2023. Т. 6. № 6. С. 680.

[336] Scepanovic J. Can Russia Still Be a Dependable ‘Sheriff’ for Eurasia? // The Diplomat. 30.09.2022. URL: https://thediplomat.com/2022/09/can-russia-still-be-a-dependable-sheriff-for-eurasia/ (дата обращения: 06.04.2026)

миротворческой операции, если речь идет о противодействии неорганизованным повстанческим группам из населения и т.д.)

В свою очередь, подобные политические разногласия порождают 2 основные проблемы в сфере борьбы с терроризмом:

- снижается эффективность антитеррористического сотрудничества, поскольку спорящие и конфликтующие друг с другом государства не готовы сотрудничать ни в каких сферах – особенно в тех, где содержится военный компонент;
- распад международных организаций в сфере борьбы с терроризмом из-за политических разногласий только усугубит возможность преодоления этой угрозы, поскольку она носит транснациональный характер, а потому, наоборот, требует привлечения как можно большего числа стран.

Именно от России, как не только самого мощного в военном, экономическом и политическом плане государства на постсоветском пространстве, но и наиболее заинтересованной в сохранении формата ОДКБ, следует ожидать усилий по восстановлению авторитета этой организации, расширению её возможностей в мирном урегулировании противоречий между постсоветскими государствами и развитии её антитеррористического потенциала. В настоящее время настоятельно требуется создать новые механизмы разрешения конфликтов, подобных армяно-азербайджанскому. В противном случае ослабление организации продолжится[337].

Особенно важным преодоление разногласий видится в условиях общей деградации структуры международных отношений, где соперничество государств, конфронтационный характер отношений между многими их низ, игнорирование международных соглашений, недостаточная эффективность

[337] Хабибуллин Р.И. К вопросу о возможном выходе Армении из ОДКБ в контексте борьбы с терроризмом // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2025. № 1. С. 26.

многосторонних институтов в сфере безопасности формируют благоприятный плацдарм для реализации террористической активности.

В результате рассмотрения основных институтов противодействия терроризму на постсоветском пространстве можно определить этапы, которую система противодействия терроризму прошла здесь в ходе эволюции борьбы с терроризмом:

1. 1991 – 1999 гг.: фрагментация постсоветского пространства и становление первых институтов противодействия международному терроризму.

После распада СССР страны столкнулись с ростом этнических конфликтов и религиозного экстремизма при разрушенной единой системе безопасности. В этот период борьба велась преимущественно на национальном уровне, и отсутствовала общая законодательная база противодействия терроризму. В 1992 году произошло значимое событие, связанное с подписанием ДКБ, однако нельзя не заметить, что изначально он имел скорее оборонный, чем антитеррористический характер. Только к концу рассматриваемого периода пришло осознание, что терроризм становится трансграничным, что, в частности, показали события в Таджикистане и на Северном Кавказе.

2. 2000 – 2010 гг.: институционализация антитеррористического сотрудничества и выработка коллективного ответа на террористические угрозы.

Начало 2000-х годов ознаменовалось резким ростом угрозы международного терроризма и необходимостью создания специализированных структур. В 2000 году был создан АТЦ СНГ как координационный орган для спецслужб государств – членов СНГ. В 2002 году проведена реформа ОДКБ: организация приобрела полноценный статус, а также началось формирование КСБР. В 2004 году в рамках ШОС

запущена РАТС, которая ознаменовала собой включение Китая в единую систему антитеррористической безопасности.

3. 2011 – 2021 гг.: унификация подходов к противодействию терроризму и технологическое перевооружение контртеррористических систем.

Страны СНГ и ОДКБ приняли модельные законы, унифицирующие понятия «терроризм» и «экстремизм», а также списки запрещенных организаций, обеспечив правовое сближение друг с другом. Внимание сместилось на противодействие вербовке в интернете. Были запущены регулярные операции по выявлению террористических ячеек. КСОР ОДКБ стали основной силой для подавления масштабных террористических угроз. Велась активная борьба с влиянием ИГИЛ и предотвращением экспорта радикальных идей из Афганистана и Ближнего Востока.

4. 2022 – 2026 гг.: интеграция систем антитеррористической безопасности и введение превентивных подходов.

Современный этап развития системы антитеррористической борьбы характеризуется ответом на новые гибридные угрозы и цифровую трансформацию терроризма. Активно внедряются системы распознавания лиц и ИИ-мониторинга подозрительной активности в рамках единых баз данных РАТС ШОС и АТЦ СНГ. Большие усилия сосредоточены на укреплении «пояса безопасности» вокруг границ Афганистана (особенно в Таджикистане и Узбекистане) через усиление пограничной инфраструктуры ОДКБ. В ШОС страны перешли от разобщенных действий спецслужб к созданию «Шанхайского контура безопасности», где Россия, Китай и страны Центральной Азии действуют на основе глубокой интеграции разведывательных данных и общих протоколов быстрого реагирования. Стратегии всех стран в области борьбы с терроризмом сместились от ликвидации последствий терроризма к его предотвращению, в т.ч. за счет выявления подозрительных финансовых потоков (включая криптовалюты) и пресечения идеологического влияния в социальных сетях и мессенджерах.

Политические условия, складывающиеся вокруг России на фоне углубления ее противоречий с западными странами, приводят к интенсификации ее роли в расширении численности организаций на постсоветском пространстве, из-за чего все больше развивающихся государств интегрируются в систему антитеррористической борьбы, увеличивая ее географию.

Таким образом, несмотря на значительные успехи в противодействии терроризму, нет подтверждений тому, что террористические организации отказались от идей, ведущих к распространению нестабильности на постсоветском пространстве. Террористы действуют адаптивно и подстраиваются под меняющиеся условия, включая новые меры антитеррористической борьбы. Способность террористов противостоять национальным силам безопасности остается на высоком уровне. Терроризм продолжает видоизменяться, приобретая новые и более опасные и масштабные по своей разрушительности формы. Связи между различными элементами терроризма и организованной преступности продолжают развиваться. Возникают новые группировки экстремистской направленности. Центральная Азия и Ближний Восток остаются местом распространения радикального исламизма и подготовки новых боевиков, а также финансирования их за счет доходов от наркоторговли и иной преступной деятельности. За счет информационно-коммуникационных технологий продолжается идеологическая обработка и вербовка граждан постсоветских государств. Разрабатываются каналы переброски боевиков и наемников на другие территории, где наибольшую угрозу представляет репатриация боевиков – граждан стран постсоветского пространства, получивших боевой опыт на ближне- и средневосточных театрах сражений и сохранивших приверженность террористической идеологии. Проницаемость границ на постсоветском пространстве сохраняется, поскольку это обеспечивает наиболее благоприятные условия для развития сотрудничества в регионе. В этой связи вероятность образования новых террористических ячеек –

как в странах, где мусульманское население является большинством, так и там, где оно составляет религиозное меньшинство, – остается весьма высокой, особенно среди мигрантов, беженцев и вынужденных переселенцев. В результате, можно говорить о том, что развитие институтов коллективной безопасности для предупреждения терроризма и противодействия ему остается актуальной задачей для постсоветских стран.

С одной стороны, за последние десятилетия институтам антитеррористической безопасности на постсоветском пространстве удалось сформировать существенную правовую и организационно-институциональную базу для противодействия терроризму. В настоящий момент реализуются такие мероприятия, как обмен опытом, знаниями и оперативной и разведывательной информацией, ведение базы данных о террористах, террористических организациях и лицах, содействующих терроризму, координация антитеррористической политики на национальном уровне и разработка соответствующих согласованных / совместных мер, проведение различных мероприятий и операций в сфере борьбы с терроризмом, включая учения и тренировки, уголовная помощь в розыске и определении местонахождения лиц, скрывающихся от закона, распространение антитеррористических мер на новые виды терроризма и отработка способов борьбы с ними, обучение и подготовка сотрудников в сфере безопасности, совершенствование правовой и организационно-институциональной базы борьбы с терроризмом, публичная просветительская работа для недопущения радикализации населения, научная деятельность в сфере борьбы с терроризмом, развитие сотрудничества с иными государствами и международными структурами, занимающимися борьбой с терроризмом, что существенно расширяет обмен опытом и позволяет расширить географию противодействия терроризму.

С другой стороны, анализ институтов постсоветского пространства показал, что в каждом из них есть проблемы, причем некоторые

несовершенства присущи всему комплексу безопасности в рассматриваемом регионе. Основной проблемой, препятствующей дальнейшему развитию совместной борьбы с терроризмом, выступает существенная разновекторность взглядов, которая проявляется по самым разным направлениям – по определению роли компонента безопасности в структуре многопрофильных объединений, по участию в тех или иных совместных действиях или вовлечению в определенные конфликтные ситуации, по трактовке понятий «терроризм» и «террористическая организация» и квалификации соответствующих деяний и т.д. Это не позволяет реализовать весь потенциал совместных усилий в сфере противодействия терроризму, в связи с чем предполагается, что участники постсоветских институтов безопасности должны в первую очередь заняться сближением своих политических линий.

***

По итогам настоящей главы можно заключить, что терроризм и экстремизм стали одними из основных проблем бывших южных республик СССР, а также России. Речь шла о распространении радикального исламизма в странах со значительной долей мусульманского населения, где сформировались благоприятные условия для закрепления опасных тенденций (утрата реального контроля за территорией и населением со стороны центральной власти, сложное социально-экономическое положение, идеологический вакуум после крушения коммунистической идеологии, большое количество внутригосударственных и межгосударственных противоречий, пособничество терроризму со стороны внерегиональных игроков, преследующих на постсоветском пространстве свои цели). В то же время, следует сразу отметить, что исламистский терроризм был свойственен не всем государствам постсоветского

пространства: ряд из них (Армения, Белоруссия и т.д.) тоже сталкивались с проблемой терроризма, но для них он исходил из других источников. Радикальный исламизм проявлялся в странах со значительной долей мусульманского населения.

Основной период противодействия терроризму пришелся на 1990-е – 2000-е годы, до тех пор, пока не была значительно стабилизирована политическая и социально-экономическая обстановка и не были сформированы эффективные механизмы борьбы с терроризмом, включая инструменты международного сотрудничества. В то же время, сохраняются условия для возрождения исламского радикализма из-за сохранения слабости политических институтов в отдельных постсоветских республиках, низкого социально-экономического положения населения, близости к основным регионам распространения терроризма – Центральной Азии и Ближнего Востока.

В настоящее время преимущественным видом терроризма выступают акты, совершаемые в рамках внутригосударственных и межгосударственных противоречий и конфликтов на постсоветском пространстве. Квалификация таких актов в качестве террористических является политизированной и неоднозначной, поскольку противоборствующие стороны склонны характеризовать любые активные действия в рамках борьбы друг с другом в качестве терроризма. Это, в свою очередь, сдерживает развитие борьбы с реальными террористическими угрозами, представляющими опасность для всего постсоветского пространства.

Международное сотрудничество в сфере противодействия терроризму реализуется на различных уровнях, которые можно делить по географическому охвату действия соответствующих институтов и документов (универсальный (глобальный), региональный и двусторонний уровни) и по уровни вовлеченности участников международного сообщества (межгосударственный – на уровне государства и высших лиц,

межведомственный – на уровне отдельных органов и ведомств). В основе глобального уровня лежит ООН и его сложная и разветвленная структура различных органов, организаций и прочих институтов. Автором разработана схема функционирования антитеррористического механизма ООН и собраны основные конвенции и соглашения ООН по борьбе с терроризмом. Проводимая в настоящее время реформа организации антитеррористической структуры ООН позволяет лучше систематизировать и согласовать между собой различные институты, входящие в систему борьбы с терроризмом. На региональном уровне действует множество различных структур и институтов в формате региональных объединений. Развивается сотрудничество и на двустороннем уровне. Все уровни сотрудничества между собой иерархически подчинены, что обуславливается разницей юридической силы различных документов, составляющих нормативно-правовую основу функционирования рассматриваемых институтов.

Делается вывод о том, что в соответствии с принципом субсидиарности наиболее эффективная борьба с терроризмом будет осуществляться при движении от наиболее общих решений, принимаемых на универсальном уровне, к наиболее конкретным решениям, принимаемым на уровне регионов, отдельных государств и ведомств, поскольку сокращение количества участников обсуждения различных инициатив приводит к возможности согласовать наименее обтекаемые и более специфицированные действия, отвечающие национальным интересам участвующих сторон. Это, в свою очередь, не умаляет значимости универсального уровня, поскольку в процесс борьбы с терроризмом должны быть вовлечены все участники международного сообщества, чтобы искоренить этот феномен, в то время как достичь этого можно только в глобальном формате.

Несмотря на значительные успехи в противодействии терроризму, нет подтверждений тому, что террористические организации отказались от идей, ведущих к распространению нестабильности на постсоветском пространстве.

Террористы действуют адаптивно и подстраиваются под меняющиеся условия, включая новые меры антитеррористической борьбы. Способность террористов противостоять национальным силам безопасности остается на высоком уровне. Терроризм продолжает видоизменяться, приобретая новые и более опасные и масштабные по своей разрушительности формы. Связи между различными элементами терроризма и организованной преступности продолжают развиваться. Возникают новые группировки экстремистской направленности. Центральная Азия и Ближний Восток остаются местом распространения радикального исламизма и подготовки новых боевиков, а также финансирования их за счет доходов от наркоторговли и иной преступной деятельности. За счет информационно-коммуникационных технологий продолжается идеологическая обработка и вербовка граждан постсоветских государств. Разрабатываются каналы переброски боевиков и наемников на другие территории, где наибольшую угрозу представляет репатриация боевиков – граждан стран постсоветского пространства, получивших боевой опыт на ближне- и средневосточных театрах сражений и сохранивших приверженность террористической идеологии. Проницаемость границ на постсоветском пространстве сохраняется, поскольку это обеспечивает наиболее благоприятные условия для развития сотрудничества в регионе. В этой связи вероятность образования новых террористических ячеек – как в странах, где мусульманское население является большинством, так и там, где оно составляет религиозное меньшинство, – остается весьма высокой, особенно среди мигрантов, беженцев и вынужденных переселенцев. В результате, можно говорить о том, что развитие институтов коллективной безопасности для предупреждения терроризма и противодействия ему остается актуальной задачей для постсоветских стран.

С одной стороны, за последние десятилетия институтам антитеррористической безопасности на постсоветском пространстве удалось

сформировать существенную правовую и организационно-институциональную базу для противодействия терроризму. В настоящий момент реализуются такие мероприятия, как обмен опытом, знаниями и оперативной и разведывательной информацией, ведение базы данных о террористах, террористических организациях и лицах, содействующих терроризму, координация антитеррористической политики на национальном уровне и разработка соответствующих согласованных / совместных мер, проведение различных мероприятий и операций в сфере борьбы с терроризмом, включая учения и тренировки, уголовная помощь в розыске и определении местонахождения лиц, скрывающихся от закона, распространение антитеррористических мер на новые виды терроризма и отработка способов борьбы с ними, обучение и подготовка сотрудников в сфере безопасности, совершенствование правовой и организационно-институциональной базы борьбы с терроризмом, публичная просветительская работа для недопущения радикализации населения, научная деятельность в сфере борьбы с терроризмом, развитие сотрудничества с иными государствами и международными структурами, занимающимися борьбой с терроризмом, что существенно расширяет обмен опытом и позволяет расширить географию противодействия терроризму.

С другой стороны, анализ институтов постсоветского пространства показал, что в каждом из них есть проблемы, причем некоторые несовершенства присущи всему комплексу безопасности в рассматриваемом регионе. Основной проблемой, препятствующей дальнейшему развитию совместной борьбы с терроризмом, выступает существенная разновекторность взглядов, которая проявляется по самым разным направлениям – по определению роли компонента безопасности в структуре многопрофильных объединений, по участию в тех или иных совместных действиях или вовлечению в определенные конфликтные ситуации, по трактовке понятий «терроризм» и «террористическая организация»

и квалификации соответствующих деяний и т.д. Это не позволяет реализовать весь потенциал совместных усилий в сфере противодействия терроризму, в связи с чем предполагается, что участники постсоветских институтов безопасности должны в первую очередь заняться сближением своих политических линий.

ГЛАВА 3. ОЦЕНКА ПЕРСПЕКТИВ РАЗВИТИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В ОБЛАСТИ БОРЬБЫ С ТЕРРОРИЗМОМ В РЕГИОНЕ БОЛЬШОЙ ЕВРАЗИИ

3.1. Формирование регионального комплекса безопасности на пространстве Большой Евразии

В настоящее время наблюдается процесс сопряжения систем безопасности на евразийском пространстве. При этом стоит заметить, что по мере деградации геополитической ситуации в мире и углубления разделения между странами Глобального Севера и Юга формировавшаяся система безопасности сильно изменилась за последние два с половиной десятилетия. Россия, как один из основных игроков в глобальной мировой политике, еще в 2000-х годах рассматривала формирование системы безопасности с ориентацией на Запад. Так, в конце 2000-х годов Россией предлагалось сформировать единое и неделимое пространство безопасности в горизонтальном по отношению к географической карте мира варианте – от Ванкувера до Владивостока[338]. В то же время, постепенно вектор ее политики сменился на незападные страны, где теперь происходят активные процессы по сближению, в т.ч. в вопросах безопасности.

За последние годы, отмеченные наиболее низкой фазой российско-западных отношений за весь период существования постбиполярного мира, произошло значительное расширение числа платформ, в которых Россия занимает важное место. В частности, ШОС претерпела ряд расширений, включив в себя Индию и Пакистан в 2017 году, Иран в 2023 году и Белоруссию в 2024 году. Помимо этого, у организации есть 14 партнеров по диалогу, 2 наблюдателя (еще 8 государств подали заявку на получение статуса

[338] Проект Договора о европейской безопасности. URL: https://mid.ru/ru/press_service/journalist_help/mass_media/825759 (дата обращения: 13.08.2025)

наблюдателя в организации), а приглашенными на саммиты ШОС выступают 7 международных организаций и 1 государство. Также ШОС заключила партнерские соглашения с ООН, организациями евразийского пространства (ОДКБ, ЕАЭС и СНГ), а также с АСЕАН. Наиболее ярко выраженной является текущая ориентация ШОС на сбор вокруг себя развивающихся стран Глобального Юга.

Аналогичным образом, расширился в последние годы и состав БРИКС. К пятерке первоначальных членов (или к четверке + ЮАР, поскольку БРИК была образована в 2006 году, а «С» (ЮАР) добавилась только в 2011 году) в 2024 году присоединились Египет, Иран, ОАЭ и Эфиопия. С 2025 года членом БРИКС также является Индонезия. Несколько десятков стран – тоже среди государств Глобального Юга – в настоящее время рассматривают возможность членства в БРИКС, а 2 государства являются официально приглашенными (Саудовская Аравия своего членства еще не подтвердила, в то время как Аргентина при президентстве проамериканского (и, если точнее, протрамповского[339]) Хавьера Милея пока что не планирует стать частью блока). С 2024 года в связи с расширением деятельности и числа участников БРИКС введена новая категория партнеров БРИКС, которыми за 2024 – 2025 годы успели стать 12 государств.

Подобные метаморфозы в структуре мировой политики в свою очередь отражаются и на системе безопасности, формирующейся на евразийском пространстве. Речь идет в том числе и об антитеррористической безопасности. В настоящей главе на примере российско-индейских отношений был продемонстрирован потенциал укрепления основ борьбы с терроризмом в контексте единства Малой и Большой Евразии.

Исследовать процесс сопряжения пространства безопасности в контексте Большой Евразии можно через теорию региональных комплексов

[339] Вишнякова В. Аргентина выбрала Дональда Трампа // Коммерсантъ. 04.03.2025. URL: https://www.kommersant.ru/doc/7551980 (дата обращения: 13.08.2025)

безопасности (РКБ), предложенную авторами Копенгагенской школы Б. Бузаном и О. Уэвером в последней четверти XX века. Впервые РКБ определил Б. Бузан в 1983 году, описав под этим понятием группу государств, чьи проблемы и интересы в сфере безопасности настолько связаны друг с другом, что рассматривать их по отдельности нельзя[340]. Современное понимание РКБ было представлено Б. Бузаном совместно с О. Уэвером, где авторы указали, что проблемы объектов (государств), входящих в РКБ, не только не могут быть проанализированы по отдельности, но и не могут быть решены по отдельности[341].

Транснациональный терроризм как раз-таки относится к подобным проблемам, поскольку ни одно государство в одиночку не может бороться с проблемой, имеющей трансграничный характер, – по своей природе такая проблема требует того, чтобы несколько государств, прямо затронутых этой проблемой, участвовали в ее разрешении.

К началу XXI столетия Б. Бузан и О. Уэвер полагали, что РКБ формируется на пространстве между ЕС и Россией. Действительно, еще в первое десятилетие XXI века можно было наблюдать соответствующие тенденции. В настоящее время, однако, со сменой реалий глобального геополитического дискурса можно начать говорить о том, что новый РКБ создается на евразийском пространстве, причем он втягивает в себя не только государства, входящие в Малую Евразию, но и собирает вокруг себя страны со всего евразийского континента, не относящегося к Глобальному Западу. Как раз-таки на это указывает процесс расширения региональных организаций безопасности, таких как ШОС.

В настоящее время трудно говорить о том, что вопрос сопряжения систем безопасности распространяется на все аспекты международных

---

[340] Buzan B. People, States and Fear: The National Security Problem in International Relations. – Chapel Hill: The University of North Carolina Press, 1983. – P. 200 (262 p.)

[341] Buzan B, Wæver O. Regions and Powers: The Structure of International Security. – Cambridge: Cambridge University Press, 2003. – P. 44.

отношений, поскольку по-прежнему между государствами рассматриваемого региона наблюдаются существенные противоречия по широкому ряду вопросов, в то время как для РКБ требуется единство в восприятии угроз и рисков. Отдельные противоречия наблюдаются в контексте и Малой, и Большой Евразии.

В то же время, можно говорить о том, что в вопросах противодействия терроризму страны, постепенно входящие в новый РКБ, являются едиными, а потому предлагается сузить формируемую в Евразии геополитическую систему до комплекса региональной *антитеррористической* безопасности. Данное понятие будет более полно отражать те отношения, которые формируются между странами рассматриваемого региона.

К некоторым признакам наличия РКБ в сфере противодействия терроризму можно отнести[342]:

- более глубокое взаимодействие по вопросам борьбы с терроризмом между участниками РКБ, чем с внешними игроками;
- наличие общих представлений о террористической угрозе;
- объединение усилий для противодействия рассматриваемой угрозе в рамках «сообщества безопасности»; и т.д.

Важнее всего то, что государства нового комплекса антитеррористической безопасности одинаково секьюритизируют проблему терроризма. Исследователи Копенгагенской школы исходят из того, что любая угроза – это не объективный феномен, а субъективный, поскольку она зависит от ее точки восприятия в современном общественном дискурсе. Иными словами, общество само определяет, что является угрозой. Даже если раньше

[342] Сочжу Х. Аналитическая основа теории комплекса безопасности // Теории и проблемы политических исследований. 2021. Т. 10. № 3А. С. 86 (С. 84-91).

эта угроза существовала, но не признавалась угрозой, она будет считаться таковой только с момента ее признания в качестве угрозы[343].

Именно на этом процессе и базируется секьюритизация угроз. Можно заметить, как в вопросах противодействия терроризму государства нового евразийского РКБ проявляют согласованность в секьюритизации террористической угрозы в качестве экзистенциальной.

Таким образом, в настоящее время можно наблюдать процесс сопряжения пространства безопасности в контексте Малой и Большой Евразии, о чем наиболее ярко говорит расширение региональных структур безопасности, таких как ШОС, за счет государств Глобального Юга. Можно говорить о формировании регионального комплекса антитеррористической безопасности, вокруг которого в настоящее время собираются развивающиеся страны на евразийском пространстве. Единство в признании террористической угрозы в качестве экзистенциальной толкает эти государства на сотрудничество в противодействии ей, поскольку разрешить эту проблему в одиночку государства евразийского пространства не могут.

3.2. Эволюция политики России в сфере международного сотрудничества по противодействию терроризму

Терроризм был одной из наиболее острых проблем для Российской Федерации с момента ее образования в 1991 году, причем Россия была одним из первых государств, которое столкнулось с международным терроризмом в его наиболее опасных формах[344]. Возникшие в России условия, связанные с распадом СССР, а именно усилившаяся внутренняя экономическая,

[343] Гайдаев О.С. Теория секьюритизации, или хорошо забытое старое: к вопросу о теоретико-философских истоках и зарождении теории // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2021. № 1. С. 29 (С. 20-32).

[344] Роль России в мобилизации отпора вызову международного терроризма и экстремизма, в противодействии другим новым вызовам и угрозам // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: http://www.mid.ru/rol-rossii-v-mobilizacii/ (дата обращения: 19.05.2025)

политическая и социальная нестабильность, привели к ужесточению национального вопроса и распространению межэтнической вражды и розни в разных частях страны. Среди всех этнических конфликтов на территории России наиболее кровопролитными стали столкновения на Северном Кавказе, откуда исламистский терроризм был экспортирован и в другие регионы страны[345]. В одной только Москве произошли такие громкие теракты, как захват театра «Норд-Ост» в 2002 году и взрывы в московском метро в 2000, 2004 и 2010 годах. В 2004 году исламисты-сепаратисты совершили самый крупный теракт в российской истории – захват школы в Беслане. Можно говорить о том, что к настоящему моменту северокавказский терроризм удается сохранять в состоянии нераспространения, однако вероятность радикализации фундаментальных исламистов остается.

Надо заметить, что в настоящее время основной источник терроризма на российской территории сместился с Северного Кавказа на Украину, угроза откуда является долговременной и особенно усилилась после начала СВО. За этот период украинскими националистами были совершены такие теракты, как взрыв Крымского моста, взрыв в кафе в Санкт-Петербурге, связанный с покушением на российского военного корреспондента В. Татарского, убитого в результате теракта, взрыв автомобилей Д. Дугиной, дочери философа А. Дугина, которая скончалась в результате теракта, и З. Прилепина, российского политического деятеля, пострадавшего в результате покушения, гибель и ранение мобилизованных добровольцев на полигоне в Белгородской области, а также атаки беспилотников на Кремль и попадание нескольких БПЛА в жилые дома в Москве. Несмотря на то, что ответственность за третий по количеству жертв теракт в России – атаку на «Крокус Сити Холл» в марте 2024 года – взяли на себя боевики из афганского подразделения ИГИЛ «Вилаят Хорасан», имеются подтверждения того, что эта атака была спонсирована украинскими силами, о чем, в частности, говорит тот факт, что террористы

[345] Паин Э.А. *Указ. соч.* С. 122.

двигались в сторону российско-украинской границы, где у них, по материалам силовых ведомств России, были свои контактные лица[346]. Проблема угрозы с территории Украины заключается в том, что есть подтверждения того, что прямым спонсором данных терактов выступают украинские власти[347], что позволяет говорить о наличии феномена государственного терроризма.

В целом, на протяжении всей своей истории существования Российская Федерация сталкивалась с проблемой терроризма, причем всегда она была осложнена иностранным элементом: исламистский терроризм на Северном Кавказе «подогревался» террористическими организациями из-за рубежа, а в Чеченских войнах принимали участие боевики из более чем 50 стран[348]; современный терроризм в России очевидно связан с действиями украинских властей.

С учетом того, насколько серьезной проблема терроризма выступает для России, на протяжении последних трех с половиной десятилетий активно велась работа по усилению потенциала борьбы с терроризмом как на национальном, так и на международном уровне. Следует заметить, что два данных вида терроризма – интернациональный и внутригосударственный – между собой сильно связаны, в связи с чем борьба с ними осуществляется в комплексе[349]. Проследить эволюцию подходов России к противодействию терроризму можно посредством анализа ее ключевых документов по безопасности. За время существования Российской Федерации было принято множество разных документов,

---

[346] ФСБ: Террористы из «Крокус Сити Холла» планировали перейти российско-украинскую границу и имели контакты на украинской стороне // The Insider. 23.03.2024. URL: https://theins.ru/news/270181 (дата обращения: 23.08.2025)

[347] В Кремле назвали очевидной причастность Киева к нападениям на россиян // Международная жизнь. 14.05.2023. URL: https://interaffairs.ru/news/show/40359 (дата обращения: 19.05.2025)

[348] Уранян А.А. Роль России в международном сотрудничестве по борьбе с терроризмом // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2016. С. 43 (С. 43-51).

[349] Игнатенко А.Г. Терроризм: взгляд в будущее // Обозреватель – Observer. 2012. № 7. С. 31.

в которых освещаются проблемы антитеррористической безопасности и защиты, однако наиболее значимыми в доктринальном плане выступают ее концепции, а с 2009 года – стратегии национальной безопасности:

1. Концепция национальной безопасности 1997 года[350]. В документе заявляется, что Россия ставит перед собой в качестве одной их приоритетных задач свою более широкую интеграцию в процесс борьбы с международным терроризмом. В документе указывается, что Россия, как и многие другие страны, столкнулись с ужесточившейся проблемой терроризма, а его транснациональный характер и отрицательное влияние на международную безопасность требуют того, чтобы все мировое сообщество объединило усилия для борьбы с ним. Противодействие терроризму, согласно КНБ 1997 года, имеет большое значение и для внутренней безопасности страны, в связи с чем противодействие терроризму отнесено к одним из ее важнейших национальных интересов. В свою очередь, указывается, что внутренний и внешний терроризм между собой связаны, поскольку разработчики КНБ подчеркивают, что международный терроризм представляет собой открытую кампанию по дестабилизации ситуации в России.

2. Концепция национальной безопасности 2000 года[351]. Формулировки, взятые из КНБ 1997 года, повторяются в КНБ 2000 года. При этом в качестве дополнения указываются некоторые меры по повышению эффективности борьбы с терроризмом, которые необходимо реализовать в первую очередь:

- на внутреннем уровне руководство страны ставит перед собой задачу развивать систему правоохранительных органов

[350] Указ Президента РФ от 17.12.1997 № 1300 «Об утверждении Концепции национальной безопасности Российской Федерации» // Российская газета. 26.12.1997. № 247.

[351] Указ Президента РФ от 10.01.2000 № 24 «О Концепции национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 10.01.2000. № 2. Ст. 170.

и повышать эффективность их деятельности, особенно в областях, связанных с организованной преступностью и терроризмом;

- на международном уровне в числе основных задач поименованы развитие сотрудничества с иностранными государствами, их компетентными контртеррористическими органами, а также с профильными международными организациями; заимствование наилучшего международного опыта в сфере борьбы с терроризмом; развитие координации в сфере борьбы с терроризмом; перекрытие каналов поступления вооружений к террористам, в т.ч. из-за рубежа. Также указывается, что террористы должны преследоваться в России, даже если совершенные ими теракты произошли не на российской территории;
- на обоих уровнях требуется общегосударственный комплексный подход к борьбе с взаимосвязанными преступлениями, в числе которых в КНБ 2000 года перечисляются терроризм, наркопреступность и контрабанда.

3. Стратегия национальной безопасности 2009 года[352]. В самом начале Стратегии указывается, что Россия уже преодолела острые проблемы, сложившиеся в конце XX века, включая терроризм и сепаратизм, хотя это не отменяет планы России по дальнейшей борьбе с такими явлениями. В частности, указывается, что Россия будет бороться с террористическими организациями, чья деятельность направлена на:

- изменение конституционного строя России насильственным путем;
- дезорганизацию работы органов власти, включая насилие в отношении представителей государства и общества;

---

[352] Указ Президента РФ от 12.05.2009 № 537 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» // Собрание законодательства РФ. 18.05.2009. № 20. Ст. 2444.

- уничтожение объектов промышленности и военного назначения, предприятий и иных объектов, обеспечивающих нормальное функционирование общества;
- устрашение (деморализацию) населения, в т.ч. за счет использования опасных веществ и ядерного или химического оружия.

В документе уделено также особое внимание наиболее актуальным проблемам, связанным с терроризмом, например, риски передачи террористам ОМУ. Государство указано в качестве основного гаранта антитеррористической безопасности.

Следует отметить, что п. 18 СНБ 2009 года отведен сотрудничеству с США. Там, в частности, указывается, что Россия будет выстраивать с ними равноправное и всестороннее стратегическое партнерство на основе совпадающих интересов. Это же касается и вопросов борьбы с международным терроризмом, которые перечислены в качестве приоритетных направлений сотрудничества. Отдельное внимание российско-американскому сотрудничеству уделено постольку, поскольку эти отношения в СНБ признаются одним из решающих факторов для развития международной обстановки в целом.

4. Стратегия национальной безопасности 2015 года[353]. Несмотря на то, что СНБ 2009 года была рассчитана до 2020 года, изменение международной обстановки потребовало от России обновить свои стратегические документы по внешней и внутренней политике.

Вновь в документе затрагиваются наиболее актуальные проблемы, связанные с распространением терроризма, например, использование террористами современных информационно-коммуникационных средств, чтобы вербовать новых сторонников.

---

[353] Указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 04.01.2016. № 1 (II). Ст. 212.

В качестве основной причины распространения международного терроризма разработчики СНБ 2015 года видят нестабильность, конфликты, а также свержение нелегитимных политических режимов в отдельных странах мира. Подобные горячие точки, по мнению составителей СНБ, существуют на Ближнем и Среднем Востоке, в Южной Азии, Африке и на Корейском полуострове. Там, согласно СНБ 2015 года, появляются целые зоны, не контролируемые государствами, которые преобразуются в «горячие точки». Зоны конфликтов также становятся местом распространения терроризма и экстремизма. Нестабильность в отдельных странах создает небезопасность вооружений, которые могут попасть в руки террористов.

Формулировки в отношении партнерства с США в разных областях, включая совместное противодействие терроризму, сохраняются, однако уже можно заметить некие критические замечания в адрес тех государств, которые проводят двойственную политику в отношении террористических организаций. В частности, указывается, что возникновение ИГИЛ является прямым следствием «двойных стандартов» в сфере противодействия терроризму.

В свою очередь, новшеством становится то, что отдельное внимание уделяется теперь ОДКБ. В СНБ 2015 года российское руководство призывает превратить ОДКБ в истинно универсальную международную организацию, которая сможет бороться с любыми вызовами и угрозами в своем регионе, включая терроризм и экстремизм.

5. Стратегия национальной безопасности 2021 года[354]. В документе отмечается, что государственная и общественная безопасность обеспечивается на должном уровне, в т.ч. за счет того, что уровень террористической опасности был значительно снижен. Это, однако, не отменяет сохранение ряда существующих проблем.

---

[354] Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 05.07.2021. № 27 (II). Ст. 5351.

На внутреннем уровне, в первую очередь, разработчики СНБ 2021 года обращают внимание на то, что различные деструктивные силы, действующие как внутри страны, так и из-за рубежа, стремятся использовать имеющиеся в России социально-экономические трудности для дестабилизации общества, усиления конфликтов на межконфессиональном и межэтническом уровнях, информационной войны. Здесь в один ряд встают как зарубежные спецслужбы, так и террористические организации, ведущие свою пропагандистскую работу в России с целью привлечь новых сторонников, особенно среди молодежи, и создать новые ячейки.

Особое внимание в документе уделено такому распространенному способу привлечения террористами своих сторонников, как использование интернет-ресурсов, принадлежащих глобальным интернет-компаниям. На этих ресурсах размещается информация противоправного содержания, а анонимность, гарантируемая в интернете, облегчает процесс совершения преступлений, включая не только запрещенную информационно-пропагандистскую работу, но и получение доходов, полученных преступным путем, в т.ч. для финансирования терроризма, а также создание источников для такого финансирования – например, продажу наркотиков в интернете. Основным реципиентом интернет-активности преступных элементов признается молодежь.

Другая проблема заключается в том, что российскому населению насаждаются чуждые ему ценности и идеалы, не отвечающие культуре и традициям жителей России. Это, в свою очередь, приводит к социальной разобщенности, поляризации, разрушению культурно-национального суверенитета, ослаблению политической стабильности и основ государственности, вреду морально-нравственному здоровью населения, распространению деструктивных форм поведения, включая ксенофобию, экстремизм, радикальный национализм и терроризм, и иным проявлениям саморазложения общества. Здесь, опять же, в один ряд с террористическими

и экстремистскими организациями ставятся зарубежные государства, включая США и их союзников, их ТНК и НКО. Они в равной степени стремятся к тому, чтобы распространять в российском обществе установки и ценности, не соответствующие традиционным убеждениям народов России.

На внешнем уровне в СНБ 2021 года отмечается, что в зонах конфликтов на Ближнем Востоке, в Северной Африке, на Корейском полуострове и в Афганистане наблюдается эскалация напряженности, что, в свою очередь, приводит к распространению здесь терроризма и экстремизма. Существенную проблему для развития международного сотрудничества в сфере борьбы с терроризмом разработчики СНБ видят в том, что сохраняется проблема двойных стандартов в политике участников международного антитеррористического сообщества.

При всем при этом Россия не отказывается от цели противодействия международному терроризму совместными усилиями государств мира и других участников мирового сообщества – напротив, она выделяет эту задачу в качестве одной из приоритетных для укрепления как международной, так и национальной безопасности.

В целом, Россия стремится к тому, чтобы ее подход к борьбе с терроризмом базировался на принципе сбалансированности и совместных действиях с другими участниками международного сообщества, поскольку в Москве понимают, что бороться с угрозами транснационального масштаба можно только посредством объединения усилий разных стран и международных организаций. Как и в большинстве других международных дел, Россия возлагает центральную роль за обеспечение международной антитеррористической безопасности на ООН, а также на институты и нормы международного права[355].

---

[355] Кузьмина В.М., Молодова А.С. Роль России в борьбе с международным терроризмом // Актуальные проблемы международных отношений в условиях формирования мультиполярного мира: сборник научных статей 8-й Международной научно-практической конференции. – Курск: ЮЗГУ, 2019. – С. 187 (С. 187-189).

В свою очередь, Россия считает неприемлемыми односторонние международные акции, реализуемые такими членами мирового сообщества, как США и их союзники. Это обуславливается тем, что подобные односторонние операции часто служат инструментом для достижения участниками антитеррористической борьбы собственных целей, не связанных с требованиями безопасности. Так, Россия была единодушна с США в вопросах необходимости ужесточения антитеррористической борьбы после атак 11 сентября 2001 года, но решительно осудила вторжение в Ирак, которое не было санкционировано ООН и было направлено на достижение интересов США на Ближнем Востоке.

Здесь следует оговориться о том, что по-настоящему серьезное вовлечение России в борьбу именно с международным терроризмом (внутренний терроризм на Северном Кавказе не принимается в расчет) началось одновременно с тем, как эта проблема была признана одной из наиболее серьезных угроз международному миру и безопасности на фоне терактов 11 сентября 2001 года в США. Тогда же и во всем мире начались подготовки к международному противодействию террористической угрозе, а в США была инициирована Война с терроризмом (англ. *War on Terror / Global War on Terrorism*).

Россия поддержала США после атак 11 сентября и стала участницей международной антитеррористической коалиции, однако не могла дальше поддерживать США, когда они вместе со своими союзниками начали Войну в Ираке. Россия продолжила поддерживать идею о том, что ООН играет центральную роль в обеспечении международной безопасности, а в решении конфликтов основу должны составлять нормы международного права. В отличие от США, Россия обратилась к ресурсам ООН для разрешения иракского кризиса и, в частности, благодаря своему участию добилась принятия ряда основополагающих резолюций, благодаря которым был найден

выход из острой фазы иракского кризиса[356]. Ее усилия не позволили также и распасться международной антитеррористической коалиции, поскольку Россия последовательно отстаивала сохранение единства международного сообщества в сфере борьбы с терроризмом.

Россия подчеркивала, что односторонние акции являются ошибочными и наносят только вред международной деятельности по противодействию терроризму. Противодействие терроризму, по мнению российской стороны, не может выступать предлогом для того, чтобы государства достигали своих геополитических целей, укрепляли свой вес в международных отношениях и принудительно реформировали суверенные и независимые государства. Антитеррористические мероприятия не могут служить оправданием и для нарушения норм международного права – напротив, строгое следование им является залогом успешного противодействия терроризму[357]. В частности, именно через механизм ООН была реализована «цивилизованная» процедура по началу антитеррористической операции в Афганистане (Международные силы содействия безопасности (ISAF), действующие на основе Резолюции СБ ООН 1386 от 2001 года[358]).

Сама Россия к моменту начала деятельности ISAF уже оказывала поддержку афганскому народу в его борьбе за освобождение от террористической власти «Талибана». При этом уже тогда Россия отстаивала то, что борьба с терроризмом представляет собой не разовую

---

[356] Резолюция Совета Безопасности ООН 1483 (2003) от 22.05.2003 «О снятии экономических санкций, установленных в отношении Ирака на основе Резолюции 661 (1990)» // Нью-Йорк: ООН, 22.05.2003. 7 с.; Резолюция Совета Безопасности ООН 1511 (2003) от 16.10.2003 «О разрешении многонациональным силам под единым командованием принимать все необходимые меры для содействия поддержанию безопасности и стабильности в Ираке» // Нью-Йорк: ООН, 16.10.2003. 4 с.; Резолюция Совета Безопасности ООН от 08.06.2004 «О формировании суверенного Временного правительства Ирака» // Нью-Йорк: ООН, 08.06.2004. 11 с.

[357] Российская Федерация в борьбе с международным терроризмом // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 06.08.2004. URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/1675287/ (дата обращения: 16.09.2025)

[358] Резолюция Совета Безопасности ООН 1386 (2001) от 20.12.2001 «О санкционировании создания Международных сил содействия безопасности в Афганистане» // Нью-Йорк: ООН, 20.12.2001. 3 с.

акцию, а долговременный процесс, где потребуется использовать не только военные методы и где необходимо будет использовать комплексные инструменты (в контексте Афганистана, например, – уничтожить не только террористов, но и наркобизнес, который является источником финансирования терроризма).

Что касается иракской проблемы, то в России обратили внимание на то, что сложившееся в отношении противодействия терроризму глобальное единство стало ослабевать после односторонних действий США и их союзников. Россия заявила о том, что политика борьбы с терроризмом не может строиться на двойных стандартах, где террористов подразделяют на «хороших и плохих»[359]. Через ООН она сумела добиться квалификации любых актов международного терроризма в качестве угрозы международному миру и безопасности, в связи с чем предполагается, что с любой террористической угрозой можно бороться всеми доступными средствами.

Впоследствии Россия продолжила относиться отрицательно к односторонним антитеррористическим операциям. Так, критические замечания были высказаны в отношении действий западных сил по свержению режима М. Каддафи в Ливии, поддержке повстанческих формирований в Сирии, выступающих против законной власти Б. Асада, и других событий.

На уровне ООН Россия внесла значимый вклад в осуществление международной борьбы с терроризмом. В частности, будучи постоянным членом СБ ООН, Россия поддержала или даже инициировала многие важные резолютивные документы, на основе которых стали функционировать международные механизмы борьбы с терроризмом. Так, Россия поддержала упомянутую выше Резолюцию 1535 (2004), в которой были обозначены меры по реформированию работы КТК ООН (в частности, создан Исполнительный

[359] Международный терроризм: позиция России // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 15.02.2002. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/1658959/ (дата обращения: 16.09.2025)

директорат) с целью наращивания эффективности его работы и углубления международного сотрудничества в сфере борьбы с терроризмом на этой платформе. В качестве результата КТК укрепился как центр международной координации борьбы с терроризмом. В настоящее время продолжается работа России по обеспечению взаимодействия между КТК и институтами антитеррористической безопасности на евразийском пространстве, такими как СНГ, ОДКБ и ШОС.

Также Россия оказала поддержку Резолюции 1540 (2004)[360], касающейся нераспространения ОМУ. Этой резолюцией создавались механизмы недопущения того, чтобы подобным оружием завладели негосударственные участники международных отношений, в т.ч. террористические организации. Одним из таких механизмов стал Комитет 1540.

Помимо резолютивных документов, Россия является участницей всех глобальных конвенций по борьбе с терроризмом, принятых под эгидой ООН.

Россия также поддержала и инициировала множество других значимых международных решений и инициатив в сфере борьбы с терроризмом. В частности, совместно с другими государствами – членами ШОС она стала одним из инициаторов Глобальной стратегии по противодействию новым вызовам и угрозам[361], получившей широкую поддержку со стороны мирового сообщества. Предлагаемый механизм антитеррористической борьбы в рамках данной стратегии лег в основу создания платформы высокого уровня, называемой «Группой мудрецов» (Группа высокого уровня по угрозам, вызовам и переменам), – специальной площадки, на которой происходит

[360] Резолюция Совета Безопасности ООН 1540 (2004) от 28.04.2004 «О нераспространении ядерного, химического и биологического оружия» // Нью-Йорк: ООН, 28.04.2004. 4 с.

[361] Декларация глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества (06.10.2003). URL: https://www.fmprc.gov.cn/rus/zl/ce_ceml_chn/hcf/200306/t20030610_878908.html (дата обращения: 19.05.2025)

выработка рекомендаций по борьбе с проблемами и угрозами общечеловеческого характера[362].

Россия была в числе стран, которые предлагали принять на универсальном уровне два всеобъемлющих документа – Глобальную конвенцию по международному терроризму[363] и Конвенцию против ядерного терроризма[364]. Вторая конвенция была принята в 2005 году, в то время как первая осталась на стадии обсуждения. Во многом препятствует ее выработке тот факт, что государства не могут договориться о единообразном определении терроризма, особенно в вопросах, связанных с разграничением терроризма и национально-освободительной борьбы / борьбы за самоопределение, у которых могут быть часто сходные мотивы (государства сознательно блокируют такие движения, чтобы не допустить сепаратистских тенденций на своей территории). Споры по определению терроризма являются не единственным препятствием на пути всеобъемлющего антитеррористического документа: также отсутствует согласие по действию данного документа в отношении вооруженных сил и спецслужб потенциальных подписантов, правомерности обладания ядерным оружием и другим вопросам[365].

Существенное значение для России играет и борьба с финансированием терроризма. Россия разработала свое законодательство по противодействию финансированию терроризма[366], основываясь на лучших международных

---

[362] Макушев Д.Н. Терроризм в условиях глобализации // Государство и право. 2011. № 3. С. 25.

[363] Проект Всеобъемлющей конвенции по международному терроризму [Рабочий документ] // Организация Объединенных Наций и борьба с международным терроризмом: сборник документов. – М.: Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, 2006. – С. 174-189.

[364] Международная конвенция о борьбе с актами ядерного терроризма (Принята резолюцией 59/290 Генеральной Ассамблеи от 13.04.2005) // Бюллетень международных договоров. 2008. № 12.

[365] Руднев В.И. Политическая, социально-экономическая несправедливость в мире и международный терроризм // Общественные науки и современность. 2010. № 3. С. 19.

[366] Федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» // Собрание законодательства РФ. 13.08.2001. № 33 (I). Ст. 3418.

стандартах, включая 40+9 Рекомендаций Группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (ФАТФ) (40 из них посвящены борьбе с отмыванием денег[367], а 9 дополнительных были приняты позднее, когда была четко определена связь между распространением терроризма и его финансированием доходами от преступной деятельности[368]). В ФАТФ всегда достаточно высоко оценивали существующую в России систему по борьбе с отмыванием денег и финансированием терроризма. Большой вклад развитие механизмов антиотмывочного регулирования внесло и в обеспечение безопасности на постсоветском пространстве. Тем не менее в настоящее время представленность России в сфере международной борьбы с финансированием терроризма снизилась: так, с февраля 2023 года по политическим мотивам, связанным со спецоперацией на Украине, членство России в ФАТФ приостановлено[369].

Так или иначе, Россия сохраняет достаточно высокую степень вовлечения в процессы международной антитеррористической борьбы. Сильно способствует этому развитость ее внутренней системы механизмов, направленных на противодействие терроризму. Центральное место занимает Национальный антитеррористический комитет (НАК), образованный в 2006 году[370]. В функции НАК входят выработка предложений в отношении наращивания эффективности антитеррористической борьбы в Российской Федерации, развития международного сотрудничества в рассматриваемой области, а также координация функционирования различных органов,

---

[367] Сорок рекомендаций FATF от 20.06.2003 // Международно-правовые основы борьбы с коррупцией и отмыванием преступных доходов: сборник документов. – М.: ИНФРА-М, 2004.

[368] Специальные Рекомендации по предотвращению финансирования терроризма от 22.10.2004 // Группа разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег, 2004. 4 с.

[369] Белышева Е. Членство России в мировой антиотмывочной организации приостановлено: что это значит // Forbes. 07.03.2023. URL: https://www.forbes.ru/finansy/485731-clenstvo-rossii-v-mirovoj-antiotmyvocnoj-organizacii-priostanovleno-cto-eto-znacit (дата обращения: 19.05.2025)

[370] Указ Президента РФ от 15.02.2006 № 116 «О мерах по противодействию терроризму» // Собрание законодательства РФ. 20.02.2006. № 8. Ст. 897.

ответственных за обеспечение правопорядка и безопасности в России. Помимо этого, НАК собирает данные, касающиеся террористических угроз и связанных с ними аспектов (например, финансирования будущих терактов). С точки зрения международного терроризма крайне важным является то, что НАК изучает международные террористические сети и местонахождение их ячеек, чтобы бороться с транснациональными угрозами терроризма. На международном уровне НАК работает совместно с МИД РФ, на котором лежит задача по реализации антитеррористической внешнеполитической линии и обеспечение взаимодействия на двустороннем и многостороннем уровнях, в т.ч. с институтами международной безопасности, такими как ООН, ОБСЕ, ОДКБ, СНГ, ШОС, АТЭС, АСЕАН и т.д. В основе работы НАК лежит лучший международный опыт противодействия терроризму. Существенную роль играют и наработанные уже в самой России методы и способы борьбы с терроризмом.

Противодействие терроризму для обеспечения национальной безопасности неотделимо в нынешних условиях от борьбы с терроризмом на международном уровне. Россия, как одно из авангардных государств в сфере антитеррористической борьбы, за время своего существования продемонстрировала ряд эпизодов участия в прямом противодействии терроризму за пределами своей страны, одним из наиболее ярких среди которых стала ее кампания в Сирии.

Военная операция России в Сирии началась в конце сентября 2015 года, причем на тот момент Россия была единственным государством среди всех стран, участвующих в разрешении сирийского кризиса, которое было официально приглашено законно избранной властью Б. Асада[371]. Это стало

[371] Соглашение между Российской Федерацией и Сирийской Арабской Республикой о размещении авиационной группы Вооруженных Сил Российской Федерации на территории Сирийской Арабской Республики (Заключено в г. Дамаске 26.08.2015) // Бюллетень международных договоров. 2017. № 2. С. 61-65.

одной из причин того, что уже в первые месяцы своего военного присутствия России удалось добиться бóльших успехов, чем коалиции во главе с США[372].

В частности, за короткий период времени были устранены некоторые основные источники финансирования ИГИЛ (который появился, пока различные силы в Сирии боролись друг с другом), включая контрабанду сирийских энергоресурсов, которую Исламское государство использовало для финансирования своей активности. Ликвидация доступа к данному источнику средств произошла за счет того, что Россия направила свои усилия на то, чтобы устранить террористов, располагающихся возле основных нефтегазовых месторождений. В то же время, действия российских военнослужащих позволили официальному сирийскому правительству вновь запустить свою нефтегазовую промышленность, что стало приносить ей доходы, позволяющие укреплять ее военную мощь для успешного преодоления Гражданской войны.

В целом, Россия сразу же оказалась на переднем крае борьбы с терроризмом в Сирии. Привлечение российских ВКС к участию в сирийской кампании позволило ускорить уничтожение сил ИГИЛ и «Джебхат-ан-Нусры» на территории САР. Российскими военнослужащими были уничтожены многие главари преступных сообществ в Сирии, что создало ситуацию, при которой террористы больше не могли свободно вести свою деятельность в этой стране. Участие России в подготовке Сирийской арабской армии и полиции позволили укрепить боеспособность сил официального правительства[373]. Благодаря России удалось в целом переломить ход конфликта с учетом того, что на момент обращения правительства Б. Асада к Москве за помощью его силы были близки

---

[372] Хамин О.Л. Как противостоит Россия международному терроризму? // Мировая политика. 2015. № 12. С. 8-9.; Walsh J. Modern International Terrorism – Response // Global Terrorism and International Crime: Proceedings of the 4th World Anti-Criminal and Anti-Terrorist Forum. – Herzliya: International Institute for Counter-Terrorism, 2015. – P. 39.

[373] Кафтан В.В. Вооруженные силы Российской Федерации на передовых рубежах борьбы с международным терроризмом // Армейский сборник. 04.01.2021. № 4.

к истощению, а повстанческие формирования не просто контролировали значительную часть сирийской территории, но и занимали зоны, имеющие большое значение в экономическом плане.

Россией был применен спектр различных средств для отражения террористической угрозы в Сирии, к которым были отнесены не только военные, но и невоенные средства, направленные на устранение корня самой террористической проблемы. Последние включали в себя ряд дипломатических усилий, наиболее ярким среди которых стал Астанинский процесс. Это была уникальная платформа, где Россия продемонстрировала все правила эффективного международного посредничества:

- это был первый случай за всю Гражданскую войну, когда за столом переговоров оказались и представители официальной сирийской власти, и противодействующие ей оппозиционные и мятежные силы;
- Россия не стала действовать в качестве единственного посредника, а согласилась участвовать в составе группы посредников, среди которых были и США несмотря на то, что Москва и Вашингтон заняли в Гражданской войне в Сирии разные стороны;
- еще одним посредником стала ООН, что подчеркнуло позицию России по привлечению данной организации к разрешению международных конфликтов в качестве основного гаранта международного мира и безопасности.

Несмотря на то, что Астанинский процесс не привел к результатам из-за того, что между сирийской властью и оппозицией не удалось достичь компромисса, сформировалась в дальнейшем Астанинская тройка в лице России, Ирана и Турции. Важной в работе данного формата осталась приверженность всех трех стран исключительно мирному разрешению сирийского конфликта на основе дипломатических средств и межсирийского диалога из-за согласия в том, что конфликт не может быть решен военным

путем; территориальной целостности и суверенитету Сирии; следованию нормам международного права (в частности, Резолюции 2254 СБ ООН[374]).

В целом, в отличие от западных стран, Россия достаточно комплексно подошла к разрешению проблемы сирийского терроризма, используя не только силовые методы борьбы с ним. Помимо всех перечисленных выше дипломатических усилий, Россия также оказывала значительную помощь местному населению, поскольку социальные проблемы, такие как бедность, война, отсутствие условий к достойной жизни часто становятся причиной склонности населения к радикальным идеям. Это, однако, не помешало Москве использовать с наибольшей эффективностью и средства военного воздействия, включая комбинированное задействование сил разного типа (военно-воздушных и морских), способность ведения не только классических, но и гибридных войн и иных войн нового типа, где существует необходимость действовать в нестандартных условиях, бороться с асимметричным врагом, превышающим по численности собственные силы, и т.д. Накопленный за время участия в сирийской кампании опыт стал подспорьем для укрепления собственной обороноспособности и безопасности России.

Разрешение террористической проблемы в Сирии было крайне важной задачей для мирового сообщества, поскольку терроризм с сирийской территории был быстро экспортирован в другие страны. Подтверждением тому послужило возникновение новых ячеек ИГИЛ в Алжире, Афганистане, Ливии и других странах Ближнего и Среднего Востока и Северной Африки, а также совершение представителями данной организации и союзных с ней формирований терактов даже далеко за пределами региона нестабильности – например, теракты в Париже, Калифорнии и других населенных пунктах. Для России решение проблемы сирийского терроризма было важно и для собственной национальной безопасности, поскольку распространение

[374] Резолюция Совета Безопасности ООН 2254 (2015) от 18.12.2015 «О ситуации в Сирийской Арабской Республике» // Нью-Йорк: ООН, 18.12.2015. 4 с.

террористических идей из зоны сирийского гражданского конфликта стало приводить к рискам радикализации населения Кавказа и Центральной Азии. Например, на Кавказе стали выстраиваться связи между сирийскими боевиками и террористической группировкой «Имамат Кавказ». Существенно способствовал выстраиванию отношений между русскоязычными боевиками и сирийскими повстанцами тот факт, что из-за привлечения большого количества выходцев с постсоветского пространства в ряды сирийских ополченцев русский язык был третьим по распространенности среди сирийских боевиков[375]. Вероятность репатриации этих боевиков для дальнейшего продолжения своей деятельности уже на территории постсоветского пространства, но с накопленным боевым опытом только усугубляла данную проблему.

Занятое Россией положение в рассматриваемом конфликте было обусловлено ее все сильнее звучащей позицией о том, что она не готова мириться с попытками западных стран установить однополярный мировой порядок. Попытки свержения законно избранного президента Б. Асада были как раз-таки проявлением подобной политики, поскольку во главе Сирии встали бы «угодные» западным политическим структурам силы, а сама Сирия лишилась бы самостоятельности в осуществлении своей политики.

Россия же по сирийской проблематике всегда требовала придерживаться норм международного права. Россия выступала против того, чтобы другие государства вступали в сирийский конфликт, требуя его разрешения на основе межсирийского диалога, что и было обозначено в Женевском коммюнике 2012 года[376]. Сама Россия направила свои силы для урегулирования сирийского кризиса военным путем только по приглашению официальной власти в лице Б. Асада. Помимо этого, Россия требовала, чтобы обвинения

---

[375] Уранян А.А. Роль России в международном сотрудничестве по борьбе с терроризмом // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2016. С. 45.

[376] Заключительное коммюнике «Группы действий» по Сирии (Женева, 30.06.2012). URL: https://bit.ly/3CU9Uuv (дата обращения: 19.02.2025)

в адрес сирийского президента тщательно проверялись: например, когда Б. Асад был обвинен в 2013 году в использовании химического оружия, Россия настаивала на том, что данный инцидент должен быть тщательно расследован. Именно под влиянием России в Сирии впоследствии было запрещено химическое оружие, а сама страна подписала Конвенцию о запрещении химического оружия[377].

Несмотря на использование силового подхода к урегулированию сирийского кризиса, Россия всегда уделяла повышенное внимание и платформам для мирного диалога, включая инструменты ООН, Международной контактной группы и т.д. Дипломатические усилия России в Сирии позволили добиться широкого ряда позитивных договоренностей для ослабления напряженности в рассматриваемом регионе. При этом Москва всегда делала акцент на том, чтобы все договоренности принимались самими сирийцами в их внутреннем диалоге, поскольку именно это является залогом того, что они будут соблюдаться. Это сильно отличалось от политики западной коалиции, которая заняла сторону оппозиции и не стремилась разрешить корень сирийской проблемы – конфликт между официальной властью и мятежными силами. Напротив, для России важнейшая задача заключалась в том, чтобы обеспечить диалог между оппозиционерами и сирийским правительством. В целом, российское присутствие в Сирии всегда было комплексным и включало в себя, помимо силовых мер, меры дипломатического, экономического, информационного и иного характера.

Присутствие западных сил в Сирии, в отличие от России, привело к широкому ряду негативных последствий. Затянувшаяся война стала причиной того, что кризис стал охватывать весь ближневосточный регион. Террористические формирования сумели занять значительные территории не только Сирии, но и близлежащих стран – в частности, Ирака. В условиях

---

[377] Конвенция о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и о его уничтожении (Заключена в г. Париже 13.01.1993) // Бюллетень международных договоров. 1998. № 4.

сохраняющейся нестабильности и беззакония они сумели сформировать разветвленную сеть ячеек, имеющих большую поддержку как со стороны транснациональной организованной преступности, так и со стороны политических и экономических субъектов из разных стран мира.

Предпосылки подобной ситуации стали складываться еще на ранних периодах «арабской весны», где раскручиванию нестабильности нередко способствовал Вашингтон. Именно в этот период на Ближнем Востоке стали активно распространяться террористические формирования. Масштаб проблемы достиг такого уровня, что уничтожение одной ячейки не приводило к искоренению угрозы, поскольку на ее месте появлялись новые группировки. Что касается ИГИЛ, то он со временем сумел преобразоваться в своеобразное квазигосударство, обладающее значительной огневой мощью и экономической самостоятельностью. Медленная реакция на эту организацию со стороны мирового сообщества и стала причиной такого укрепления этой террористической организации[378].

Во всем этом можно наблюдать долговременную и весьма острую проблему того, что США в международных отношениях опираются на стремления к гегемонизму и глобальному доминированию, что, в частности, проявилось и в их политике по Сирии. Для США было бы выгоднее иметь ослабленный регион, поскольку таким регионом проще управлять. Подобная политика является не новой для американского руководства, поскольку США известны своими операциями, не формально, но фактически направленными на дестабилизацию и хаотизацию положения в различных странах мира с целью установления контроля над ними и устранения в них антиамерикански настроенных властей. Россия же, напротив, является сторонницей многополярного мирового порядка, основанного на справедливом распределении власти в мире между

[378] Багаева З.А. Россия в борьбе с международным терроризмом на Ближнем Востоке // Пятигорский государственный университет. 2017. С. 13-15.

равноправными и самостоятельными государствами[379]. Это и привело к тому, что в сирийском кризисе Россия вела борьбу не только с терроризмом, но и с однополярными амбициями США и их союзников.

На 2020 год Россия констатировала, что основной очаг нестабильности в Сирии был ликвидирован. Уровень насилия в стране сократился, началось восстановление мирной жизни, стали возвращаться беженцы, развивался инклюзивный мирный процесс под эгидой ООН, радикально настроенные элементы утратили бóльшую часть своей мощи[380].

Это, однако, не означало, что нестабильность, включающая в себя террористическую проблему, была устранена полностью. Многие террористические формирования сохранились. Хотя они были ослаблены, существовали риски их возрождения. Подобные организации и по сей день являются источником нестабильности как на Ближнем Востоке и в Северной Африке, так и в ближнем зарубежье России – например, на севере Афганистана или в Нагорном Карабахе. Особую опасность боевики этих организаций создают в ходе своего участия в прокси-войнах – вооруженных конфликтах, где третьи силы задействуются непосредственными участниками конфликта для ведения боевых действий. В этой связи для России угроза со стороны зарубежных террористических формирований осталась существенной.

Гражданская война в Сирии тоже остается незавершенной к настоящему моменту. Попытки мирного урегулирования не помешали свержению власти Б. Асада в декабре 2024 года, в результате которого к власти в стране пришли представители террористической организации «Хайят Тахрир аш-Шам» (отделилась от «Джебхат ан-Нусра»), которая

---

[379] Власов Г.П. Глобализация и международный терроризм // Тезисы доклада на Московском политическом форуме «Глобализация и преступность в XXI веке». – М.: Наука, 2016. – С. 10.

[380] Путин заявил, что очаг международного терроризма в Сирии фактически ликвидирован // ГалаТВ. 09.11.2020. URL: https://galatv.am/ru/2901372/ (дата обращения: 19.05.2025)

воевала на стороне сирийской оппозиции. В настоящее время Россия несколько изменила подход к дальнейшему выстраиванию отношений с САР: сейчас основными средствами ее политики по сирийскому направлению выступают дипломатические меры, хотя российская военная база «Хмеймим» сохранилась в Сирии. Несмотря на то, что Б. Асад получил убежище в России, Москва заявляет, что будет продолжать развивать отношения с САР на основе дружбы и партнерства, невзирая на политические проблемы, поскольку ее основная задача заключается в том, чтобы «помочь сирийскому народу, переживающему тяжелые последствия многолетнего внутреннего конфликта[381]». Россия остается приверженицей территориальной целостности и суверенной независимости САР. При этом, как и в прошлом, Москва рассматривает возможность нормализации положения в Сирии только на основе диалога всех ведущих политических и этноконфессиональных групп, чему она готова способствовать[382]. Выбранный Россией курс ориентирован на достижение мира в регионе нестабильности, что очень важно для того, чтобы террористическая угроза не распространялась в нем и не перетекала на другие страны. В свою очередь, новые власти Сирии уже заявили о том, что отношения с Россией значительно улучшились за последнее время[383].

Арабо-мусульманский мир, в целом, остался местом распространения террористических организаций, проповедующих радикальный исламизм. Все это говорит о том, что для России борьба с терроризмом в БВСА и Центральной Азии остается крайне важной задачей. При этом важно

---

[381] Калашян А. «Руководствуемся искренним стремлением помочь сирийскому народу» // Известия. 11.02.2025. URL: https://iz.ru/1837032/albert-kalasan/rukovodstvuemsa-iskrennim-stremleniem-pomoc-siriiskomu-narodu (дата обращения: 24.02.2025)

[382] Полякова В. Путин и новый президент Сирии провели телефонный разговор // РБК. 12.12.2025. URL: https://www.rbc.ru/politics/12/02/2025/67aca92b9a794727ff56dbe2 (дата обращения: 24.02.2025)

[383] Вазир Ат-Дифаа Ас-Сури: мунфатихун аля истимрар аль-вуджуд аль-аскари руси фи аль-биляд [Министр обороны Сирии: мы открыты для продолжения российского военного присутствия в стране] // Sarmad. 07.02.2025. URL: https://sarmad.com/261562/ (дата обращения: 24.02.2025)

преодоление имеющейся здесь нестабильности и установление мира между государствами и силами, конфликтующими друг с другом, поскольку именно благодаря этому можно устранить сами предпосылки расползания террористической угрозы. Особенно важно продвигать российский подход по взаимодействию с умеренными общественными движениями, которые отстаивают здесь свои интересы. Также важной задачей остается дальнейшее сдерживание экспансионизма западных стран, которые используют различные средства для установления своего контроля[384].

Действительно, западные страны нередко обвинялись в том, что они используют ресурс боевиков для того, чтобы продвигать свои интересы посредством дестабилизации ситуации в других регионах мира. Это, в целом, является весьма распространенным методом экспансионизма, особенно в условиях локального или регионального конфликта[385]. Одним из последних эпизодов стали заявления российского руководства о том, что с помощью США из боевиков ИГИЛ создается Армия свободной Сирии для дальнейшего обострения гражданского противостояния в стране[386].

В зонах распространения радикального исламизма, в целом, продолжает наблюдаться высокий уровень общественного недовольства ситуацией, которая складывается в экономических, социально-экономических, политических, культурных и прочих процессах. Это создает благоприятную почву для распространения среди недовольных радикальных идей. Для того, чтобы воспрепятствовать этому, Россия, наоборот, отстаивает проведение необходимых реформ и преобразований в находящихся в кризисе странах арабо-мусульманского мира, чтобы они вновь обрели реальный контроль над

---

[384] Pandey S. International Terrorism and the Contemporary World. – Sarup & Sons, 2015. – P. 35.

[385] Hardt M., Negri A. Empire. – Harvard University Press, 2001. – 478 p.

[386] Нарышкин обвинил США в подготовке террористов в Сирии // Международная жизнь. 20.03.2023. URL: https://interaffairs.ru/news/show/39478 (дата обращения: 31.05.2025); Лавров обвинил США в создании «Армии свободной Сирии» с привлечением боевиков ИГ // Международная жизнь. 10.05.2023. URL: https://interaffairs.ru/news/show/40291 (дата обращения: 31.05.2025)

своей территорией и населением и обеспечили себе социальную, политическую и прочую стабильность. Сильные государства в данном регионе, опять же, являются залогом не только нераспространения терроризма, но и сдерживания экспансионистских стремлений западных стран[387].

Для дальнейшего укрепления позиций России в сфере противодействия международному терроризму можно предложить следующие рекомендации:

- необходимо развивать превентивные подходы к противодействию терроризму. Именно предупреждение террористической преступности, а не реагирование на нее является важнейшей задачей охраны порядка и законности, поскольку легче не допустить проблему, чем устранять ее последствия. Для этого следует развивать механизмы превентивного подхода: заблаговременную подготовку соответствующих сил; упреждающие удары по террористическим формированиям; профилактику распространения терроризма среди населения за счет информационно-просветительской деятельности и т.д.;
- силовые средства являются обязательным компонентом борьбы с терроризмом, однако их недостаточно для полного искоренения данной угрозы. России следует и дальше развивать свой комплексный подход, сочетающий в себе не только силовое, но и иное (финансовое, социальное, политическое, информационное и т.д.) воздействие, направленное на устранение самого корня террористической угрозы[388].

---

[387] Сарычев В.А. Терроризм и организованная преступность. – М.: Юнити-Дана, 2015. – С. 75.

[388] Начальник российского Генштаба выступил с докладом на V Московской конференции по международной безопасности // Министерство обороны Российской Федерации. 27.04.2016. URL:

Уже имеющийся значительный вклад России в противодействие международному терроризму не отменяет того, что эта проблема сохраняется и даже усиливается. Террористы стали ориентироваться на повышение материального и человеческого вреда, который они могут нанести. Высокая рассредоточенность террористических сетей усложняет процесс их уничтожения, а их связи с субъектами международной организованной преступности обеспечивает им более твердую материально-техническую базу. Продолжаются попытки террористов получить доступ к ОМУ. В деятельности террористических формирований используются новейшие технологии, включая передовые информационно-коммуникационные ресурсы. Уровень адаптации и реакции террористических организаций на смену настроений на территориях-целях возрастает. Согласно Минобороны РФ, в мире сегодня имеется около 160 зон напряженности, где около половины наблюдается распространение терроризма и экстремизма[389]. Все это говорит о том, что, несмотря на успехи России в борьбе с терроризмом, требуется продолжать эту деятельность, поскольку угроза терроризма остается существенной.

В завершение настоящего параграфа можно заключить, что сложно переоценить роль России в международном сотрудничестве по борьбе с терроризмом. Россия обладает значительным опытом антитеррористической борьбы – как на своей территории, так и за рубежом. Она принимает активное участие в международных мероприятиях, нацеленных на ликвидацию терроризма в мире, и часто выступает сама инициатором различных действий и решений. При этом она действует исходя из того, что гарантом международной безопасности выступает ООН, а основой для любых мероприятий должно служить международное право. Она не приемлет односторонних действий государств, стремящихся через

---

https://z.mil.ru/spec_mil_oper/news/more.htm?id=12084033@egNews (дата обращения: 19.05.2025)

[389] Международное сотрудничество // Национальный антитеррористический комитет. URL: http://nac.gov.ru/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo.html (дата обращения: 19.05.2025)

антитеррористическую борьбу достичь своих национальных интересов. Это обеспечивает ей наиболее сбалансированный подход к решению проблемы международного терроризма, а также делает ее незаменимым участником процесса антитеррористической борьбы в мире.

Сирийский сценарий продемонстрировал, что Россия ориентируется не столько на силовые методы борьбы с терроризмом, сколько на комплексные меры противодействия ему. Сюда входят как разнообразные методы по выявлению и пресечению террористических преступлений и минимизации и ликвидации их последствий, так и по профилактике такой формы преступности[390]. Такой подход к борьбе с терроризмом нельзя не признать наиболее эффективным.

Таким образом, на протяжении всей своей истории существования Российская Федерация сталкивается с проблемой терроризма, причем он зачастую осложнен иностранным компонентом. Если говорить о раннем периоде существования России, то речь идет о терроризме на Северном Кавказе, который развился во многом под влиянием международных террористических сетей. В настоящее время основная террористическая угроза исходит от украинских националистических формирований, которые поддерживает текущая украинская власть.

Особо остро стоящая проблема международного терроризма предопределила глубокую вовлеченность России в борьбу с данным феноменом. Отличительной чертой России выступает то, что она, как и во многих других отношениях, придерживается того, что ООН и нормы международного права, а не односторонние действия государств, руководствующихся своими национальными интересами, должны лежать в основе антитеррористической борьбы. Для усиления потенциала международного противодействия терроризму Россия стремится

---

[390] Противодействие терроризму // Росмолодёжь. URL: https://rscenter.ru/counter-terrorism/ (дата обращения: 16.09.2025)

способствовать развитию сотрудничества в рассматриваемой области между ООН и организациями на евразийском пространстве.

3.3. Подходы Индии к противодействию международному терроризму

Несмотря на распространившееся среди российской общественности представление о евразийстве как о механизмах сотрудничества стран постсоветского пространства, оно выходит далеко за пределы этого региона и охватывает весь континент в рамках концепции «Большой Евразии». В настоящее время в политике России, ориентированной на Восток и – более широко – на развивающиеся страны, относящиеся к макрорегиону Глобального Юга, «Большая Евразия» приобретает все большее значение, о чем, в частности, говорит присоединение Индии и Пакистана (9 июня 2017 года), а также Ирана (4 июля 2023 года) к ШОС. В этой связи приобретает интерес изучение возможностей развития сотрудничества в сфере безопасности с отдаленными странами, включая одну из крупнейших и наиболее влиятельных в мире региональных держав – Индию.

В Индии нормативно-правовую базу противодействия терроризму составляет широкий круг документов. Закон о предотвращении незаконной деятельности[391] является основным антитеррористическим законом страны. Закон о Национальном агентстве расследований (NIA)[392] регулирует деятельность центрального ведомства по борьбе с терроризмом. Уголовная ответственность устанавливается в Уголовном кодексе Индии[393], новая версия которого была принята в 2023 году впервые с 1860 года (новый УК вступил в силу 1 июля 2024 года). Некоторые нормы, касающиеся противодействия

---

[391] Unlawful Activities (Prevention) Act, 1967. URL: https://www.indiacode.nic.in/handle/123456789/1470 (дата обращения: 18.01.2026)

[392] National Investigation Agency Act, 2008. URL: https://www.indiacode.nic.in/handle/123456789/2054 (дата обращения: 18.01.2026)

[393] Bharatiya Nyaya Sanhita, 2023. URL: https://www.indiacode.nic.in/handle/123456789/20062 (дата обращения: 18.01.2026).

терроризму (например, право властей штатов превентивно задерживать лиц до 12 месяцев без официального обвинения, если есть подозрения, что их действия угрожают государству или общественному порядку), устанавливаются также в Законе о национальной безопасности[394]. Борьба с финансированием терроризма регулируется Законом о предотвращении отмывания денег[395]. Различные нормы, касающиеся противодействия терроризму, также установлены на уровне регионального законодательства (законодательства штатов).

Одно из наиболее явных сходств между Россией и Индией в сфере противодействия терроризму заключается в том, что и Индия с момента провозглашения своей независимости в 1947 году является объектом террористических атак, особенно на северо-востоке страны, где находятся спорные территории Джамму и Кашмир с преобладающим мусульманским населением. Со временем терроризм распространился по всей территории Индии, проявляясь не только на северо-востоке, но и в крупнейших индийских городах – Нью-Дели, Бангалоре, Хайдабараде и т.д. Расширение географии террористических угроз приводит к усложнению борьбы с данным феноменом. Кроме того, Индии приходится бороться и с негативным внешним влиянием со стороны настроенных радикально иностранных террористических организаций. Для Индии противодействие исламистскому терроризму является одной из важнейших задач, от которых зависят ее национальная безопасность и территориальная целостность.

Существенная угроза для Индии исходит со стороны Пакистана, который, обладая территориальными претензиями к Индии, на протяжении всей истории независимого существования двух этих стран находится преимущественно во враждебных отношениях с Индией и по этой причине

---

[394] National Security Act, 1980. URL: https://www.indiacode.nic.in/handle/123456789/1758 (дата обращения: 18.01.2026)

[395] Prevention of Money-Laundering Act, 2002. URL: https://indiacode.nic.in/handle/123456789/2036 (дата обращения: 18.01.2026)

оказывает поддержку некоторым радикально настроенным формированиям, находящимся в соседней стране. Благодаря пакистанской поддержке исламисты в Индии значительно усилили свои позиции.

Проблема терроризма в Индии является существенной угрозой и для международной безопасности, поскольку создаются условия для трансформации Индии в плацдарм для распространения террористической деятельности по другим странам. Иными словами, есть риск преобразования Индии в страну – экспортера терроризма, какими стали Афганистан, Сирия и некоторые другие, дестабилизированные государства. Есть вероятность образования преступных связей между организациями, действующими на территории Индии («Лашкаре-Тайба», «Джаиш-е-Мухаммад», «Индийский муджахедин» и т.д.) и международными террористическими сетями «Аль-Каиды», ИГИЛа и т.д. Развитие информационно-коммуникационных средств существенно упрощает процесс распространения экстремистской идеологии среди индийского населения для вербовки новых сторонников[396].

Существенным препятствием на пути укрепления внутреннего контртеррористического потенциала Индии выступает то, что разные стоящие у власти в стране силы так и не сумели разработать единообразный, последовательный и ориентированный на долгосрочное применение курс борьбы с терроризмом. Как результат этого, усилия по противодействию терроризму в Индии оцениваются недостаточно высоко как в индийском сообществе[397], так и за рубежом[398].

Тем не менее в Индии все же есть механизм антитеррористического сопротивления, который основывается на следующих основных компонентах:

- разведка;

---

[396] Haqqani H. Prophecy and the Jihad in the Indian Subcontinent // Current Trends in Islamist Ideology. 2015. № 18. P. 5-17.

[397] *См., напр.:* A Case for Intelligence Reforms in India, IDSA Task Force Report. – New Delhi: Institute for Defence Studies and Analyses, 2012. – P. 22.

[398] *См., напр.:* Каура В. Индийская политика борьбы против джихадистского террора: вызовы и перспективы // Connections QJ. 2017. Т. 16. № 4. С. 59 (С. 57-76).

- физическая безопасность;
- координация работы компетентных в области противодействия терроризму органов, учреждений и ведомств;
- антикризисное управление.

Разведывательные мероприятия являются одним из важнейших компонентов, поскольку именно они направлены на достижение ключевой цели всех антикриминальных мероприятий – предупреждение нежелательных деяний вместо устранения их последствий (второе всегда хуже первого). Если предупредительные мероприятия не выполнили свою функцию, то в рамках компонента физической безопасности будет осуществляться меры по пресечению противоправной деятельности. Антикризисное регулирование направлено уже на устранение ущерба и вреда, причиненного террористической активностью[399].

Система компетентных государственных институтов, из которых складывается государственный механизм антитеррористической безопасности, – это сложная и разветвленная сеть различных правоохранительных, военных и разведывательных органов и служб. В то же время, единая система координации контртеррористической борьбы в Индии отсутствует, несмотря на то, что этот элемент является системообразующим для всего механизма борьбы с терроризмом. Попытки сформировать такой механизм предпринимались в прошлом: речь идет о неудаче в создании Национального контртеррористического центра (НКТЦ) в качестве единого центра координации.

Впервые идея его создания была предложена после терактов в Мумбаи в 2008 году. Тем не менее противоречия между центральной властью и региональными органами управления на уровне штатов не позволили воплотить эту идею в жизнь. Это является следствием самого

[399] Schreier F.R. Combating Terrorism and Its Implications for Intelligence // Combating Terrorism and Its Implications for the Security Sector / ed. by T.H. Winkler, A.H. Ebnöther, M.B. Hansson. – Stockholm: Swedish National Defence College, 2005. – P. 158 (P. 129-166).

функционирования федеративного устройства Индии: именно на территориальных органах управления на уровне штатов, а не на центральной власти лежит задача по обеспечению безопасности[400]. В свою очередь, сама идея централизованной координации обеспечения антитеррористической безопасности противоречит подобному распределению полномочий между федеральным центром и штатами. В результате, региональные власти отвергли эту идею, опасаясь утраты своих исключительных полномочий в сфере безопасности.

При разработке проекта НКТЦ предлагалось взять за основу американскую модель координации борьбы с терроризмом. В результате, в основу проекта были положены многие спорные для индийской политико-правовой системы решения в отношении будущего данного центра. В частности, широта полномочий такого центра вызывала критику на уровне региональных властей. Например, предлагалось дать ему возможность осуществлять задержания и аресты без уведомления об этом полицейских служб. С критикой было воспринято и предложение о том, чтобы у НКТЦ были полномочия по истребованию любой информации, включая разведывательные данные и документы по безопасности, от любого органа и ведомства в стране. Все это лишь усиливало опасения штатов в отношении того, что федеральная власть намеревается снижать их уровень самостоятельности в пользу централизации управления[401]. Стоит заметить, что провал использования американской модели в Индии был обусловлен отсутствием правильного ее понимания. Например, в США проблема доступа к данным была решена за счет того, что Контртеррористический центр изначально создавался на базе взаимодействия Пентагона, ЦРУ, ФБР и других органов, за счет чего у него автоматически был доступ ко всей необходимой

[400] Constitution of India of 26.01.1950. URL: https://www.xn--i1bj3fqcyde.xn--11b7cb3a6a.xn--h2brj9c/my-government/constitution-india (дата обращения: 19.05.2025)

[401] Patil S. Counter-Terrorism and Federalism // Gateway House: Indian Council on Global Relations. 14.08.2014. URL: www.gatewayhouse.in/counter-terrorism-andfederalism/ (дата обращения: 19.05.2025)

информации. У американского центра также нет полномочий в отношении проведения операций и расследований, поскольку эта задача остается за органами охраны правопорядка[402].

Здесь следует отметить, что либерально-демократический механизм управления плохо совместим с ситуацией, когда у органа с разведывательными полномочиями есть также право на проведение задержаний и арестов. В свою очередь, в проекте НКТЦ предлагалось установить за ним контроль со стороны Разведывательного бюро Индии, в результате чего создавались авторитарные тенденции того, что НКТЦ будет действовать вне парламентского контроля и сможет произвольно исполнять свои функции[403]. У Разведывательного бюро и так в Индии имеется не самая хорошая репутация, связанная с многочисленными обвинениями в том, что федеральные власти используют ресурсы данного органа для подавления своих политических оппонентов и национальных меньшинств[404].

В целом, можно говорить о том, что система антитеррористической безопасности в Индии остается достаточно слабой, в результате чего границы страны остаются проницаемыми для боевиков, а механизмы обеспечения безопасности и правопорядка характеризуются недостаточной эффективностью. Индийские разведывательные службы сообщают о том, что на территории страны продолжают функционировать террористические ячейки, организованные как с помощью международных преступных сетей, так и на основе местных ресурсов («Ахла Хадит», «Таблиги Джамаат»,

---

[402] Chari P.R. National Counter Terrorism Centre for India: Understanding the Debate. IPCS Issue Brief 181. – New Delhi: Institute of Peace and Conflict Studies, 2012. – 4 p.

[403] Joseph J. Locating NCTC Within Intelligence Bureau or Not: The Debate Continues // Times of India. 17.07.2012. URL: https://timesofindia.indiatimes.com/india/Locating-NCTC-within-Intelligence-Bureau-or-not-The-debatecontinues/articleshow/15011283.cms (дата обращения: 19.05.2025)

[404] NCTC Flouts ‘Sacrosanct’ Tenet: Nitish // The Telegraph. 06.05.2012. URL: https://www.telegraphindia.com/1120506/jsp/bihar/story_15456246.jsp (дата обращения: 19.05.2025)

сторонники идеологии Деобанди и другие)[405]. Сохраняются и обвинения в том, что со стороны Пакистана поступает спонсирование в пользу террористических групп в Индии[406].

Три основные угрозы продолжают сохраняться в стране:

- действия террористов-одиночек;
- сохранение множества террористических ячеек, которые в любой момент времени могут быть активированы международными преступными сетями;
- процесс радикализации молодежи, причем речь идет даже о выходцах из обеспеченных и образованных кругов.

Поскольку управление террористической деятельностью на территории Индии часто ведется из-за рубежа, процесс борьбы с ней усложняется. Проследить четкую организационную структуру террористических сетей и связей также сложно, причем нередко просто отсутствует единственный центр координации террористических атак, уничтожив который, можно было бы добиться прекращения работы всей сети. Наконец, как говорилось выше, существует вероятность трансформации Индии в новый плацдарм для организации терактов по всему миру, особенно на фоне вытеснения ИГИЛ с Ближнего Востока[407].

---

[405] Abdul Rahoof K.K. NIA Busts ISIS Terror Module in Hyderabad; 11 Suspects in Custody // Deccan Chronicle. 30.06.2016. URL: https://www.deccanchronicle.com/nation/current-affairs/300616/nia-nabs-11-isis-terrorists-in-hyderabad.html (дата обращения: 19.05.2025); Desai S. Hyderabad Men’s Pledge Shows Close Knowledge of Islamic State Group // Daily News and Analysis. 26.12.2016. URL: www.dnaindia.com/india/report-hyderabad-mens-bayah-shows-close-knowledge-of-is-group-2286478 (дата обращения: 19.05.2025)

[406] Брагина Е.А. Индия и Пакистан стали членами ШОС // ИМЭМО РАН. 14.06.2017. URL: https://www.imemo.ru/news/events/text/indiya-i-pakistan-stali-chlenami-shos (дата обращения: 22.08.2025)

[407] Makkar S. NIA chase, hawala and recruits: India turns into fertile ground for ISIS // Business Standard. 27.03.2017. URL: https://www.businessstandard.com/article/current-affairs/nia-chase-hawala-and-recruits-india-turns-intofertile-ground-for-isis-117032500782_1.html (дата обращения: 19.05.2025)

Следуя выражению «безопасность начинается дома», можно заключить, что основная задача Индии на современном этапе заключается в том, чтобы в первую очередь сформировать эффективные механизмы противодействия терроризму уже на национальном уровне. Это, в свою очередь, не только воспрепятствует процессу использования Индии в качестве базы для боевиков из транснациональных террористических сетей, но и усилит позиции Индии в сфере борьбы с международным терроризмом. Для достижения данной цели Индии необходимо:

- улучшить работу военного, разведывательного и полицейского компонентов антитеррористической системы и обеспечить между ними, а также между другими органами, ответственными за противодействие терроризму, координацию действий;
- все же создать централизованный орган по вопросам антитеррористической безопасности, однако необходимо, чтобы этот орган отвечал демократическим принципам и конституционным нормам Индии, а именно не допускались бы ситуации, когда его ресурсы использовались бы для достижения интересов правящих кругов (в частности, для подавления оппозиции и национальных меньшинств). Работа НАК в России может быть взята в качестве основы для централизации управления антитеррористическими мероприятиями в Индии;
- выработать последовательную и ориентированную на долгосрочное применение стратегию антитеррористической борьбы;
- разработать механизмы профилактики и предупреждения терроризма. В настоящее время превентивные меры борьбы с терроризмом практически не развиты в Индии. В основном, правоохранительные органы опираются на реактивный подход:

решают проблему по мере ее поступления вместо предупреждения возникновения данной проблемы;

- увеличить качество собираемых данных, включая разведывательную информацию. Для этого можно было бы следовать американскому методу «соединения точек», когда данные собираются даже с самых низких уровней управления;
- наращивать качество подготовки сотрудников, ответственных за проведение мероприятий в сфере борьбы с терроризмом. Речь идет о сотрудниках всей разветвленной системы антитеррористической борьбы, начиная от обычных полицейских и заканчивая специалистами узкого профиля, такими как специалисты в сфере кибербезопасности. Следует заметить, что по узким областям в Индии практически нет специалистов нужной квалификации. В такой ситуации вполне можно прибегать к услугам зарубежных специалистов по линиям сотрудничества, в т.ч. с Россией. Россия обладает значительным опытом в подготовке специалистов разного профиля для ведения антитеррористической деятельности, а также проявляет готовность обмениваться этим опытом и направлять своих специалистов. Помимо этого, Индия может направлять в Россию и в другие страны с высоким уровнем развития системы антитеррористической безопасности своих сотрудников для обучения;
- преодолеть нехватку финансирования развития системы антитеррористической безопасности в стране. У Индии недостает ресурсов для укрепления основ своей системы борьбы с терроризмом. Для этого можно привлекать средства из внешних источников;

- проводить информационно-просветительскую деятельность среди населения, чтобы избежать его радикализации. Индийское население, включая молодежь, остается склонным к восприятию деструктивных идей. Индии требуется усилить информационные кампании, направленные на развенчивание исламистских и прочих экстремистских идей. Особенно важным является активное присутствие на платформах социальных сетей, которые активно используются современными террористами для привлечения новых сторонников;
- бороться не только с самим терроризмом, но и с причинами, вызывающими его. В Индии уделяется недостаточно внимания коренным причинам терроризма (социальным, экономическим, политическим, межнациональным, межрелигиозным и т.д.) В то же время, терроризм – это сложное явление, противодействовать которому необходимо комплексно.

По итогам настоящего параграфа можно сделать вывод о том, что, как и Россия, Индия на протяжении всего своего независимого существования сталкивается с проблемой терроризма. Он имеет интернациональный характер и основан на идеологии радикального исламизма. Борьба с терроризмом в Индии важна не только для ее национальной, но и для международной безопасности, поскольку в настоящее время неурегулированность проблемы терроризма в Индии формирует предпосылки к возникновению в стране новых плацдармов для размещения международных террористических организаций.

Процесс вовлечения Индии в систему международной борьбы с терроризмом затруднен тем, что внутренние проблемы приводят к тому, что даже на самой своей территории страна не может обеспечивать должный уровень антитеррористической безопасности. В частности, нет централизованной координации антитеррористической деятельности,

а вопросы безопасности решаются не на федеральном уровне, а на уровне штатов, что приводит к существенной рассогласованности действий между органами разных уровней. В этой связи Индии необходимо в первую очередь укрепить свой национальный комплекс безопасности, для чего она вполне может воспользоваться опытом и поддержкой России, а также других стран с высоким уровнем развития системы антитеррористической безопасности.

3.4. Проблемы и возможности развития сотрудничества России и Индии в области борьбы с международным терроризмом

Россию и Индию роднит признание того, что международный терроризм является беспрецедентной угрозой глобального масштаба, которая, в свою очередь, отражается и на их собственной национальной безопасности. Если отношения с западными партнерами у России в настоящее время затруднены (несмотря на то, что и для них терроризм представляет не менее существенную угрозу), то, напротив, с Индией открываются хорошие возможности по наращиванию сотрудничества в рассматриваемой области. Помимо наличия общих интересов, связанных с желанием искоренить терроризм на своей территории и в мире, две страны сближает и то, что их партнерство очищено от геополитических противоречий, которыми, например, омрачены российско-западные отношения. По этой причине в настоящее время сотрудничество с Индией становится более продуктивным, чем с западной антитеррористической коалицией. Индия также согласна с Россией в том, что бороться с терроризмом нельзя, если руководствоваться двойными стандартами, как это происходит на Западе[408].

Индия проявляет высокую степень готовности к сотрудничеству с такими странами, как Россия, в том числе для того, чтобы не допустить

[408] Ломтев П. Вклад России и Индии в борьбу с международным терроризмом // Международная жизнь. 27.10.2016. URL: https://interaffairs.ru/news/show/16249 (дата обращения: 19.05.2025)

у себя дестабилизации по иракскому или сирийскому сценарию. Индия демонстрирует свое желание обмениваться опытом борьбы с терроризмом, включая опыт, полученный в результате обеспечения безопасности в штате Джамму и Кашмир. Для России подобный опыт может быть полезен, особенно с учетом того, что и на ее территории остаются радикально настроенные элементы, пропагандирующие деструктивные идеи, направленные против прав и свобод личности и территориальной целостности российского государства.

Солидарность России и Индии проявляется и в том, что оба государства полагают, что страны, предоставляющие террористам помощь, являются одинаково виновными в террористических актах с ними[409]. Для эффективной борьбы с терроризмом, напротив, требуется объединение всего мирового сообщества перед стремлением бороться с этой угрозой, а также ликвидировать все ее проявления на своей собственной территории. Россия и Индия едины в признании того, что никакие обстоятельства не могут быть оправданием для совершения террористических преступлений.

Очень важным скрепляющим элементом в российско-индийских отношениях выступает их совместная приверженность системе, в которой центральным элементом обеспечения международной безопасности должна выступать ООН. По этой причине, в частности, и Россия, и Индия являются сторонницами выработки Всеобъемлющей конвенции против терроризма. Оба государства полагают, что для успешного ведения антитеррористической борьбы на международном уровне необходимы универсальные правила, которым будут подчинены все субъекты мирового сообщества. Эти правила должны охватывать все аспекты проявления терроризма, включая его новые средства и методы, такие как, например, использование достижений

[409] Заявления для прессы по итогам переговоров с Премьер-министром Индии Манмоханом Сингхом // Официальный сайт Президента России. 24.12.2012. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/press_conferences/17183 (дата обращения: 19.05.2025)

информационно-коммуникационной революции для ведения своей деятельности. В последние годы наблюдается расширение использования новейших технологий террористами. Пока вопрос об универсальных правилах поведения в информационно-коммуникационном пространстве остается на стадии инициации, Россия и Индия уже осуществляют прогресс в данном направлении и, в частности, планируют выработать двусторонний договор, касающийся совместного обеспечения информационной безопасности[410].

По сути, Россия и Индия являются естественными союзниками в сфере борьбы с терроризмом. При этом существующие региональные и кроссрегиональные платформы сотрудничества часто становятся более эффективным средством достижения реальных договоренностей в рассматриваемой области, чем универсальные площадки, на которых в отношении терроризма отсутствует единство мнений[411].

Одним из примеров эффективного сотрудничества в суженном формате служит взаимодействие по линии БРИКС, где Россия и Индия выступают основателями данного объединения. Так, в 2016 году по итогам саммита на Гоа государствам – членам БРИКС удалось добиться выработки единого определения радикального исламизма[412]. Разработка подобных определений является тем, что на глобальном уровне выступает практически нерешимой задачей из-за разницы в мнениях участников мирового сообщества. На уровне ООН подобное определение не было выработано, поскольку государства до сих пор расходятся во мнениях, кого следует причислять к террористам, а кого – к законной оппозиции. В ходе того же саммита на уровне БРИКС была сформирована рабочая группа по борьбе

---

[410] РФ и Индия согласны, что укрывающие террористов страны виновны в той же мере, что и сами преступники // ТАСС. 21.10.2022. URL: https://tass.ru/politika/693535/amp (дата обращения: 19.05.2025)

[411] Ломтев П. Вклад России и Индии в борьбу с международным терроризмом // Международная жизнь. 27.10.2016. URL: https://interaffairs.ru/news/show/16249 (дата обращения: 19.05.2025)

[412] Итоговая декларация VIII саммита БРИКС (Декларация Гоа) (Гоа, Индия, 16.10.2016). URL: https://www.nkibrics.ru/pages/summit-docs (дата обращения: 19.05.2025)

с терроризмом, в функции которой вошла координация работы внешнеполитических и разведывательных ведомств государств-членов в рассматриваемой области.

Прогресс на уровне БРИКС в сфере противодействия терроризму, однако, обозначился совсем недавно, поскольку примерно до 2017 года тема международного терроризма практически не освещалась в рамках этой организации – во многом из-за сохраняющихся противоречий между Индией и Китаем. Эти противоречия отражаются и на самой индийской национальной безопасности: Индия, как говорилось выше, во многих террористических акциях обвиняет Пакистан, в то время как Китай является союзником Пакистана (преимущественно из-за споров с Индией из-за территориальной принадлежности Тибета). В этой связи Китай долгое время уклонялся от продвижений в вопросе борьбы с радикальным исламизмом на уровне БРИКС, чтобы не допустить негативного воздействия на Пакистан. Так, в том же 2016 году, когда проходил саммит на Гоа, Китай не поддержал идею дополнения перечня террористических организаций, куда входят признаваемые таковыми на глобальном уровне ИГИЛ и «Джебхат-ан-Нусра», также околопакистанские организации «Джаиш-е-Мухаммад» и «Лашкар-е-Тайба», а сослался на то, что государствам следует в первую очередь обратить внимание на проблему афганского терроризма.

Тем не менее уже в 2017 году Китай поддержал предложение Индии о том, чтобы по итогам саммита в Сямэне было высказано совместное осуждение терроризма государствами – членами БРИКС. Значительное внимание было уделено распространению террористической угрозы со стороны множества различных движений, включая «Талибан», ИГИЛ, «Аль-Каиду», «Исламское движение Восточного Туркестана», «Исламское движение Узбекистана», «Хизб ут-Тахрир», «Техрик-е Талибан Пакистан»,

«Сеть Хаккани», а также «Джаиш-е-Мухаммад»[413]. Все это, однако, не говорит, что Китай стал переводить Пакистан из союзников в разряд пособников терроризма. Более того, указанные выше организации считаются террористическими и на территории Пакистана, а в том же году Китай уже продемонстрировал сохраняющуюся поддержку пакистанского правительства, когда на голосовании в СБ ООН не допустил, чтобы в список террористов был включен М. Азхар – глава действующей в Кашмире террористической организации «Джаиш-е-Мухаммад»[414].

Так или иначе, со второй половины 2010-х годов наблюдается достаточно прочное закрепление тематики противодействия международному терроризму на переговорах в БРИКС, что получает подтверждение при анализе итоговых деклараций за последующие годы, где вопрос борьбы с терроризмом неизбежно получает освещение. Индия активно продвигает дискуссию по данному вопросу в рамках объединения.

Еще одним важным аспектом развития диалога по антитеррористическим вопросам в БРИКС выступает то, что с 2018 года страны объединения договорились о том, что борьба с терроризмом должна носить всеобъемлющий характер. Под этим понимается то, что для эффективного противодействия терроризму требуется:

- воспрепятствовать радикализации населения;
- блокировать мобильность боевиков, чтобы предотвращать транснационализацию террористической угрозы или ее «расползание» в пределах одного государства;

[413] Итоговая декларация IX саммита БРИКС (Сямэньская декларация) (г. Сямэнь, Китай, 04.09.2017). URL: https://www.nkibrics.ru/pages/summit-docs (дата обращения: 19.05.2025)

[414] Pakistan needs to make a clean break from its past: Khawaja Asif // Geo News. 05.09.2017. URL: https://www.geo.tv/latest/156689-brics-statement-cant-be-termed-foreign-policy-failure-says-asif (дата обращения: 19.05.2025)

- блокировать каналы финансирования терроризма, включая доходы от преступной деятельности (продажи наркотиков, оружия, торговли людьми и т.д.);
- ликвидировать существующие террористические ячейки;
- блокировать доступ террористов к информационно-коммуникационным средствам, особенно к ресурсам интернета[415].

Помимо БРИКС, у России и Индии есть ряд других многосторонних платформ, где они могут совместно участвовать в мероприятиях, направленных на обеспечение международной антитеррористической безопасности. В качестве примера можно привести Группу 20, где оба государства неоднократно выступали за то, чтобы международное сообщество совместными усилиями боролось с террористической угрозой[416].

Крайне важным шагом на пути укрепления сотрудничества на евразийском пространстве стало расширение ШОС 2017 года, когда одновременно Индия и Пакистан вступили в эту организацию. Безусловно, основная задача этого расширения заключалась в том, чтобы урегулировать конфликтные ситуации между Индией и Пакистаном, а также Индией и Китаем, однако это необходимо для обеспечения широкого ряда объектов международной безопасности, включая антитеррористическую безопасность. Расширение 2017 года сделало ШОС важнейшим институтом региональной безопасности в Азии. По сравнению с БРИКС для обеспечения безопасности у ШОС есть несколько преимуществ:

- более хорошая организационная структура;
- более высокий по своей эффективности механизм принятия решений в сфере безопасности;

---

[415] Итоговая декларация X саммита БРИКС (Йоханнесбургская декларация) (г. Йоханнесбург, ЮАР, 26.07.2018). URL: https://www.nkibrics.ru/pages/summit-docs (дата обращения: 19.05.2025)

[416] *См., напр.:* Декларация лидеров «Группы двадцати» от 01.12.2018. URL: http://www.kremlin.ru/supplement/5373 (дата обращения: 19.05.2053)

- наличие РАТС как инструмента для реализации оперативных мероприятий в сфере борьбы с угрозами безопасности[417].

Существенной проблемой остается то, что, несмотря на присутствие на единой платформе, Индия не смогла разрешить свои противоречия ни с Китаем, ни с Пакистаном. Улучшение отношений с какой-либо одной из этих стран для Индии остается маловероятным. Для Китая Индия вряд ли сможет стать более значимым партнером, в т.ч. в экономическом плане. Улучшение отношений с Пакистаном является весьма маловероятным сценарием, в т.ч. потому, что Китай будет этому препятствовать.

В этой связи особенно важным становится вовлечение России в процесс сглаживания противоречий на евразийском пространстве, поскольку Россия располагает достаточно хорошими отношениями со всеми противоборствующими странами (с Пакистаном в меньшей степени – во многом из-за того, что США здесь распространяют свое влияние). Сглаживание противоречий является необходимым шагом на пути улучшения борьбы с терроризмом на евразийском пространстве. Если же сохранятся противоречия, то имеющиеся механизмы борьбы окажутся недействительными, поскольку государства будут блокировать их реальное применение для достижения своих разновекторных целей.

Таким образом, у России и Индии достаточно продуктивно развивается сотрудничество в сфере борьбы с терроризмом, одной из важнейших основ чего выступает очищенность отношений двух стран от геополитических противоречий, чего нельзя сказать о российско-западных отношениях. Оба государства проявляют высокую степень солидарности по большинству вопросов, относящихся к антитеррористической деятельности благодаря тому, что террористическая угроза, проистекающая из радикального исламизма, является для обеих стран насущной проблемой. Оба государства располагают

[417] Куприянов А.В. БРИКС, ШОС и терроризм в Кашмире // РСМД. 28.03.2019. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/briks-shos-i-terrorizm-v-kashmire/ (дата обращения: 19.05.2025)

значительным опытом борьбы с данной угрозой, которым они готовы делиться друг с другом.

Существенно сотрудничество России и Индии в сфере борьбы с терроризмом укрепляется за счет наличия ряда многосторонних платформ, где оба государства могут совместно заниматься развитием дискуссии по рассматриваемым проблемам. ШОС и БРИКС входят в перечень структур, на повестке дня которых стоят проблемы антитеррористической безопасности.

В то же время, потенциал дальнейшего углубления диалога в данной области сильно ограничивается сохраняющимися противоречиями между Индией и Пакистаном, а также Индией и Китаем. Эти противоречия, в частности, не позволяют выработать единообразный подход к определению того, какие лица и организации могут быть причислены к субъектам террористической деятельности. Поскольку данные конфликтные ситуации не разрешаются сами по себе, требуется более широкое вовлечение России, дружественные отношения которой со спорящими странами могут стать хорошим подспорьем для ее посредничества в сглаживании их конфликтов. Эта задача важна и для самой России, поскольку если рассматриваемые противоречия будут сохраняться, имеющиеся многосторонние платформы не смогут использовать все необходимые ресурсы для борьбы с терроризмом, а потому искоренить его будет невозможно. Это негативно скажется не только на международной, но и на собственной, российской безопасности.

3.5. Китайская Народная Республика в рамках антитеррористического РКБ на евразийском пространстве

Выше было подробное описано, как формируется РКБ на пространстве Большой Евразии с участием Индии. Аналогичным путем можно анализировать политику Китая в сфере противодействия терроризму как пример входящего в этот РКБ государства.

Как говорилось выше, антитеррористическая политика Китая базируется на концепции искоренения «трех зол» – терроризма, сепаратизма и религиозного экстремизма[418]. Пекин рассматривает борьбу с терроризмом как ключевой элемент обеспечения национальной безопасности, суверенитета и территориальной целостности.

Антитеррористическая политика Китая базируется на иерархической системе документов, включающей Конституцию, профильные законы и международные соглашения. В январе 2024 года правительство КНР систематизировало эту базу в Белой книге «Правовая система и практика Китая в сфере борьбы с терроризмом»[419].

Конституция КНР служит фундаментом всей правовой системы и определяет полномочия государства по защите национальной безопасности[420]. Закон «О борьбе с терроризмом» 2015 года является центральным документом, который дает юридическое определение терроризма, описывает меры наказания и полномочия спецслужб[421]. Закон «О национальной безопасности» 2015 года устанавливает общие рамки защиты суверенитета и борьбы с внутренними и внешними угрозами[422]. Уголовный кодекс КНР содержит конкретные статьи за террористическую деятельность, включая финансирование и пропаганду экстремизма[423].

Были приняты также некоторые специализированные законы по борьбе с отдельными проявлениями терроризма. В частности, сюда можно включить

---

[418] Васильев Л.Е. О некоторых аспектах борьбы Китая с силами «трех зол» // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2018. № 23. С. 92-106.

[419] China’s Legal Framework and Measures for Counterterrorism. URL: http://www.scio.gov.cn/zfbps/zfbps_2279/202401/t20240123_829679.html (дата обращения: 06.04.2026)

[420] Constitution of the People’s Republic of China. URL: https://english.www.gov.cn/archive/lawsregulations/201911/20/content_WS5ed8856ec6d0b3f0e9499913.html (дата обращения: 06.04.2026)

[421] Counterterrorism Law of the People’s Republic of China. URL: https://npcobserver.com/legislation/counterterrorism-law/ (дата обращения: 06.04.2026)

[422] National Security Law of the People’s Republic of China. URL: https://www.chinalawtranslate.com/en/2015nsl/ (дата обращения: 06.04.2026)

[423] Criminal Law of the People’s Republic of China. URL: https://www.chinalawtranslate.com/en/criminal-law-2021/ (дата обращения: 06.04.2026)

Закон «О кибербезопасности»[424] (регулирует борьбу с распространением террористического контента в интернете) и Закон «О борьбе с отмыванием денег»[425] (включает механизмы по предотвращению финансирования террористических организаций). Положения Народного банка Китая и Министерства общественной безопасности также допускают замораживание активов, связанных с терроризмом.

На региональном уровне действуют локальные акты, адаптированные под угрозы в конкретных провинциях. В частности, в регионе с наибольшими рисками безопасности – СУАР – действуют положения о дерадикализации, которые регулируют профилактические меры и образовательные программы[426].

В целом, Китай делает ставку на профилактику терроризма в сочетании с жесткими мерами. Профилактические меры включают в себя дерадикализацию населения, образовательные программы и усиление цифрового контроля. Особое внимание уделяется СУАР. Власти применяют там систему мер по противодействию экстремистской идеологии[427].

Китай, безусловно, можно относить к формирующемуся антитеррористическому РКБ на евразийском пространстве, поскольку в сфере противодействия терроризму он политически близок к большинству стран этого комплекса.

---

[424] Cybersecurity Law of the People’s Republic of China. URL: https://www.chinalawtranslate.com/en/22075-2/ (дата обращения: 06.04.2026)

[425] Anti-Money Laundering Law of the People’s Republic of China. URL: http://www.npc.gov.cn/zgrdw//englishnpc/Law/2008-01/02/content_1388022.htm (дата обращения: 06.04.2026)

[426] Галицкая Н.В. Правовые аспекты антитеррористической безопасности: опыт современного Китая // Административное и муниципальное право. 2022. № 3. С. 34-46.; Правовая система и практика Китая в сфере борьбы с терроризмом. – Пекин: Издательство литературы на иностранных языках, 2024. – 43 с.

[427] Казанцев В.Е. Политика Китая по противодействию идеологии терроризма и профилактике экстремизма // Инновационный потенциал молодежи: культура, духовность и нравственность: материалы Международной молодежной научно-исследовательской конференции / под ред. А.В. Пономарева. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2019. – С. 161.

Об этом, в частности, говорит его участие в такой важнейшей структуре региональной безопасности, как ШОС. Китай, как и Россия, и Индия, также состоит в БРИКС, для которого преодоления терроризма не является единственным направлением деятельности, однако вопросы, связанные с этим, занимают важное место на повестке дня объединения.

Также общей чертой с другими государствами евразийской РКБ выступает приверженность Китая нормам международного права, а также возведение ООН в центр обеспечения международного мира и безопасности, где эта организация рассматривается в качестве единственного легитимного арбитра в международных конфликтах. В результате, Китай является участником всех международных антитеррористических конвенций ООН, а также выступает за центральную координирующую роль ООН в глобальной борьбе с терроризмом и соблюдение международного права[428].

Китай вносит большой вклад в образование региональной системы антитеррористической безопасности за счет собственных инициатив и действий. В рамках инициативы «Один пояс – Один путь» (ОПОП) Китай усиливает меры безопасности на новых сухопутных и морских торговых маршрутах, пролегающих, помимо всего прочего, через пространство Малой Евразии. За счет этого, в частности, усиливается антитеррористическая безопасность на постсоветском пространстве.

Также Китай уже заключил блок двусторонних и многосторонних соглашений со странами-соседями для пресечения трансграничного терроризма в рамках приграничного сотрудничества и взаимодействия. Все это вносит значительный вклад в образование единой системы антитеррористической безопасности.

[428] До Ч. Международное сотрудничество Китая в борьбе с терроризмом // Теории и проблемы политических исследований. 2019. Т. 8. № 1А. С. 274.; Ли В.Н. Сотрудничество России и Китая в сфере противодействия международному терроризму как фактор обеспечения международной стабильности // Международные отношения. 2024. № 2. С. 12.

Таким образом, другие государства, имеющие близость взглядов на преодоление проблемы терроризма со странами Малой Евразии, можно рассматривать в качестве участников формирующейся системы антитеррористической безопасности на большом евразийском пространстве. Китай явно демонстрирует свою вхождение в спектр государств – участников рассматриваемого РКБ по многим параметрам, включая членство в ШОС, отведение ООН роли центрального координатора международной антитеррористической активности, стремление к сотрудничеству с другими странами евразийского пространства в сфере борьбы с терроризмом (в т.ч. в рамках ОПОП и приграничного сотрудничества).

3.6. Политика Израиля по борьбе с международным терроризмом как пример отклоняющегося поведения в контексте большой евразийской системы безопасности

Продолжая изучать вопрос о том, каким представляется описываемый в настоящем исследовании региональный комплекс антитеррористической безопасности, нельзя не заметить, что географически в него могут входить все государства, располагающиеся на евразийском пространстве. Однако концепты «Большой Евразии» и «евразийского комплекса региональной антитеррористической безопасности», используемые в настоящем исследовании, представляют собой не географические, а политические термины, обозначающие государства, чьи интересы в сфере антитеррористической безопасности настолько близки, что между ними происходит углубление сотрудничества в данной области, ведущее к образованию РКБ.

Соответственно, относить к рассматриваемому комплексу государства необходимо не по географическому признаку, а по политическому, а именно по тому, какую политику в отношении борьбы с терроризмом каждое

из евразийских государств проводит. Действительно, все страны мира признают, что терроризм является злом, с которым необходимо бороться, однако взгляды на то, чем является терроризм и кого следует причислять к террористам и террористическим организациям, сильно различаются. В настоящем исследовании нет возможности анализировать политику всех стран, находящихся на евразийском континенте, однако для лучшего понимания того, какие государства нельзя включать в предлагаемый в настоящей работе РКБ, можно продемонстрировать антитеррористическую политику Израиля, которую явно нельзя относить к Большой Евразии в том понимании, в котором она представлена здесь.

Следует сначала кратко описать систему противодействия терроризму в Израиле. Основные функции по противодействию терроризму в этой стране выполняют следующие органы:

- Общая служба безопасности (ШАБАК), которая отвечает за внутреннюю разведку и предотвращение терактов на стадии планирования;
- Специальное центральное подразделение (ЯМАМ), выступающее основным контртеррористическим подразделением полиции, специализирующимся на освобождении заложников и сложных задержаниях[429].

Правовую основу противодействия терроризму в Израиле составляет, в первую очередь, Закон о борьбе с терроризмом[430], который является основополагающим документом для антитеррористической деятельности страны. Принятие данного документа позволило заменить множество разрозненных нормативных правовых актов в сфере противодействия терроризма, расширить полномочия правоохранительных органов

[429] Kfir I. Israel's approach to counter-terrorism // Handbook of Terrorism and Counter Terrorism Post 9/11 / ed. by D.M. Jones, P. Schulte, C. Ungerer, M.L.R. Smith. – Edward Elgar Publishing, 2019. – P. 227-239.

[430] Anti-Terror (Counter-Terrorism) Law of Israel (2016). URL: https://www.adalah.org/en/law/view/598 (дата обращения: 18.01.2026)

по задержанию подозреваемых, ужесточить наказания за террористическую деятельность, а также сформировать четкое определение основных понятий, таких как:

- террористический акт – действие или угроза его совершения, основанное на политических, религиозных, националистических или идеологических убеждениях, направленное на то, чтобы вызвать страх и панику среди населения посредством тяжкого вреда жизни, здоровью или правам и свободам человека / безопасности общества / имуществу / критически значимой инфраструктуре / критически значимым государственным службам, с целью заставить правительство или международную организацию совершить какое-либо действие в интересах террористов или, наоборот, воздержаться от определенных действий;
- террористическая организация – объявленная организация, официально подтвержденная Министерством обороны в качестве террористической на основе разведывательных данных, состоящая из группы лиц, которые действуют организованно и систематически с целью совершения терактов или содействует в их совершении, обеспечивает их подготовку, предоставляет финансирование.

На основе данного закона четко разграничиваются также категории субъектов, несущих ответственность за теракты (руководители, администраторы, активные члены, лица, оказывающие поддержку). Дифференциация лиц, ответственных за террористические преступления, позволяет устанавливать для них разные наказания в зависимости от их ответственности.

К другим НПА в сфере противодействия терроризму можно отнести Закон о запрете финансирования терроризма[431], Закон о борьбе с преступными организациями[432], Указ о предотвращении терроризма[433], Постановления об обороне (о чрезвычайных ситуациях)[434] и т.д. Законодательство Израиля в сфере противодействия терроризму продолжает развиваться и в настоящее время: основным вектором является ужесточение контртеррористических мер (например, недавние законодательные поправки позволяют лишать гражданства лиц, виновных в совершении террористических преступлений[435]).

В настоящее время система борьбы с терроризмом в Израиле представляет собой многоуровневую систему, сочетающую жесткие силовые меры, передовые технологии и глубокую интеграцию гражданского общества в вопросы безопасности.

После масштабных потрясений 2023 – 2024 годов израильская стратегия претерпела значительную трансформацию, перейдя от концепции сдерживания к доктрине упреждающего демонтажа террористических инфраструктур. Современная практика базируется на «модели войны», где террористические группировки рассматриваются как полноценные вражеские армии. Израиль отказывается от пассивной обороны в пользу упреждающих ударов. В последние 2 года проводились регулярные операции по ликвидации террористических ячеек до того, как произойдет нападение

---

[431] Prohibition on Terrorist Financing Law of Israel (2004). URL: http://menarights.org/sites/default/files/2016-11/IL_Law_Terrorist_Financing_Law_2004_EN.pdf (дата обращения: 18.02.2026)

[432] Combating Criminal Organizations Law of Israel (2003). URL: https://www.unodc.org/cld/uploads/res/document/isr/combating_criminal_organizations_law_5763-2003_html/Israel_Combating_Criminal_Organizations_law_2003.pdf (дата обращения: 18.02.2026)

[433] Prevention of Terrorism Ordinance of Israel (1948). URL: https://www.gov.il/en/pages/prevention-of-terrorism-ordinance-no-33-of-5708-1948 (дата обращения: 18.02.2026)

[434] Defence (Emergency) Regulations of Israel (1945). URL: https://ecf.org.il/issues/issue/1471 (дата обращения: 18.02.2026)

[435] Bossow A., Zeitouni S. Israel's New Citizenship Deprivation-Deportation Pipeline // Verfassungsblog. 21.02.2023. URL: https://verfassungsblog.de/israels-new-citizenship-deprivation-deportation-pipeline/ (дата обращения: 18.02.2026)

(например, операция «Железная стена» в ЗБРИ). Израиль также практикует точечные ликвидации за счет использования высокоточного оружия и разведывательных данных для нейтрализации лидеров террористических организаций. Также, несмотря на достигнутые в октябре 2025 года договоренности между Израилем и ХАМАС о прекращении огня Израиль сохраняет за собой право на свободу действий в сфере безопасности для предотвращения перевооружения группировок[436]. В целом, израильская практика характеризуется бескомпромиссным подходом (англ. *zero tolerance*): любая поддержка терроризма, включая выражение симпатии в социальных сетях, влечет за собой уголовное преследование[437].

Поправки 2023 – 2025 годов к базовому профильному Антитеррористическому закону 2016 года[438] обеспечили новые, более жесткие меры борьбы с проявлениями терроризма[439]. В частности, правоохранительные органы получили право удерживать подозреваемых без предъявления обвинения на основе секретных данных[440]. Национальное бюро по борьбе с финансированием терроризма (NBCTF) теперь отслеживает и конфискует расширенный перечень активов, куда включены криптовалюты[441]. Практикуются также такие меры, как снос домов

---

[436] Ромашенко С. Правительство Израиля одобрило соглашение с ХАМАС по Газе // Deutsche Welle. 10.10.2025. URL: https://www.dw.com/ru/pravitelstvo-izraila-odobrilo-soglasenie-s-hamas-o-prekrasenii-ogna-v-sektore-gaza/a-74300749 (дата обращения: 18.01.2026)

[437] Statement by Noam Cappon «Check against Delivery: Measures to Eliminate International Terrorism» [Agenda Item 109]. – New York: United Nations (Sixth Committee), 02.10.2023. – 7 p.

[438] Anti-Terror (Counter-Terrorism) Law of Israel (2016). URL: https://www.adalah.org/en/law/view/598 (дата обращения: 18.01.2026)

[439] Israel // Laws on Countering Terrorism Worldwide. URL: https://counterterrorlaw.info/country/israel (дата обращения: 18.01.2026)

[440] Anti-Terror Law – Israel // Israel Legal Advocacy Project. URL: https://www.lawandisrael.org/library/topical/terrorism/anti-terrorism-legislation/anti-terror-legislation-israel/ (дата обращения: 18.01.2026)

[441] National Bureau for Counter-Terror Financing of Israel (NBCTF) // Ministry of Defense of Israel. URL: https://mod.gov.il/en/departments/national-bureau-for-counter-terror-financing-of-israel-nbctf (дата обращения: 18.01.2026)

террористов и аннулирование видов на жительство в качестве средств устрашения.

Для повышения эффективности противодействия терроризму Израиль активно внедряет инновации, закрывающие недостаток человеческих и временных ресурсов. Так, создано специализированное ведомство по разработке нанотехнологий для обнаружения смертников и перехвата ракет. Активно используется искусственный интеллект: в частности, цифровые базы данных анализируют информацию в реальном времени, выявляя потенциальные угрозы до их реализации.

Наконец, важным средством обеспечения антитеррористической безопасности выступает работа с гражданами. Полиция и армия обучают гражданское население средствам борьбы с терроризмом. Например, информационная кампания «Город без насилия» направлена на профилактику радикализации на муниципальном уровне[442].

По своей политической линии Израиль сильно отличается от многих других государств, находящихся к востоку от него и развивающих свои отношения со странами Глобального Юга, включая Россию. Это отличие наблюдается и в области противодействия терроризму.

С одной стороны, для Израиля проблема терроризма является весьма существенной на протяжении всей его истории независимого существования, поскольку с момента образования израильского государства в 1948 году оно находится в состоянии перманентного конфликта с Палестиной и большинством других арабо-мусульманских государств. Арабо- и палестино-израильские конфликты не только не преодолены до сих пор, но и в настоящее время набирают отрицательную динамику.

Постоянная конфликтно-конфронтационная парадигма приводит к весьма высокому уровню террористической угрозы и опасности

[442] BenLevi R. Israel in 2026: A New Consensus on Security // The Jerusalem Strategic Tribune. 01.01.2026. URL: https://jstribune.com/israel-in-2026-a-new-consensus-on-security (дата обращения: 18.01.2026)

на территории Израиля. Со стороны сторонников идей радикального исламизма, стремящихся к разному – от изгнания Израиля с оккупированных территорий и освобождения Палестины до полного уничтожения еврейского государства, – в Израиль было привнесено множество террористических преступлений за прошедшие десятилетия. В настоящее время ситуация только усугубляется из-за начавшейся Войны в Газе в октябре 2023 года и сопряженных с ней международных конфликтов. Только в 2024 году Израиль зафиксировал почти 18,4 тыс. терактов на своей территории[443].

Все это, казалось бы, должно приводить к единству стран Большой Евразии и Израиля в противодействии терроризму, однако на практике этого не происходит. Это связано с тем, что Израиль проводит иную политику по борьбе с терроризмом, чем другие государства, включаемые в настоящем исследовании в региональный комплекс антитеррористической безопасности.

В последнее время Израиль сильно активизировался в своем стремлении обеспечить свою безопасность от нападок извне за счет использования силовых методов. Это уже привело к наступательным действиям в секторе Газа, операции в приграничных районах Ливана в 2024 году, 12-дневной войне с Ираном в июне 2025 года, ударе по столице Катара Дохе в сентябре того же года. Израиль, в частности, преследует организации, которые угрожают его территориальной целостности и суверенитету и которые Израиль рассматривает в качестве террористических – ХАМАС и «Хезболла».

Статус этих организаций в мировом сообществе является спорным. Некоторые государства считают их незаконными и террористическими, в то время как другие полагают, что это легитимные политические силы, борющиеся за национальное освобождение и право наций на самоопределение. Примерный перечень тех стран, которые считают эти организации террористическими, представлен в приложении 5.

---

[443] В 2024 году Израиль подвергся 18365 атакам террористов // Министерство иностранных дел Израиля. 09.01.2025. URL: https://www.gov.il/ru/pages/terrorism-report-2024# (дата обращения: 17.09.2025)

Можно заметить, что почти все из них относятся к сообществу евроатлантических стран и их союзников. В этом можно наблюдать одно из ключевых противоречий, наблюдаемых в антитеррористической политике Израиля: несмотря на общее с евразийскими государствами стремление бороться с терроризмом и радикальным исламизмом, Израиль и его западные союзники видят в качестве террористических организаций тех субъектов мировой политики, которые таковыми среди стран Большой Евразии не признаются. Например, в России ХАМАС и «Хезболла» не считаются террористическими организациями. Россия считает эти организации частью соответствующих обществ (палестинского и ливанского) и общественно-политической силой[444].

В результате, Израиль не может быть отнесен к предлагаемому в настоящем исследовании РКБ, поскольку он относится к другой системе безопасности – североатлантической, – где он разделяет взгляды на террористическую угрозу с США и их союзниками.

Таким образом, предлагаемый в настоящем исследовании концепт комплекса региональной антитеррористической безопасности на пространстве Большой Евразии нельзя воспринимать по географическому критерию, поскольку географически в евразийское пространство входят страны с отличающимися друг от друга установками в отношении обеспечения антитеррористической безопасности. Поскольку РКБ – это пространство с едиными проблемами и интересами в сфере безопасности, необходимо использовать политический критерий, а именно то, как каждое из государств воспринимает террористическую угрозу. Например, Израиль географически относится к евразийскому пространству, но в предлагаемый в настоящем исследовании РКБ включен быть не может, поскольку его взгляды на борьбу

[444] РФ не причисляет «Хезболлу» и ХАМАС к террористическим организациям // Интерфакс. 15.11.2015. URL: https://www.interfax.ru/world/479405 (дата обращения: 17.09.2025)

с терроризмом сильно отличаются от государств, формирующих единую систему безопасности по линии Глобального Юга. Израиль скорее будет отнесен к евроатлантической системе безопасности.

***

По итогам настоящей главы можно заключить, что в настоящее время можно наблюдать процесс сопряжения пространства безопасности в контексте Малой и Большой Евразии, о чем наиболее ярко говорит расширение региональных структур безопасности, таких как ШОС, за счет государств Глобального Юга. Можно говорить о формировании комплекса региональной антитеррористической безопасности, вокруг которого в настоящее время собираются развивающиеся страны на евразийском пространстве. Единство в признании террористической угрозы в качестве экзистенциальной толкает эти государства на сотрудничество в противодействии ей, поскольку разрешить эту проблему в одиночку государства евразийского пространства не могут.

Предлагаемый в настоящем исследовании концепт комплекса региональной антитеррористической безопасности на пространстве Большой Евразии нельзя воспринимать по географическому критерию, поскольку географически в евразийское пространство входят страны с отличающимися друг от друга установками в отношении обеспечения антитеррористической безопасности. Поскольку РКБ – это пространство с едиными проблемами и интересами в сфере безопасности, необходимо использовать политический критерий, а именно то, как каждое из государств воспринимает террористическую угрозу.

Например, Израиль географически относится к евразийскому пространству, но в предлагаемый в настоящем исследовании РКБ включен быть не может, поскольку его взгляды на борьбу с терроризмом сильно

отличаются от государств, формирующих единую систему безопасности по линии Глобального Юга. Израиль скорее будет отнесен к евроатлантической системе безопасности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По итогам проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

1. Проанализированы понятие терроризма и его сущность. Ни в научном сообществе, ни в юридических документах не существует единства подходов к определению терроризма. В то же время, можно вывести некоторые его общие признаки, с которыми согласно большинство исследователей. На основе данных признаков автор предлагает определить терроризм в качестве социально-политического явления и общественно опасной формы преступного поведения, в ходе которого совершаются насильственные действия или угроза таких действий (включая широкий спектр общеуголовных преступлений – взрывы, поджоги, убийства, нанесение вреда имуществу, захват заложников и т.д.) для того, чтобы оказать устрашающее воздействие на конкретных лиц или все население в целом, дестабилизировать общественное и политическое положение и, таким образом, принудить органы власти к тому, чтобы они действовали в интересах террористов.

На международно-правовом уровне невозможность разработать единое определение терроризма связано с волей отдельных участников международного сообщества, которые предпочитают не сковывать себя рамками международного права и сохранять свободу маневра в отношении того, какие деяния квалифицировать в качестве террористических, исходя из своих интересов. Некоторые полагают, что отсутствие единого определения сдерживает потенциал развития международного сотрудничества по борьбе с рассматриваемым явлением. Тем не менее это замечание не совсем верно, поскольку есть много примеров развития механизмов антитеррористического сотрудничества и без универсальной дефиниции.

2. Прослежена трансформация террористических угроз и политических рисков в процессе эволюции постсоветского пространства. Терроризм и экстремизм стали одними из основных проблем бывших южных республик СССР, а также России. Речь шла о распространении радикального исламизма в странах со значительной долей мусульманского населения, где сформировались благоприятные условия для закрепления опасных тенденций (утрата реального контроля за территорией и населением со стороны центральной власти, сложное социально-экономическое положение, идеологический вакуум после крушения коммунистической идеологии, большое количество внутригосударственных и межгосударственных противоречий, пособничество терроризму со стороны внерегиональных игроков, преследующих на постсоветском пространстве свои цели). В то же время, следует отметить, что исламистский терроризм был свойственен не всем государствам постсоветского пространства: ряд из них (Армения, Белоруссия и т.д.) тоже сталкивались с проблемой терроризма, но для них он исходил из других источников. Радикальный исламизм проявлялся в странах со значительной долей мусульманского населения.

Основной период противодействия терроризму пришелся на 1990-е – 2000-е годы, до тех пор, пока не была значительно стабилизирована политическая и социально-экономическая обстановка и не были сформированы эффективные механизмы борьбы с терроризмом, включая инструменты международного сотрудничества. В то же время, сохраняются условия для возрождения исламского радикализма из-за сохранения слабости политических институтов в отдельных постсоветских республиках, низкого социально-экономического положения населения, близости к основным регионам распространения терроризма – Центральной Азии и Ближнего Востока.

В настоящее время преимущественным видом терроризма выступают акты, совершаемые в рамках внутригосударственных и межгосударственных

противоречий и конфликтов на постсоветском пространстве. Квалификация таких актов в качестве террористических является политизированной и неоднозначной, поскольку противоборствующие стороны склонны характеризовать любые активные действия в рамках борьбы друг с другом в качестве терроризма. Это, в свою очередь, сдерживает развитие борьбы с реальными террористическими угрозами, представляющими опасность для всего постсоветского пространства.

3. На основании анализа деятельности международных организаций и институтов безопасности в сфере противодействия терроризму исследован процесс сопряжения систем безопасности на пространстве Большой Евразии. Делается вывод о том, что в соответствии с принципом субсидиарности наиболее эффективная борьба с терроризмом будет осуществляться при движении от наиболее общих решений, принимаемых на универсальном уровне, к наиболее конкретным решениям, принимаемым на уровне регионов мира, поскольку сокращение количества участников обсуждения различных инициатив приводит к возможности согласовать наименее обтекаемые и более специфицированные действия, отвечающие национальным интересам участвующих сторон. Это, в свою очередь, не умаляет значимости универсального уровня, поскольку в процесс борьбы с терроризмом должны быть вовлечены все участники международного сообщества, чтобы искоренить этот феномен, в то время как достичь этого можно только в глобальном формате. Исходя из этого методологически в диссертации использована теория региональных комплексов безопасности (РКБ) и ее имплементация в международном сотрудничестве по борьбе с терроризмом как в Малой, так и в Большой Евразии.

В настоящее время можно наблюдать процесс сопряжения пространства безопасности в контексте Малой и Большой Евразии, о чем наиболее ярко говорит расширение региональных структур безопасности, таких как ШОС, за счет государств Глобального Юга. Можно говорить о формировании

комплекса региональной антитеррористической безопасности, вокруг которого в настоящее время собираются развивающиеся страны на евразийском пространстве. Другие государства, имеющие близость взглядов на преодоление проблемы терроризма со странами Малой Евразии, можно рассматривать в качестве участников формирующейся системы антитеррористической безопасности на большом евразийском пространстве.

4. Исследована специфика борьбы с терроризмом на постсоветском пространстве в качестве подсистемы формирующегося РКБ. Несмотря на значительные успехи в противодействии терроризму, нет подтверждений тому, что террористические организации отказались от идей, ведущих к распространению нестабильности на постсоветском пространстве. Террористы действуют адаптивно и подстраиваются под меняющиеся условия, включая новые меры антитеррористической борьбы. Способность террористов противостоять национальным силам безопасности остается на высоком уровне. Терроризм продолжает видоизменяться, приобретая новые и более опасные и масштабные по своей разрушительности формы. Связи между различными элементами терроризма и организованной преступности продолжают развиваться. Возникают новые группировки экстремистской направленности. Ближний Восток и Северная Африка остаются местом распространения радикального исламизма и подготовки новых боевиков, а также финансирования их за счет доходов от наркоторговли и иной преступной деятельности. За счет информационно-коммуникационных технологий продолжается идеологическая обработка и вербовка граждан постсоветских государств. Разрабатываются каналы переброски боевиков и наемников на другие территории, где наибольшую угрозу представляет репатриация боевиков – граждан стран постсоветского пространства, получивших боевой опыт на ближне- и средневосточных театрах сражений и сохранивших приверженность террористической идеологии. Проницаемость границ на постсоветском пространстве сохраняется, поскольку это

обеспечивает наиболее благоприятные условия для развития сотрудничества в регионе. В этой связи вероятность образования новых террористических ячеек – как в странах, где мусульманское население является большинством, так и там, где оно составляет религиозное меньшинство, – остается весьма высокой, особенно среди мигрантов, беженцев и вынужденных переселенцев. В результате, можно говорить о том, что развитие институтов коллективной безопасности для предупреждения терроризма и противодействия ему остается актуальной задачей для постсоветских стран.

Институты обеспечения безопасности на постсоветском пространстве можно рассматривать в качестве подсистемы формирующегося РКБ. С одной стороны, за последние десятилетия им удалось сформировать существенную правовую и организационно институциональную базу для противодействия терроризму. В настоящий момент реализуются такие мероприятия, как обмен опытом, знаниями и оперативной и разведывательной информацией, ведение базы данных о террористах, террористических организациях и лицах, содействующих терроризму, координация антитеррористической политики на национальном уровне и разработка соответствующих согласованных / совместных мер, проведение различных мероприятий и операций в сфере борьбы с терроризмом, включая учения и тренировки, уголовная помощь в розыске и определении местонахождения лиц, скрывающихся от закона, распространение антитеррористических мер на новые виды терроризма и отработка способов борьбы с ними, обучение и подготовка сотрудников в сфере безопасности, совершенствование правовой и организационно-институциональной базы борьбы с терроризмом, публичная просветительская работа для недопущения радикализации населения, научная деятельность в сфере борьбы с терроризмом, развитие сотрудничества с иными государствами и международными структурами, занимающимися борьбой с терроризмом, что существенно расширяет обмен опытом и позволяет расширить географию противодействия терроризму.

С другой стороны, анализ институтов постсоветского пространства показал, что в каждом из них есть проблемы, причем некоторые несовершенства присущи всему комплексу безопасности в рассматриваемом регионе. Основной проблемой, препятствующей дальнейшему развитию совместной борьбы с терроризмом, выступает существенная разновекторность взглядов, которая проявляется по самым разным направлениям – по определению роли компонента безопасности в структуре многопрофильных объединений, по участию в тех или иных совместных действиях или вовлечению в определенные конфликтные ситуации, по трактовке понятий «терроризм» и «террористическая организация» и квалификации соответствующих деяний и т.д. Это не позволяет реализовать весь потенциал совместных усилий в сфере противодействия терроризму, в связи с чем предполагается, что участники постсоветских институтов безопасности должны в первую очередь заняться сближением своих политических линий.

5. Прослежена эволюция политики России в сфере международного сотрудничества по противодействию терроризму. На протяжении всей своей истории существования Российская Федерация сталкивается с проблемой терроризма, причем он зачастую осложнен иностранным компонентом. Если говорить о раннем периоде существования России, то речь идет о терроризме на Северном Кавказе, который развился во многом под влиянием международных террористических сетей. В настоящее время основная террористическая угроза скорее исходит от украинских националистических формирований, которые поддерживает текущая украинская власть.

Особо остро стоящая проблема международного терроризма предопределила глубокую вовлеченность России в борьбу с данным феноменом. Отличительной чертой России выступает то, что она, как и во многих других отношениях, придерживается того, что ООН и нормы

международного права, а не односторонние действия государств, руководствующихся своими национальными интересами, должны лежать в основе антитеррористической борьбы. Для усиления потенциала международного противодействия терроризму Россия стремится способствовать развитию сотрудничества в рассматриваемой области между ООН и организациями на евразийском пространстве.

6. Раскрыты подходы Индии к противодействию международному терроризму, выявлены проблемы и возможности развития сотрудничества России и Индии в области борьбы с международным терроризмом. Как и Россия, Индия на протяжении всего своего независимого существования сталкивается с проблемой терроризма. Он имеет интернациональный характер и основан на идеологии радикального исламизма. Борьба с терроризмом в Индии важна не только для ее национальной, но и для международной безопасности, поскольку в настоящее время неурегулированность проблемы терроризма в Индии формирует предпосылки к возникновению в стране новых плацдармов для размещения международных террористических организаций.

Процесс вовлечения Индии в систему международной борьбы с терроризмом затруднен тем, что внутренние проблемы приводят к тому, что даже на самой своей территории страна не может обеспечивать должный уровень антитеррористической безопасности. В частности, нет централизованной координации антитеррористической деятельности, а вопросы безопасности решаются не на федеральном уровне, а на уровне штатов, что приводит к существенной рассогласованности действий между органами разных уровней. В этой связи Индии необходимо в первую очередь укрепить свой национальный комплекс безопасности, для чего она вполне может воспользоваться опытом и поддержкой России, а также других стран с высоким уровнем развития системы антитеррористической безопасности.

У России и Индии достаточно продуктивно развивается сотрудничество в сфере борьбы с терроризмом, одной из важнейших основ чего выступает очищенность отношений двух стран от геополитических противоречий, чего нельзя сказать о российско-западных отношениях. Оба государства проявляют высокую степень солидарности по большинству вопросов, относящихся к антитеррористической деятельности благодаря тому, что террористическая угроза, проистекающая из радикального исламизма, является для обеих стран насущной проблемой. Оба государства располагают значительным опытом борьбы с данной угрозой, которым они готовы делиться друг с другом.

Существенно сотрудничество России и Индии в сфере борьбы с терроризмом укрепляется за счет наличия ряда многосторонних платформ, где оба государства могут совместно заниматься развитием дискуссии по рассматриваемым проблемам. ШОС и БРИКС входят в перечень структур, на повестке дня которых стоят проблемы антитеррористической безопасности.

В то же время, потенциал дальнейшего углубления диалога в данной области сильно ограничивается сохраняющимися противоречиями между Индией и Пакистаном, а также Индией и Китаем. Эти противоречия, в частности, не позволяют выработать единообразный подход к определению того, какие лица и организации могут быть причислены к субъектам террористической деятельности.

Поскольку данные конфликтные ситуации не разрешаются сами по себе, требуется более широкое вовлечение России, дружественные отношения которой со спорящими странами могут стать хорошим подспорьем для ее посредничества в сглаживании их конфликтов. Эта задача важна и для самой России, поскольку если рассматриваемые противоречия будут сохраняться, имеющиеся многосторонние платформы не смогут использовать все необходимые ресурсы для борьбы с терроризмом, а потому искоренить его будет невозможно. Это негативно скажется не только на международной, но и на собственной, российской безопасности.

7. Кратко проанализирован еще один пример государства, формирующего единое пространство антитеррористической безопасности в Большой Евразии – Китая. Другие государства, имеющие близость взглядов на преодоление проблемы терроризма со странами Малой Евразии, можно рассматривать в качестве участников формирующейся системы антитеррористической безопасности на большом евразийском пространстве. Китай явно демонстрирует свою вхожесть в спектр государств – участников рассматриваемого РКБ по многим параметрам, включая членство в ШОС, отведение ООН роли центрального координатора международной антитеррористической активности, стремление к сотрудничеству с другими странами евразийского пространства в сфере борьбы с терроризмом (в т.ч. в рамках ОПОП и приграничного сотрудничества).

8. Проанализирована политика Израиля по борьбе с международным терроризмом как пример отклоняющегося поведения в контексте большой евразийской системы безопасности. Израиль географически относится к евразийскому пространству, но в предлагаемый в настоящем исследовании РКБ включен быть не может, поскольку его взгляды на борьбу с терроризмом сильно отличаются от государств, формирующих единую систему безопасности по линии Глобального Юга. Израиль скорее будет отнесен к евроатлантической системе безопасности.

В частности, это наблюдается в сфере палестинской проблематики, которая для Израиля выступает основной причиной террористических угроз. Израиль в союзничестве с США придерживается Всеобъемлющего плана по прекращению конфликта в секторе Газа, первая фаза которого была согласована в октябре 2025 года. Она обеспечила режим прекращения огня, освобождение последних израильских заложников в обмен на палестинских заключенных и частичный вывод войск ЦАХАЛ. Вторая фаза плана требует полного разоружения ХАМАС и уничтожения его военной инфраструктуры,

превращая анклав в «зону, свободную от террора». Можно заметить, что подобный подход соответствует израильским интересам, что вступает в противоречие с политикой представленного в настоящем исследовании евразийского сообщества, требующего более взвешенного подхода к урегулированию международных конфликтов и учета интереса различных сторон.

9. Определены практические пути использования концептуального инструментария РКБ для укрепления национальной безопасности Российской Федерации. В целом использование в диссертации теоретического инструментария концепции региональных комплексов безопасности для анализа процессов международного сотрудничества по борьбе с терроризмом в рамках как Малой, так и Большой Евразии показало свою методологическую значимость и практическую эффективность для решения научной задачи, имеющей существенное значение для развития соответствующей отрасли знаний в международно-политических науках и в исследованиях международной безопасности. Поскольку для России проблема терроризма является одним из основных вызовов национальной безопасности, то предлагаемые в диссертации решения и разработки по укреплению формирующегося РКБ по борьбе с терроризмом на евразийском пространстве могут иметь существенное значение для развития страны.

БИБЛИОГРАФИЯ

ИСТОЧНИКИ:

Международные договоры и иные международные документы:

1. Декларация глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества (06.10.2003). URL: https://www.fmprc.gov.cn/rus/zl/ce_ceml_chn/hcf/200306/t20030610_878908.html (дата обращения: 19.05.2025)

2. Декларация лидеров «Группы двадцати» от 01.12.2018. URL: http://www.kremlin.ru/supplement/5373 (дата обращения: 19.05.2025)

3. Декларация о создании «Шанхайской организации сотрудничества» (Шанхай, 15.06.2001). URL: https://rus.sectsco.org/20010615/1608450.html (дата обращения: 25.03.2025)

4. Договор о коллективной безопасности (г. Ташкент, 15.05.1992) // Бюллетень международных договоров. 2002. № 12.

5. Договор о сотрудничестве государств – участников Содружества Независимых Государств в борьбе с терроризмом (г. Минск, 04.06.1999) // Бюллетень международных договоров. 2006. № 9.

6. Итоговая декларация X саммита БРИКС (Йоханнесбургская декларация) (г. Йоханнесбург, ЮАР, 26.07.2018). URL: https://www.nkibrics.ru/pages/summit-docs (дата обращения: 19.05.2025)

7. Итоговая декларация IX саммита БРИКС (Сямэньская декларация) (г. Сямэнь, Китай, 04.09.2017). URL: https://www.nkibrics.ru/pages/summit-docs (дата обращения: 19.05.2025)

8. Итоговая декларация VIII саммита БРИКС (Декларация Гоа) (Гоа, Индия, 16.10.2016). URL: https://www.nkibrics.ru/pages/summit-docs (дата обращения: 19.05.2025)

9. Концепция сотрудничества государств – членов Шанхайской организации сотрудничества в борьбе с терроризмом, сепаратизмом

и экстремизмом от 05.07.2005. URL: http://www.kremlin.ru/supplement/3667 (дата обращения: 26.03.2025)

10. Международная конвенция о борьбе с актами ядерного терроризма (Принята резолюцией 59/290 Генеральной Ассамблеи от 13.04.2005) // Бюллетень международных договоров. 2008. № 12.

11. Меморандум о взаимопонимании между Секретариатом Организации Договора о коллективной безопасности и Исполнительным директоратом Контртеррористического комитета Организации Объединенных Наций (21.09.2016). URL: https://antiterror.odkb-csto.org/int_organizations/un/memorandum-o-vzaimoponimanii-mezhdu-sekretariatom-odkb-i-id-ktk-oon/#loaded (дата обращения: 06.04.2026)

12. Модельный закон о противодействии терроризму (Принят в г. Санкт-Петербурге 03.12.2009 Постановлением 33-18 на 33-ем пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ) // Информационный бюллетень. Межпарламентская Ассамблея государств-участников Содружества Независимых Государств. 2010. № 46. С. 256-283.

13. Положение об Антитеррористическом центре государств-участников Содружества Независимых Государств. URL: https://www.cisatc.org/189 (дата обращения: 14.03.2025)

14. Программа сотрудничества государств – участников Содружества Независимых Государств в сфере противодействия терроризму и экстремизму на 2026 – 2028 годы. URL: https://eccis.org/news/30907/glavy_gosudarstv_sng_utverdili_programmu_sotrudnichestva_v_sfere_protivodejstvija_terrorizmu_i_ekstremizmu (дата обращения: 06.04.2026)

15. Проект Всеобъемлющей конвенции по международному терроризму [Рабочий документ] // Организация Объединенных Наций и борьба с международным терроризмом: сборник документов. – М.: Совет

Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, 2006. – С. 174-189.

16. Проект Договора о европейской безопасности. URL: https://mid.ru/ru/press_service/journalist_help/mass_media/825759 (дата обращения: 13.08.2025)

17. Протокол об утверждении Положения о порядке организации и проведения совместных антитеррористических мероприятий на территориях государств – участников Содружества Независимых Государств (Кишинев, 07.10.2002) // Бюллетень международных договоров. 2004. № 10.

18. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 45/121 «Восьмой Конгресс Организации Объединенных Наций по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями» // Нью-Йорк: 45-я сессия Генеральной Ассамблеи ООН. 14.12.1990. С. 304-307.

19. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 60/288 от 08.09.2006 «Глобальная контртеррористическая стратегия Организации Объединенных Наций» // Нью-Йорк: ООН, 08.09.2006.

20. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 71/291 от 15.06.2017 «Укрепление потенциала системы Организации Объединенных Наций по оказанию государствам- членам поддержки в осуществлении Глобальной контртеррористической стратегии Организации Объединенных Наций» // Нью-Йорк: ООН, 19.06.2017. 2 с.

21. Резолюция Совета Безопасности ООН 1373 (2001) от 28.09.2001 «Об угрозах международному миру и безопасности, вызванных террористическими актами» // Нью-Йорк: ООН, 28.09.2001. 4 с.

22. Резолюция Совета Безопасности ООН 1535 (2004) от 26.03.2004 «О возрождении Комитета Совета Безопасности, созданного в соответствии с резолюцией 1373 (2001), касающегося борьбы с терроризмом» // Нью-Йорк: ООН, 26.03.2004. 3 с.

23. Резолюция Совета Безопасности ООН 1540 (2004) от 28.04.2004 «О нераспространении ядерного, химического и биологического оружия» // Нью-Йорк: ООН, 28.04.2004. 4 с.

24. Решение о Бюро по координации борьбы с организованной преступностью и иными опасными видами преступлений на территории Содружества Независимых Государств (Москва, 24.09.1993) // Содружество. 1993. № 4. С. 173.

25. Решение о Совете министров внутренних дел государств-участников Содружества Независимых Государств (Москва, 19.01.1996) // Содружество. 19.01.1996. № 1. С. 89.

26. Решение о Совете руководителей органов безопасности и специальных служб государств – участников Содружества Независимых Государств (Москва, 28 марта 1997 г.) URL: https://base.garant.ru/1148017/ (дата обращения: 25.03.2025)

27. Решение Совета глав государств СНГ от 14.10.2022 «О Программе сотрудничества государств – участников Содружества Независимых Государств в борьбе с терроризмом и экстремизмом на 2023–2025 годы». URL: https://cis.minsk.by/reestrv2/doc/6632#text (дата обращения: 14.03.2025)

28. Решение Совета глав государств СНГ от 21 июня 2000 года «О создании Антитеррористического центра государств – участников Содружества Независимых Государств». URL: https://www.cisatc.org/188 (дата обращения: 14.03.2025)

29. Решение Совета глав государств Содружества Независимых Государств «О Концепции сотрудничества государств-участников Содружества Независимых Государств в борьбе с терроризмом и иными насильственными проявлениями экстремизма» (г. Казань, 26.08.2005). URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=9442 (дата обращения: 14.03.2025)

30. Соглашение между государствами – членами Шанхайской организации сотрудничества о Региональной антитеррористической структуре

(г. Санкт-Петербург, 07.06.2002) (с изм. от 16.08.2007) // Бюллетень международных договоров. 2005. № 3.

31. Сорок рекомендаций FATF от 20.06.2003 // Международно-правовые основы борьбы с коррупцией и отмыванием преступных доходов: сборник документов. – М.: ИНФРА-М, 2004.

32. Специальные Рекомендации по предотвращению финансирования терроризма от 22.10.2004 // Группа разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег, 2004. 4 с.

33. Устав Организации Договора о коллективной безопасности (Совершено в г. Кишиневе, 07.09.2002) // Бюллетень международных договоров. 2004. № 3.

34. Устав Организации Объединенных Наций (Принят в г. Сан-Франциско 26.06.1945) // Действующее международное право. Т. 1. – М.: Московский независимый институт международного права, 1996. – С. 7-33.

35. Хартия Шанхайской организации сотрудничества (Санкт-Петербург, 07.06.2002) // Бюллетень международных договоров. 2007. № 1.

36. Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (г. Шанхай, 15.06.2001) // Бюллетень международных договоров. 2004. № 1.

Нормативные правовые акты России:

37. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 17.06.1996. № 25. Ст. 2954.

38. Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» // Собрание законодательства РФ. 13.03.2006. № 11. Ст. 1146.

39. Федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» // Собрание законодательства РФ. 13.08.2001. № 33 (I). Ст. 3418.

40. Указ Президента РФ от 15.02.2006 № 116 «О мерах по противодействию терроризму» // Собрание законодательства РФ. 20.02.2006. № 8. Ст. 897.

Иные документы:

41. Выступление Генерального секретаря ОДКБ И. Тасмагамбетова на заседании Совета Парламентской Ассамблеи ОДКБ в Минске 18 мая 2023 года «О реализации решений ноябрьской (2022 года) сессии СКБ ОДКБ и обстановке, складывающейся в зоне ответственности ОДКБ» // Организация Договора о коллективной безопасности. 18.05.2023. URL: https://odkb-csto.org/news/speech/vystuplenie-generalnogo-sekretarya-odkb-i-tasmagambetova-na-zasedanii-soveta-parlamentskoy-assamblei/#loaded (дата обращения: 06.04.2026)

42. Послание Президента Федеральному Собранию // Официальный сайт Президента России. 29.02.2024. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/73585 (дата обращения: 09.02.2026)

43. Anti-Money Laundering Law of the People’s Republic of China. URL: http://www.npc.gov.cn/zgrdw//englishnpc/Law/2008-01/02/content_1388022.htm (дата обращения: 06.04.2026)

44. Anti-Terror (Counter-Terrorism) Law of Israel (2016). URL: https://www.adalah.org/en/law/view/598 (дата обращения: 18.01.2026)

45. Bharatiya Nyaya Sanhita, 2023 (India). URL: https://www.indiacode.nic.in/handle/123456789/20062 (дата обращения: 18.01.2026).

46. China’s Legal Framework and Measures for Counterterrorism. URL: http://www.scio.gov.cn/zfbps/zfbps_2279/202401/t20240123_829679.html (дата обращения: 06.04.2026)

47. Combating Criminal Organizations Law of Israel (2003). URL: https://www.unodc.org/cld/uploads/res/document/isr/combating_criminal_organizations_law_57632003_html/Israel_Combating_Criminal_Organizations_law_2003.pdf (дата обращения: 18.02.2026)

48. Constitution of India of 26.01.1950. URL: https://www.xn--i1bj3fqcyde.xn--11b7cb3a6a.xn--h2brj9c/my-government/constitution-india (дата обращения: 19.05.2025)

49. Constitution of the People’s Republic of China. URL: https://english.www.gov.cn/archive/lawsregulations/201911/20/content_WS5ed8856ec6d0b3f0e9499913.html (дата обращения: 06.04.2026)

50. Counterterrorism Law of the People’s Republic of China. URL: https://npcobserver.com/legislation/counterterrorism-law/ (дата обращения: 06.04.2026)

51. Criminal Law of the People’s Republic of China. URL: https://www.chinalawtranslate.com/en/criminal-law-2021/ (дата обращения: 06.04.2026)

52. Cybersecurity Law of the People’s Republic of China. URL: https://www.chinalawtranslate.com/en/22075-2/ (дата обращения: 06.04.2026)

53. Declaration of Jihad against the West and Israel (February 23, 1998). URL: https://irp.fas.org/world/para/docs/980223-fatwa.htm (дата обращения: 19.02.2025)

54. Declaration of War against the Americans Occupying the Land of the Two Holy Places (August 23, 1996). URL: https://is.muni.cz/el/1423/jaro2010/MVZ203/OBL___AQ__Fatwa_1996.pdf (дата обращения: 19.02.2025)

55. Defence (Emergency) Regulations of Israel (1945). URL: https://ecf.org.il/issues/issue/1471 (дата обращения: 18.02.2026)

56. Letter to the American People (2002). URL: https://www.dni.gov/files/documents/ubl/english/Letter%20to%20the%20American%20people.pdf (дата обращения: 19.02.2025)

57. National Investigation Agency Act, 2008 (India). URL: https://www.indiacode.nic.in/handle/123456789/2054 (дата обращения: 18.01.2026)

58. National Security Act, 1980 (India). URL: https://www.indiacode.nic.in/handle/123456789/1758 (дата обращения: 18.01.2026)

59. National Security Law of the People’s Republic of China. URL: https://www.chinalawtranslate.com/en/2015nsl/ (дата обращения: 06.04.2026)

60. Prevention of Money-Laundering Act, 2002 (India). URL: https://indiacode.nic.in/handle/123456789/2036 (дата обращения: 18.01.2026)

61. Prevention of Terrorism Ordinance of Israel (1948). URL: https://www.gov.il/en/pages/prevention-of-terrorism-ordinance-no-33-of-5708-1948 (дата обращения: 18.02.2026)

62. Prohibition on Terrorist Financing Law of Israel (2004). URL: http://menarights.org/sites/default/files/2016-11/IL_Law_Terrorist_Financing_Law_2004_EN.pdf (дата обращения: 18.02.2026)

63. Statement by Noam Cappon «Check against Delivery: Measures to Eliminate International Terrorism» [Agenda Item 109]. – New York: United Nations (Sixth Committee), 02.10.2023. – 7 p.

64. Unlawful Activities (Prevention) Act, 1967 (India). URL: https://www.indiacode.nic.in/handle/123456789/1470 (дата обращения: 18.01.2026

ЛИТЕРАТУРА:

Отдельные издания и монографии:

65. Абашин С.Н., Бабаджанов Б.М., Германов В.А., Иванов В.А., Мухаметшин Ф.М., Шигабдинов Р.Н. Россия – Средняя Азия. Т. 2: Политика и ислам в XX – начале XXI вв. – М.: Ленанд, 2011. – С. 241.

66. Агапов П.А., Михайлов К.В. Уголовная ответственность за содействие террористической деятельности: тенденции современной уголовной политики. – Саратов: СЮИ МВД России, 2007. – с. 19.

67. Агафонов Г.Д., Болятко А.В. Взаимодействие России с Китаем и другими партнерами по Шанхайской организации сотрудничества. – М.: ИДВ РАН, 2008. – С. 57 (180 с.)

68. Багдасарян В.Э., Сулакшин С.С. Современный фашизм: новые облики и проявления. – М.: Наука и политика, 2017. – С. 121.

69. Богатуров А.Д., Косолапов Н.А., Хрусталев М.А. Очерки теории и политического анализа международных отношений. – М., 2002. – 380 с.

70. Дугин А. Г. Геополитика постмодерна. Времена новых империй. Очерки геополитики XXI века / Александр Дугин. — СПб.: Амфора. ТИД Амфора, 2007. - 382 с.

71. Дикаев С.У. Террор, терроризм и преступления террористического характера (криминологическое и уголовно-правовое исследование). – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2006. – С. 9.

72. Емельянов В.П. Терроризм и преступления террористической направленности. – Харьков: Рубикон, 1997. – 176 с.

73. Звягельская И.Д. Ближний Восток и Центральная Азия: глобальные тренды в региональном исполнении. – М.: Аспект пресс, 2018. – 224 с.

74. Ильинский И.М. О терроре и терроризме. – М.: МГСА, 2001. – 76 с.

75. Казанцев А.А., Гусев Л.Ю. Угроза религиозного экстремизма на постсоветском пространстве. – М.: Центр изучения перспектив интеграции, 2017. – 80 с.

76. Ключников Б.Ф. Исламизм, США и Европа: Война объявлена! / Москва: ЭКСМО: Алгоритм, 2003 – 316 с.

77. Кожушко Е.П. Современный терроризм: анализ основных направлений. – Минск: Харвест, 2000. – С. 20.

78. Комиссина И.Н., Куртов А.А. Шанхайская организация сотрудничества // Россия в Азии: проблемы взаимодействия / под ред. К.А. Кокарева. – М.: РИСИ, 2006. – С. 252 (С. 251-316).

79. В.И. Кривохижа Борьба с терроризмом: перспективы сотрудничества России и Запада / / Василий Кривохижа; Фонд "Мосты Восток-Запад". — Москва, 2002. — 40 с.

80. Лебедева М.М. Современные тенденции развития транснациональных участников мировой политики // Негосударственные участники мировой политики / под ред. М.М. Лебедевой и М.В. Харкевича. – М.: Изд-во МГИМО, 2013. – С. 8-18.

81. Луценко В.В. Антибомбинг - гражданские технологии противодействия бомбовому терроризму / Ассоц. СтелЛс. - Москва: Шумилова, 2000. – 150 с.

82. Ляхов Е.Г. Политика терроризма – политика насилия и агрессии. – М.: Международные отношения, 1987. – 185 с.

83. Малашенко А.В. Исламская альтернатива и исламистский проект. М.: Издательство «Весь Мир», 2006. 221с

84. Международное право: учебник для академического бакалавриата / под ред. А.Н. Вылегжанина. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2014. – С. 751.

85. Михеев И.Р. Терроризм: понятие, ответственность, предупреждение. – М.: Право, 2013. – С. 36.

86. Морозов И.Н. Технологии против терроризма / Игорь Морозов. - Москва: ОЛМА-ПРЕСС, 2003 (ПФ Красный пролетарий). – 253 с.

87. Никитин А.И. Конфликты, терроризм, миротворчество / А.И. Никитин; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (Ун-т) МИД России, Проект сотрудничества МГИМО - БиПи. — Москва: Navona, 2009. — 231 с. табл.

88. Ольшанский Д.В. Психология терроризма / СПб.: Питер, 2002. - 286 с.

89. Поляков К.И. Исламский экстремизм в Центральной Азии. – М.: Институт востоковедения РАН, 2014. – С. 5.

90. Противодействие терроризму в Российской Федерации: сборник учебных материалов. – М.: Аппарат Национального антитеррористического комитета, 2019. – с. 79 (201 с.)

91. Путилин Б.Г. Международный терроризм: истоки, проблемы, противодействия / 2-е изд. - Москва: Рус. слово, 2008. – 150 с.

92. Россия и Запад после 11 сентября / под ред. Д.А. Данилова и А.Л. Мошеса – М.: Институт Европы, 2002.

93. Синякин И.И., Скуратова А.Ю. Международное уголовное право: учебное пособие / под ред. А.Н. Вылегжанина. – М.: Проспект, 2021. – С. 250.

94. Содействие развитию государств Центральной Азии: стратегические горизонты российского участия: рабочая тетрадь / под ред. И.С. Иванова. – М.: Спецкнига, 2013. – С. 11.

95. Соловьев Э.Г. Трансформация террористических организаций в условиях глобализации. – М.: Букинист, 2006. – 56 с.

96. Терроризм: борьба и проблемы противодействия: учеб. пособие для студентов юрид. вузов / [С. Я. Казанцев и др.]; под ред. В. Я. Кикотя. - Москва: ЮНИТИ: Закон и право, 2004. - 592 с.

97. Терроризм в современном мире: истоки, сущность, направления и угрозы / отв. ред. В.В. Витюк, Э.А. Паин. – М.: Институт социологии РАН, 2003. – 358 с.

98. Устинов В.В. Обвиняется терроризм / - Москва: ОЛМА-Пресс, 2002 (ПФ Красный пролетарий). – 412 с.

99. Хлебушкин А.Г. Экстремизм: уголовно-правовой и уголовно-политический анализ / отв. ред. Н.А. Лопашенко. – Саратов: СЮИ МВД России, 2007. – С. 44.

100. Шульц В.Л. Терроризм в современном мире: [монография] / [В. Л. Шульц и др.]; науч. ред.: Ю. М. Антонян, В. Л. Шульц Российская акад. наук, Центр исслед. проблем безопасности, Общественно-консультативный совет по проблемам борьбы с международным терроризмом. - Москва: Наука, 2008. - 358, [1] с.

101. Эфиров С.А. Терроризм и перспективы социального согласия: новый формат проблемы // Терроризм в современном мире: истоки, сущность, направления и угрозы. М.: Изд. Институт социологии РАН, 2003. –358с.

102. Юнусов А.С. Исламская палитра Азербайджана. – Баку: Адильоглы, 2012. – С. 22.

103. A Case for Intelligence Reforms in India, IDSA Task Force Report. – New Delhi: Institute for Defence Studies and Analyses, 2012. – P. 22.

104. Ahmed S., Potter D.M. NGOs in International Politics. – Bloomfield: Kumarian Press Inc., 2006. – 272 p.

105. Arquilla J., Ronfeldt D. Networks and Netwars. The Future of Terror, Crime and Militancy. – Santa Monica, 2001. – 352 p.

106. Buzan B, Wæver O. Regions and Powers: The Structure of International Security. – Cambridge: Cambridge University Press, 2003. – P. 44.

107. Buzan B. People, States and Fear: The National Security Problem in International Relations. – Chapel Hill: The University of North Carolina Press, 1983. – P. 200 (262 p.)

108. Chari P.R. National Counter Terrorism Centre for India: Understanding the Debate. IPCS Issue Brief 181. – New Delhi: Institute of Peace and Conflict Studies, 2012. – 4 p.

109. Crenshaw M. Terrorism, Legitimacy and Power. Middletown, CT: Wesleyan University Press, 1983.

110. Cronin A.K. How terrorism ends: understanding the decline and demise of terrorist campaigns /- Princeton, N. J. Oxford: Princeton univ. press, cop. 2009. - XVI, 311, [2] c.

111. Geeraerts G., Mellentin A. Analyzing Non-State Actors in World Politics: A Conceptual Approach. – Centrum voor Polemologie, 1994. – 36 p.

112. Grosscup B. The Explosion of Terrorism. – Far Hills, NJ: New Horizons, 1987. – P. 78.

113. Heilbronner K. Rechtsfragen der internationalen Terrorismusbekämpfung // Schweizerisches Jahrbuch für internationales Recht: Annuaire Suisse de droit international. – Schulthess Juristische Medien, 1991. – P. 25.

114. Hoffman B. Holy Terror: The Implications of Terrorism Motivated by a Religious Imperative. – RAND Corporation, 1993. – P. 2.

115. Hualing F. Responses to Terrorism in China // Global Anti-Terrorism Law and Policy / ed. by V.V. Ramraj, M. Hor, G. Williams. – 2nd ed. – Cambridge: Cambridge University Press, 2012. – P. 344 (P. 334-356).

116. Josselin D., Wallace W. Non-State Actors in World Politics. – N.Y.: Palgrave Macmillan, 2001. – 307 p.

117. Kfir I. Israel’s approach to counter-terrorism // Handbook of Terrorism and Counter Terrorism Post 9/11 / ed. by D.M. Jones, P. Schulte, C. Ungerer, M.L.R. Smith. – Edward Elgar Publishing, 2019. – P. 227-239.

118. Laqueur W. The Age of Terrorism. – Boston: Little Brown and Company, 1987. – P. 97.

119. Mulaj K. Violent Non-State Actors in World Politics. – Columbia: Hurst, 2010. – 504 p.

120. North D. Institutions, Institutional Change and Economic Performance. – New York: Cambridge University Press, 1990. – 159 p.

121. Paul A. Dependency theory // The Encyclopedia of Empire / ed. by J. Mackenzie. – Wiley-Blackwell, 2016. – 2608 p.

122. Plater-Zyberk H., Monaghan A. Strategic Implications of the Evolving Shanghai Cooperation Organization. – Carlisle, PA: Strategic Studies Institute, 2014. – 78 p.

123. Renalda B. The Ashgate Research Companion to Non-State Actors. – Burlington: Ashgate, 2011. – 596 p.

124. Risse T. Transnational Actors and World Politics // Carsnaes W., Risse T., Simmons B.A. Handbook of International Relations / ed. by W. Carlsnaes, T. Risse, B.A. Simmons. – London: Sage, 2002. – P. 255-254.

125. Rosenau J.N., Czempiel E.-O. Governance without Government: Order and Change in World Politics. – Cambridge University Press, 1992. – 324 p.

126. Saul B. Defining Terrorism in International Law. – Oxford: Oxford University Press, 2008. – P. 316.

127. Schmid A.P., Jongman A.J. Political Terrorism: A Research Guide to Concepts, Theories, Data Bases and Literature. – New Brunswick, CT: Transaction Publishers, 1983. – P. 124.

128. Schreier F.R. Combating Terrorism and Its Implications for Intelligence // Combating Terrorism and Its Implications for the Security Sector / ed. by T.H. Winkler, A.H. Ebnöther, M.B. Hansson. – Stockholm: Swedish National Defence College, 2005. – P. 158 (P. 129-166).

129. Slaughter A.-M. A New Order. – Princeton and Oxford, 2004. – 368 p.

130. Terrorism, Legitimacy, and Power: The Consequences of Political Violence / ed. by M. Crenshaw. – Middletown, CT: Wesleyan University Press, 1983. – P. 107.

131. Wilkinson P. Terrorism and the liberal state / Paul Wilkinson. - London; Basingstoke: Macmillan press, 1977. - XIV, 257 c.

132. Willets P. Transnational Actors and International Organizations in Global Politics // The Globalization of World Politics: An Introduction to

International Relations / ed. by J. Baylis, S. Smith, P. Owens. – 8th ed. – Oxford: Oxford University Press, 2020. – 648 p.

133. Xiaodong Z. The Shanghai Cooperation Organization and Counter-Terrorism Cooperation: Asia Paper / ed. by B. Edström, E. Brennan. – Stockholm: Institute for Security and Development Policy, 2012. – 27 p.

134. Young O.R. The Actors in World Politics // The Analysis of International Politics / ed. by J.N. Rosenau, V. Davis, M.A. East. – New York: The Free Press, 1972. – P. 125-144.

135. Zhou Z. 'Fighting Terrorism According to Law': China's Legal Efforts against Terrorism // Terrorism and Counter-Terrorism in China: Domestic and Foreign Policy Dimensions / ed. by M. Clarke. – Oxford: Oxford University Press, 2018. – P. 75 (P. 75-98).

Научные статьи:

136. Алешин В.В. Нормативно-правовые основы антитеррористического сотрудничества в рамках СНГ, ОДКБ и ШОС // Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право. 2018. № 4 (17). С. 23 (С. 22-31).

137. Алиев Н.Т., Романова В.В. ОДКБ: проблемы и перспективы // Материалы XII Международной студенческой научной конференции «Студенческий научный форум», 2020. С. 3 (С. 1-9).

138. Аманбаева Д., Айдарбекова А., Сатырвалдиева А.Ч., Рахимов К.Х. Роль ОДКБ в противодействии терроризму // Постсоветские исследования. 2023. Т. 6. № 6. С. 674-684.

139. Асатрян Л.А. Режимы безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе // Регион и мир. 2019. № 6. С. 42 (С. 38-43).

140. Базаркина Д.Ю. Угроза терроризма в современном мире: коммуникационный аспект // Медиа. Информация. Коммуникация. 2012. № 3. С. 10 (С. 10-12).

141. Базылева С.П., Черненко С.Ф. Сотрудничество Узбекистана и России как стабилизирующий фактор на евразийском пространстве // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2016. Т. 16. № 3. С. 509 (С. 505-520).

142. Баранов А.Ю. Треугольник США – РФ – КНР и ШОС // Азия и Африка сегодня. 2009. № 9. С. 57-59.

143. Баранов А.Ю. Шанхайская организация сотрудничества: долгосрочные перспективы роста // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2009. № 2 (16). С. 151.

144. Богатуров А.Д. Между силой и влиянием государств // Сравнительная политика. – 2017. – № 1. – С. 44-57.

145. Болятко А.В. Шанхайская организация сотрудничества: к новым рубежам развития // Шанхайская организация сотрудничества: к новым рубежам развития: материалы круглого стола. – М.: ИДВ РАН, 2008. – С. 12-41.

146. Бондуровский В.В. Модельное законодательство СНГ и ОДКБ в сфере противодействия международному терроризму: состояние и направления совершенствования // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2016. No 1 (19). С. 58 (С. 57-63).

147. Будницкий О.В. Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX – начало XX века). М.: РОССПЭН, 2016. 383 с.

148. Бурганова И.Н. Террористические организации (на примере ИГ) и государство как акторы системы международных отношений: сравнительный анализ // PolitBook. 2018. № 4. С. 135-143.

149. Варфоломеев А.А., Чумаков В.А. О сетевых идеях и неформальных акторах в современной мировой политике и международной безопасности // Право и безопасность. 2009. № 2 (31). С. 77-84.

150. Васецкая Н.О. Программно-целевое управление как инструмент финансовой реализации федеральных целевых программ // Экономика науки. 2019. № 3. С. 160-169.

151. Василенко В.И. Терроризм как социально-политический феномен (монография) - М.: Изд-во РАГС, 2002. 218 с.

152. Васильев Л.Е. О некоторых аспектах борьбы Китая с силами «трех зол» // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2018. № 23. С. 92-106.

153. Веселовский С.С. Многостороннее сотрудничество в борьбе с транснациональным терроризмом. М.: Навона, 2009. 272 с.

154. Волеводз А.Г. Международно-правовая криминализация международного терроризма // Вестник МГИМО-Университета. - 2014. - №2. - С. 150 – 160.

155. Волжанин Д.А., Дубков Н.С., Серикбаева А.Д. Террористические организации как политические акторы // Теории и проблемы политических исследований. 2022. Т. 11. № 5А. С. 126.

156. Гаврилюк С.А. Современный терроризм и обеспечение безопасности стран СНГ на постсоветском пространстве // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2014. № 7 (29). С. 30.

157. Гайдаев О.С. Теория секьюритизации, или хорошо забытое старое: к вопросу о теоретико-философских истоках и зарождении теории // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2021. № 1. С. 29 (С. 20-32).

158. Галицкая Н.В. Правовые аспекты антитеррористической безопасности: опыт современного Китая // Административное и муниципальное право. 2022. № 3. С. 34-46.

159. Галлямова Д.А., Аминов И.Р. Роль ШОС в международной безопасности // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. № 12-1. С. 80 (С. 79-81).

160. Гаухман Л.Д. Уголовно-правовая борьба с терроризмом // Законность. 2001. № 5. С. 5-6.

161. Герасименко Т.В. Понятие и признаки терроризма // Закон и армия. Военно-правовая газета. 2005. № 8. С. 22-27.

162. Голованова Л.А. Программный подход к управлению рынком труда в регионе // Вестник ТОГУ. 2022. № 2 (65). С. 80 (С. 77-86).

163. Гусев Л.Ю. Борьба с терроризмом и экстремизмом в центральноазиатских странах – членах ШОС // Международная аналитика. 2016. № 4 (18). С. 68.

164. Гусев Л.Ю., Тихова В.В. Вызовы безопасности на постсоветском пространстве // Обозреватель – Observer. 2019. № 1. С. 77.

165. До Ч. Международное сотрудничество Китая в борьбе с терроризмом // Теории и проблемы политических исследований. 2019. Т. 8. № 1А. С. 273-281.

166. Дядькова В.С., Ефременкова А.Е., Зейналова С.В. Противодействие терроризму на постсоветском пространстве в рамках СНГ, ШОС и ОДКБ: сравнительный анализ программных документов // Постсоветские исследования. 2024. № 6 (7). С. 642 (639-650).

167. Захаров В.М. Возможная роль России и ОДКБ в разблокировании коммуникационных путей в Закавказье // 21-й век. 2012. № 5 (25). С. 27-52.

168. Захаров В.М. Состояние и перспективы развития Организации Договора о коллективной безопасности // Проблемы национальной стратегии. 2012. № 3. С. 84-97.

169. Зимонин В.П. Шанхайская организация сотрудничества и евразийское измерение безопасности // Шанхайская организация сотрудничества: к новым рубежам развития: материалы круглого стола. – М.: ИДВ РАН, 2008. – С. 198-199.

170. Змеевский А.В., Тарабрин В.Е. Терроризм. Нужны скоординированные усилия мирового сообщества // Международная жизнь. 1996. № 4. С. 14.

171. Игнатенко А.А. От Филиппин до Косова: исламизм как глобальный дестабилизирующий фактор // Ислам и политика: сборник статей. – М.: Институт религии и политики, 2004. – С. 46.

172. Игнатенко А.А. Эндогенный радикализм в исламе // Центральная Азия и Кавказ. 2000. № 2(8). С. 126-127.

173. Игнатенко А.Г. Терроризм: взгляд в будущее // Обозреватель – Observer. 2012. № 7. С. 31.

174. Ильинский И.М. Между прошлым и будущим // Альма Матер. 2006. № 4. С. 35-44.

175. Казанцев В.Е. Политика Китая по противодействию идеологии терроризма и профилактике экстремизма // Инновационный потенциал молодежи: культура, духовность и нравственность: материалы Международной молодежной научно-исследовательской конференции / под ред. А.В. Пономарева. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2019. – С. 158-161.

176. Каландаршоев Г.А. Роль и место Шанхайской организации сотрудничества в системе международных отношений // Молодой ученый. 2020. № 48 (338). С. 109 (С. 108-110).

177. Каримов Р.Р., Каримова Г.Ю. Противодействие терроризму в рамках СНГ: нормативные и институциональные аспекты // Человек: преступление и наказание. 2016. № (93). С. 66 (С. 65-68).

178. Каура В. Индийская политика борьбы против джихадистского террора: вызовы и перспективы // Connections QJ. 2017. Т. 16. № 4. С. 59 (С. 57-76).

179. Кириченко А.А. К вопросу о понятии терроризма // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 332. С. 105.

180. Кокошина З.А. Роль Шанхайской организации сотрудничества в противодействии терроризму и экстремизму на постсоветском пространстве // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2017. № 4. С. 100.

181. Кольтюков А.А. Влияние Шанхайской организация сотрудничества на развитие и безопасность Центрально-Азиатского региона // Шанхайская организация сотрудничества: к новым рубежам развития: материалы круглого стола. – М.: ИДВ РАН, 2008. – С. 259 (С. 257-258).

182. Кривов С.В., Баранова Т.В., Старкин С.В., Рахманов Н.В. Террористические организации как гибридные акторы международно-политического процесса: новый вызов трансатлантическому сообществу // Международные отношения. 2022. № 2. С. 57-69.

183. Кудряшова И.В. Религиозный терроризм: Концептуальные проблемы политического анализа // Политическая наука. – М., 2018. – No 4. – С. 54–68.

184. Кузнецов А.П., Маршакова Н.Н. Международный терроризм в условиях глобализации // Юридический мир. 2010. № 9. С. 8-13.

185. Кузьмина В.М., Молодова А.С. Роль России в борьбе с международным терроризмом // Актуальные проблемы международных отношений в условиях формирования мультиполярного мира: сборник научных статей 8-й Международной научно-практической конференции. – Курск: ЮЗГУ, 2019. – С. 187 (С. 187-189).

186. Куклина И.Н. Мировой терроризм и международные структуры обеспечения безопасности // Мировая экономика и международные отношения. - 1968. - №1. - С. 25-33.

187. Кулага М.В. Противодействие терроризму в рамках работы ШОС // Восточная Азия: прошлое, настоящее, будущее. 2021. № 6. С. 67 (С. 61-71).

188. Курылев К.М., Курбанов Р.М. Понятие «международный терроризм» согласно конструктивистской школе международных отношений // Журнал политических исследований. 2019. С. 87.

189. Лакер У. Терроризм эпохи постмодернизма // США-ЭПИ. 1997. № 2. С. 83.

190. Лебедева М.М. Акторы современной мировой политики: тренды развития // Вестник МГИМО-Университета. 2013. № 1 (28). С. 38-42.

191. Ли В.Н. Сотрудничество России и Китая в сфере противодействия международному терроризму как фактор обеспечения международной стабильности // Международные отношения. 2024. № 2. С. 11-23.

192. Лукин А.В., Илькаева О.Е., Тиморшина А.М. Дальнейшее развитие ШОС: проблемы и рекомендации // Шанхайская организация сотрудничества: от становления к всестороннему развитию: материалы Третьего заседания Форума ШОС / под ред. А.В. Лукина. – М.: МГИМО-Университет, 2008. – С. 6-22.

193. Лунеев В.В. Терроризм и организованная преступность в условиях глобализации мира / В. Н. Кудрявцев, Лунеев В.В., Петрищев В. Е // Борьба с терроризмом: сб. / сост. Л. В. Брятова; науч. ред. В. Н. Кудрявцев. – М: Наука, 2004. – С.5–80.

194. Луппов И.Ф. Современный терроризм как политический феномен // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2009. № 103. С. 226.

195. Макушев Д.Н. Терроризм в условиях глобализации // Государство и право. 2011. № 3. С. 25.

196. Малашенко А.В. Между реформами и коллапсом. Мусульманский мир в ожидании перемен. // Иракский кризис и становление нового мирового порядка. – М., 2004. – С.529-532;

197. Малашенко А.В. Политический ислам: мирное сосуществование или глобальное противостояние? // Отечественные записки 2001, No1. - С. 184-192

198. Манойло А.В., Шегаев И.С. Террористический рекрутинг на постсоветском пространстве: современные тенденции и риски для России // Российский социально-гуманитарный журнал. 2018. № 2. С. 132.

199. Мирский Г.И. Дракон встает на дыбы (О международном терроризме) // Мировая экономика и международные отношения. 2002. №3 С. 40-45.

200. Моисеев А.И. Проблема определения терроризма в международном праве // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 12 (49). С. 2923.

201. Морозов Г.И. Терроризм – преступление против человечества (Международный терроризм и международные отношения). 2-е, переработанное и дополненное издание. М., ИМЭМО РАН, 2001.

202. Москаленко В.Н. Проблемы безопасности: ШОС и Пакистан // Шанхайская организация сотрудничества: к новым рубежам развития: сборник материалов круглого стола. – М.: ИДВ РАН, 2008. – С. 351-368.

203. Муртазин М.Ф. Международные террористические организации и их деятельность на постсоветском пространстве // Россия и новые государства Евразии. 2017. № 4. С. 107.

204. Нечаев Д.Н., Букреева Т.Н. Россия и Китай в противодействии терроризму: этапы и направления сотрудничества // Среднерусский вестник общественных наук. 2021. Т. 16. № 1. С. 208-225.

205. Никитин А.И. Проблемы противодействия терроризму / А. И. Никитин // Аналитические записки НКСМИ. – 2004. – № 2.

206. Никитина Ю.А. ОДКБ и ШОС как модели взаимодействия в сфере региональной безопасности // Индекс безопасности. 2011. № 2 (97). С. 50 (С. 45-53).

207. Осетров А.В. Деятельность Региональной антитеррористической структуры ШОС по противодействию терроризму в Центральной Азии (2004 – 2005 годы) // Шанхайская организация сотрудничества: к новым рубежам развития: материалы круглого стола. – М.: ИДВ РАН, 2008. – С. 246-255.

208. Паин Э.А. Исламизм: социально-политическая сущность и новые угрозы для России // Общественные науки и современность. 2016. № 5. С. 122 (С. 115-127).

209. Пащенко Л.В., Пащенко Р.В. Формирование системы противодействия терроризму на пространстве СНГ // Проблемы постсоветского пространства. 2021. № 8 (4). С. 439 (437-447).

210. Плотников А.В. К вопросу юридического определения понятия «международный терроризм» // Вестник Российского университета дружбы народов. 2009. № 3. С. 114.

211. Пономарева Е.Г. Балканский узел международного терроризма / Е.Г. Пономарева, Димитровска А. // Обозреватель. — 2018. — №5. — С. 37-51.

212. Пономарева Е.Г. Противодействие экстремизму и терроризму: опыт балканских стран / Е.Г. Пономарева, Димитровска А. // Обозреватель. — 2018. — №10. — С. 37-53.

213. Правовая система и практика Китая в сфере борьбы с терроризмом. – Пекин: Издательство литературы на иностранных языках, 2024. – 43 с.

214. Репинская О.В. Сотрудничество по противодействию терроризму в формате СНГ // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 4. С. 175 (С. 174-178).

215. Руднев В.И. Политическая, социально-экономическая несправедливость в мире и международный терроризм // Общественные науки и современность. 2010. № 3. С. 19.

216. Румянцева А.К., Рахимов К.Х. Роль ШОС в противодействии терроризму в странах Центральной Азии // Постсоветские исследования. 2022. Т. 5. № 8. С. 839 (С. 835-846).

217. Рязанов Д.С., Курбанов Р.Ш. Террористические сообщества и организации постсоветского пространства: динамика и метаморфозы, типология и структуры (по материалам электронных баз данных терроризма) // Общество: политика, экономика, право. 2016. № 11. С. 19.

218. Рязанов Д.С., Охрименко А.В. Терроризм в постсоветских государствах: общее и особенное (по материалам анализа электронных баз данных терроризма) // Теории и проблемы политических исследований. 2016. Т. 5. № 5А. С. 223.

219. Синякин И.И. Терроризм как международное преступление. Московский журнал международного права. 2009;(3):121-145.

220. Собянин А.Д. «Новая граница» для Москвы. Уйгурский сепаратизм становится общей проблемой России и Китая // Эксперт. 2000. № 31 (244). С. 36 (С. 35-37).

221. Сочжу Х. Аналитическая основа теории комплекса безопасности // Теории и проблемы политических исследований. 2021. Т. 10. № 3А. С. 86 (С. 84-91).

222. Степанова Е.А. Терроризм: проблемы определения и функционально-идеологическая типология // Мировая экономика и международные отношения. 2010. № 7. С. 23-32.

223. Сычев А.Н. Международный терроризм как крайне опасная угроза современному мироустройству: характер проблемы и пути международного противодействия // Белорусский журнал международного права и международных отношений. 2004. № 1. С. 29.

224. Фененко А.В. Сети и государства в мировой политике // Международные процессы. 2005. Т. 3. № 1. С. 113-116.

225. Феофанов К.А. Цивилизационные и социальные истоки международного терроризма // Социально-гуманитарные знания. 2004. № 5. С. 39-54.

226. Феофанов К.А., Астишина Е.А. Международное сотрудничество стран СНГ в сфере противодействия терроризму // Социально-гуманитарные знания. 2018. № 5. С. 187 (С. 187-203).

227. Фроленков В.С. Политико-экономические интересы в Центральной Азии главных мировых и региональных акторов // Шанхайская организация сотрудничества: к новым рубежам развития: материалы круглого стола. – М.: ИДВ РАН, 2008. – С. 63-90.

228. Хабибуллин Р.И. К вопросу о возможном выходе Армении из ОДКБ в контексте борьбы с терроризмом / Р.И. Хабибуллин // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. – 2025. – № 1(43). – С. 20-29

229. Хабибуллин Р.И. К вопросу о выработке универсального определения международного терроризма / Р.И. Хабибуллин // Вопросы политологии. – 2025. – Т. 15. – № 3(115). – С. 1090-1098.

230. Хабибуллин Р.И. От противодействия терроризму к многопрофильности: расширение направлений сотрудничества в ШОС / Р.И. Хабибуллин // Общественные науки и современность. – 2026. – № 2. – С. 137-144.

231. Харина О.А. Неореалистический подход к анализу конфликтных отношений в треугольнике Пакистан – Индия – Китай // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2016. № 37 (1 (222). С. 181 (С. 178-183).

232. Хенкин С.М. Националистический терроризм: ЭТА в Испании // Актуальные проблемы Европы. 2003. № 1. С. 173-195.

233. Цыганков П.А. Негосударственные участники мировой политики // Обозреватель-Observer. 2013. № 9. С. 5-17.

234. Шляпников В.В. Негосударственные акторы мировой политики и трансформация глобального управления // Психолого-педагогические проблемы безопасности человека и общества. 2017. № 2 (35). С. 5-9.

235. Aris S. The Shanghai Cooperation Organization: ‘Tackling the Three Evils’. A Regional Response to Non-Traditional Security Challenges or an Anti-Western Bloc? // Europe-Asia Studies. 2009. № 61 (3). P. 457-482.

236. Arquilla J., Ronfeldt D., Zanini M. Information-Age Terrorism // Current History. 2000. Vol. 99. № 636. P. 179-185.

237. Aydinli E. Assessing Violent Nonstate Actorness in Global Politics: A Framework for Analysis // Cambridge Review of International Affairs. 2015. № 28 (3). P. 424-444.

238. Baxter R.R. A Skeptical Look at the Concept of Terrorism // Akron Law Review. 1974. Vol. 7. № 3. P. 380-387.

239. Greitens S.C., Lee M., Yazici E. Counterterrorism and Preventive Repression: China’s Changing Strategy in Xinjiang // International Security. 2020. Vol. 44. № 3. P. 19 (P. 9-47).

240. Haqqani H. Prophecy and the Jihad in the Indian Subcontinent // Current Trends in Islamist Ideology. 2015. № 18. P. 5-17.

241. Levitt G. Is “Terrorism” Worth Defining? // Ohio Northern University Review. 1986. Vol. 13. P. 97.

242. Li E. Fighting the “Three Evils”: A Structural Analysis of Counter-Terrorism Legal Architecture in China // Emory International Law Review. 2019. Vol. 3. № 3. P. 311 (P. 311-365).

243. Ross J.I., Gurr T.R. Why Terrorism Subsides: A Comparative Study of Canada and the United States // Comparative Politics. 1989. № 21 (4). P. 405-426.

244. Simmons P.J. Learning to leave with NGOs // Foreign Policy. 1998. № 112. P. 88.

245. Wang J., Kong D. Counter-Terrorism Cooperation Between China and Central Asian States in the Shanghai Cooperation Organization // China Quarterly of International Strategic Studies. 2012. № 5 (1). P. 65-79.

Диссертации и авторефераты диссертаций:

246. Боташева А.К. Политический терроризм: детерминация и формы проявления: дис. ... канд. полит. наук. – Ставрополь, 2004. – 183 с.

247. Вишневская Н.Г. Рынок труда молодежи: механизм регулирования в современных условиях: автореф. дис. … канд. экон. наук. – Уфа, 2010. – С. 14 (24 с.)

248. Лазарев Н.Я. Терроризм как социально-политическое явление: истоки, формы и динамика развития в современных условиях: автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.01 / Лазарев Николай Яковлевич; Москва, 2007. - 26 с.

249. Пиров А.А. Транснациональный исламизм как угроза национальной безопасности Республики Таджикистан: автореф. дис. … канд. полит. наук. – Душанбе, 2006. – С. 15 (22 с.)

250. Степанова Е.А. Терроризм в асимметричном конфликте на локально-региональном и глобальном уровнях: идеологические и организационные аспекты: дис. ... док. полит. наук: 23.00.04 / Степанова Екатерина Андреевна; науч. конс. В.Г. Барановский; ИМЭМО РАН. М., 2010. 413 с.

ЭЛЕКТРОННЫЕ РЕСУРСЫ:

251. 5-е Совещание руководителей национальных антитеррористических центров государств-участников СНГ // АТЦ СНГ. 29.02.2012. URL: https://www.cisatc.org/1281/8250 (дата обращения: 14.03.2025)

252. 9-е Региональные экспертные консультации представителей органов безопасности, специальных служб и правоохранительных органов государств – участников СНГ по борьбе с терроризмом и иными

насильственными проявлениями экстремизма // АТЦ СНГ. 30.05.2019. URL: https://www.cisatc.org/1289/9115/9116/9121/8969 (дата обращения: 25.03.2025)

253. Агададашов Д. Выявлено местонахождение более 500 террористов, разыскиваемых в странах СНГ, за последние два года // Report. 05.10.2017. URL: https://report.az/ru/v-regione/antiterroristicheskij-centr-sng-vyyavil-mestonahozhdenie-bolee-500-terroristov-za-poslednie-dva-goda/ (дата обращения: 25.03.2025)

254. Александр Турчинов: «Наша задача – продвигаться на восток» // BBC. 14.04.2017. URL: https://www.bbc.com/ukrainian/features-russian-39598719 (дата обращения: 06.04.2026)

255. Асламова Д. Как в Киргизии появился «пояс шахидов» // Комсомольская правда. 22.09.2017. URL: https://www.kp.ru/daily/26734/3761509/ (дата обращения: 27.03.2025)

256. Афганистан получил статус страны-наблюдателя при ШОС // Коммерсантъ. 07.06.2012. URL: https://www.kommersant.ru/doc/1953321 (дата обращения: 26.03.2025)

257. Афганистан стал наблюдателем при ШОС, Турция – партнером по диалогу // РИА Новости. 07.06.2012. URL: https://ria.ru/20120607/667362112.html (дата обращения: 26.03.2025)

258. Белышева Е. Членство России в мировой антиотмывочной организации приостановлено: что это значит // Forbes. 07.03.2023. URL: https://www.forbes.ru/finansy/485731-clenstvo-rossii-v-mirovoj-antiotmyvocnoj-organizacii-priostanovleno-cto-eto-znacit (дата обращения: 19.05.2025)

259. Бойков С. Движение присоединения: талибы высказались за принятие Афганистана в ШОС // Известия. 13.06.2024. URL: https://iz.ru/1711182/semen-boikov/dvizhenie-prisoedineniia-taliby-vyskazalis-za-priniatie-afganistana-v-shos (дата обращения: 28.03.2025)

260. Бордюжа Н. Н. Безопасность надежно обеспечат координация и сотрудничество // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2007.

№10. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/bezopasnost-nadezhno-obespechat-koordinatsiya-i-sotrudnichestvo (дата обращения: 25.06.2025).

261. Борьба с терроризмом // СБ ООН. URL: https://www.un.org/ru/global-issues/countering-terrorism (дата обращения: 26.03.2025)

262. Брагина Е.А. Индия и Пакистан стали членами ШОС // ИМЭМО РАН. 14.06.2017. URL: https://www.imemo.ru/news/events/text/indiya-i-pakistan-stali-chlenami-shos (дата обращения: 22.08.2025)

263. Бюро по координации борьбы с организованной преступностью и иными опасными видами преступлений на территории государств – участников СНГ (БКБОП) // Интернет-портал СНГ. URL: https://e-cis.info/cooperation/2829/77467/ (дата обращения: 25.03.2025)

264. В Китае прошли учения спецслужб стран – членов ШОС «Взаимодействие – Антитеррор – 2024» // ТАСС. 23.07.2024. URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/21424743 (дата обращения: 26.03.2025)

265. В Кремле назвали очевидной причастность Киева к нападениям на россиян // Международная жизнь. 14.05.2023. URL: https://interaffairs.ru/news/show/40359 (дата обращения: 19.05.2025)

266. В рамках уголовного дела о взрыве в метро Санкт-Петербурга задержаны 8 подозреваемых // СК РФ. 06.04.2017. URL: https://sledcom.ru/news/item/1114189 (дата обращения: 19.02.2025)

267. В ШОС заявили, что ситуация в Афганистане остается важным вопросом // РИА Новости. 15.09.2022. URL: https://ria.ru/20220915/afganistan-1816879574.html (дата обращения: 26.03.2025)

268. Вишнякова В. Аргентина выбрала Дональда Трампа // Коммерсантъ. 04.03.2025. URL: https://www.kommersant.ru/doc/7551980 (дата обращения: 13.08.2025)

269. Всероссийская перепись населения 2020 года // Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020 (дата обращения: 18.02.2025)

270. Гасымов Н. Россия поддержит членство Афганистана в ШОС // Ведомости. 26.03.2024. URL: https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2024/06/05/1041563-rossiya-podderzhit-chlenstvo-afganistana-v-shos (дата обращения: 26.03.2025)

271. Генсек ШОС Чжан Мин раскрыл позицию организации по Афганистану // РАТС ШОС. 28.10.2024. URL: https://ecrats.org/ru/archive/facts_of_terrorism/13255/ (дата обращения: 26.03.2025)

272. Глобальный договор ООН по координации контртеррористической деятельности // ООН. URL: https://www.un.org/counterterrorism/ru/global-ct-compact (дата обращения: 26.03.2025)

273. Данилов Д.А. Поиск новых методов борьбы с терроризмом — вызов мировой безопасности №1 // РСМД. 2017. URL: https://russiancouncil.ru/2018/internationalsecurity.html#danilov (дата обращения: 27.03.2025)

274. Евросоюз изучает возможности сотрудничества с ШОС по широкому кругу вопросов // Новости Армения. 04.04.2007. URL: https://newsarmenia.am/news/in_the_world/world1-20070404-41668348/ (дата обращения: 25.03.2025)

275. Заявления для прессы по итогам переговоров с Премьер-министром Индии Манмоханом Сингхом // Официальный сайт Президента России. 24.12.2012. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/press_conferences/17183 (дата обращения: 19.05.2025)

276. Иванов В. Рамсфелд включил Россию в «ось зла» // Взгляд. 03.06.2006. URL: https://vz.ru/politics/2006/6/3/36080.html (дата обращения: 26.03.2025)

277. Иванов С.М. Афганистан: путь к признанию // Инфо-ШОС. 30.01.2025. URL: http://infoshos.ru/ru/?idn=40900 (дата обращения: 26.03.2025)

278. Интервью Первого заместителя Министра иностранных дел России В.И. Трубникова агентству «Интерфакс» по проблемам борьбы с терроризмом // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 23.04.2004. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1726691 (дата обращения: 26.03.2025)

279. Информация о деятельности Совета руководителей органов безопасности и специальных служб государств – участников Содружества Независимых Государств // Интернет-портал СНГ. URL: https://e-cis.info/cooperation/3134/77470/ (дата обращения: 25.03.2025)

280. История и миссия // РАТС ШОС. URL: https://ecrats.org/ru/about/history/ (дата обращения: 25.03.2025)

281. Казахстан исключил «Талибан» из списка запрещенных организаций // Бизнес Online. 29.12.2023. URL: https://m.business-gazeta.ru/news/618670 (дата обращения: 26.03.2025)

282. Коллективные силы быстрого развёртывания Центральноазиатского региона коллективной безопасности // Объединенный штаб ОДКБ. URL: https://jscsto.odkb-csto.org/voennaya-sostavlyauschaya-odkb/ksbrtsar.php (дата обращения: 06.04.2026)

283. Конвенции // ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/treaty/convention (дата обращения: 26.03.2025)

284. Куприянов А.В. БРИКС, ШОС и терроризм в Кашмире // РСМД. 28.03.2019. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/briks-shos-i-terrorizm-v-kashmire/ (дата обращения: 19.05.2025)

285. Куртов А.А. Неоднозначность активности Китая в Центральной Азии // ЦентрАзия. 06.12.2006. URL: https://centrasia.org/newsA.php?st=1165396860#gsc.tab=0 (дата обращения: 26.03.2025)

286. Лавров: статус наблюдателя ШОС позволит Афганистану совместно с РФ бороться с терроризмом и наркопроизводством // Единая Россия. 14.06.2012. URL: https://er.ru/activity/news/lavrov-status-nablyudatelya-shos-pozvolit-afganistanu-sovmestno-s-rf-borotsya-s-terrorizmom-i-narkoproizvodstvom (дата обращения: 26.03.2025)

287. Ломтев П. Вклад России и Индии в борьбу с международным терроризмом // Международная жизнь. 27.10.2016. URL: https://interaffairs.ru/news/show/16249 (дата обращения: 19.05.2025)

288. Лузянин С.Г. Пятеро против одного. Приоритеты России и Китая в рамках Шанхайской организации сотрудничества не совпадают // Независимая газета. 28.09.2004. URL: https://www.ng.ru/politics/2004-09-28/2_priorities.html (дата обращения: 26.03.2025)

289. Медведева А. 30 лет в единении постсоветского пространства. Часть 7 // Парламентская газета. 31.03.2022. URL: https://www.pnp.ru/politics/30-let-v-edinenii-postsovetskogo-prostranstva-chast-7.html (дата обращения: 19.02.2025)

290. МИД и Минюст России предложили Путину исключить «Талибан» из списка запрещенных организаций // Бизнес Online. 27.05.2024. URL: https://www.business-gazeta.ru/news/634533 (дата обращения: 26.03.2025)

291. Нацкоординатор Узбекистана: контактов с новыми властями Афганистана по линии ШОС нет // ТАСС. 14.10.2021. URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/12663645 (дата обращения: 26.03.2025)

292. Наш мандат // КТК ООН. URL: https://www.un.org/securitycouncil/ctc/ru/content/our-mandate (дата обращения: 26.03.2025)

293. Об инициативе Большого евразийского партнерства // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 03.12.2025. URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/economic_diplomacy/2062732/ (дата обращения: 09.02.2026)

294. О нас // КТУ ООН. URL: https://www.un.org/counterterrorism/ru/about (дата обращения: 26.03.2025)

295. Основные сведения // КТЦ ООН. URL: https://www.un.org/counterterrorism/ru/cct/background (дата обращения: 26.03.2025)

296. Панарин Игорь Николаевич ОДКБ и безопасность Евразии // Обзор.НЦПТИ. 2016. №7. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/odkb-i-bezopasnost-evrazii (дата обращения: 22.03.2025).

297. Путин предложил начать подготовку новой антитеррористической стратегии ОДКБ // ТАСС. 27.11.2025. URL: https://tass.ru/politika/25745241 (дата обращения: 06.04.2026)

298. Роль России в мобилизации отпора вызову международного терроризма и экстремизма, в противодействии другим новым вызовам и угрозам // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: http://www.mid.ru/rol-rossii-v-mobilizacii/ (дата обращения: 19.05.2025)

299. Ромашенко С. Правительство Израиля одобрило соглашение с ХАМАС по Газе // Deutsche Welle. 10.10.2025. URL: https://www.dw.com/ru/pravitelstvo-izraila-odobrilo-soglasenie-s-hamas-o-prekrasenii-ogna-v-sektore-gaza/a-74300749 (дата обращения: 18.01.2026)

300. Рубеж // Организация Договора о коллективной безопасности. URL: https://www.odkb-csto.org/training/rubezh/ (дата обращения: 06.04.2026)

301. РФ и Индия согласны, что укрывающие террористов страны виновны в той же мере, что и сами преступники // ТАСС. 21.10.2022. URL: https://tass.ru/politika/693535/amp (дата обращения: 19.05.2025)

302. Сизов Г.А. Китай рассказал о своём опыте противодействия экстремизму // Российский институт стратегических исследований (РИСИ). 11.09.2019. URL: https://riss.ru/analitica/kitay-rasskazal-o-svoyem-opyte-protivodeystviya-ekstremizmu (дата обращения: 06.04.2026)

303. Совет министров внутренних дел государств – участников СНГ (СМВД) // Интернет-портал СНГ. URL: https://e-cis.info/cooperation/3133/77465/ (дата обращения: 25.03.2025)

304. Совместное антитеррористическое учение компетентных органов государств – участников СНГ и государств – членов ШОС «Евразия – Антитеррор – 2023» // АТЦ СНГ. URL: https://www.cisatc.org/1289/133/161/9366 (дата обращения: 26.03.2025)

305. Совместные антитеррористические учения компетентных органов государств – участников СНГ // АТЦ СНГ. 05.09.2024. URL: https://www.cisatc.org/1289/133/161/9518 (дата обращения: 25.03.2025)

306. Совместные антитеррористические учения компетентных органов государств – членов ШОС и государств – участников СНГ «Евразия – Антитеррор – 2023» // ШОС. URL: https://rus.sectsco.org/20230921/Sovmestnye-antiterroristicheskie-ucheniya-kompetentnykh-organov-gosudarstv-chlenov-ShOS-i-958899.html (дата обращения: 26.03.2025)

307. Совместные антитеррористические учения компетентных органов государств – участников СНГ // АТЦ СНГ. URL: https://www.cisatc.org/133/161 (дата обращения: 25.03.2025)

308. Страны ШОС проведут в 2025 году антитеррористические учения // Спутник. 27.01.2025. URL: https://am.sputniknews.ru/20250127/ctrany-shos-provedut-v-2025-godu-antiterroristicheskie-ucheniya-85157812.html (дата обращения: 26.03.2025)

309. Структуры Глобального договора Организации Объединенных Наций по координации контртеррористической деятельности // ООН. URL: https://www.un.org/counterterrorism/ru/global-ct-compact/entities (дата обращения: 26.03.2025)

310. Талгат Мамырайымов: не все салафиты – экстремисты и террористы // Zakon.kz. 26.11.2013. URL: https://www.zakon.kz/obshestvo/4588465-talgat-mamyrajjymov-ne-vse-salafity.html (дата обращения: 27.03.2025)

311. Талибы выступили за членство Афганистана в ШОС, ЕАЭС и БРИКС // Известия. 26.03.2025. URL: https://iz.ru/1711702/2024-06-13/taliby-vystupili-za-chlenstvo-afganistana-v-shos-eaes-i-briks (дата обращения: 26.03.2025)

312. Талибы хотят присоединиться к БРИКС, ШОС и ЕАЭС // Бизнес Online. 14.06.2024. URL: https://m.business-gazeta.ru/news/636886 (дата обращения: 26.03.2025)

313. Тимофеев И.Н. Архитектура евразийской безопасности: генезис, принципы и возможные направления развития // РСМД. 10.12.2025. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/arkhitektura-evraziyskoy-bezopasnosti-genezis-printsipy-i-vozmozhnye-napravleniya-razvitiya// (дата обращения: 09.02.2026)

314. Фальков М. Исламское движение Узбекистана (ИДУ) // Независимая газета. 24.08.2000. URL: https://www.ng.ru/net/2000-08-24/0_idu.html (дата обращения: 27.03.2025)

315. ФСБ: Террористы из «Крокус Сити Холла» планировали перейти российско-украинскую границу и имели контакты на украинской стороне // The Insider. 23.03.2024. URL: https://theins.ru/news/270181 (дата обращения: 23.08.2025)

316. Чжоу Бо: Если ШОС хочет обеспечить безопасность на долгосрочной основе, необходимо, чтобы Афганистан стал государством-

членом Организации // ШОС. 06.05.2022. URL: https://rus.sectsco.org/20220506/835320.html (дата обращения: 26.03.2025)

317. Abdul Rahoof K.K. NIA Busts ISIS Terror Module in Hyderabad; 11 Suspects in Custody // Deccan Chronicle. 30.06.2016. URL: https://www.deccanchronicle.com/nation/current-affairs/300616/nia-nabs-11-isis-terrorists-in-hyderabad.html (дата обращения: 19.05.2025)

318. Anti-Terror Law – Israel // Israel Legal Advocacy Project. URL: https://www.lawandisrael.org/library/topical/terrorism/anti-terrorism-legislation/anti-terror-legislation-israel/ (дата обращения: 18.01.2026)

319. BenLevi R. Israel in 2026: A New Consensus on Security // The Jerusalem Strategic Tribune. 01.01.2026. URL: https://jstribune.com/israel-in-2026-a-new-consensus-on-security (дата обращения: 18.01.2026)

320. Bossow A., Zeitouni S. Israel's New Citizenship Deprivation-Deportation Pipeline // Verfassungsblog. 21.02.2023. URL: https://verfassungsblog.de/israels-new-citizenship-deprivation-deportation-pipeline/ (дата обращения: 18.02.2026)

321. Desai S. Hyderabad Men's Pledge Shows Close Knowledge of Islamic State Group // Daily News and Analysis. 26.12.2016. URL: www.dnaindia.com/india/report-hyderabad-mens-bayah-shows-close-knowledge-of-is-group-2286478 (дата обращения: 19.05.2025)

322. Full transcript: Interview with Xinjiang government chief on counterterrorism, vocational education and training in Xinjiang // Xinhua. 16.10.2018. URL: http://www.xinhuanet.com/english/2018-10/16/c_137535821.htm (дата обращения: 27.03.2025)

323. Global Terrorism Index // Vision of Humanity. URL: https://www.visionofhumanity.org/maps/global-terrorism-index/ (дата обращения: 05.04.2026)

324. Herre B., Samborska V., Ritchie H., Roser M. Terrorism // Our World in Data. URL: https://ourworldindata.org/terrorism (дата обращения: 19.02.2025)

325. Israel // Laws on Countering Terrorism Worldwide. URL: https://counterterrorlaw.info/country/israel (дата обращения: 18.01.2026)

326. Joseph J. Locating NCTC Within Intelligence Bureau or Not: The Debate Continues // Times of India. 17.07.2012. URL: https://timesofindia.indiatimes.com/india/Locating-NCTC-within-Intelligence-Bureau-or-not-The-debatecontinues/articleshow/15011283.cms (дата обращения: 19.05.2025)

327. Makkar S. NIA chase, hawala and recruits: India turns into fertile ground for ISIS // Business Standard. 27.03.2017. URL: https://www.businessstandard.com/article/current-affairs/nia-chase-hawala-and-recruits-india-turns-intofertile-ground-for-isis-117032500782_1.html (дата обращения: 19.05.2025)

328. National Bureau for Counter-Terror Financing of Israel (NBCTF) // Ministry of Defense of Israel. URL: https://mod.gov.il/en/departments/national-bureau-for-counter-terror-financing-of-israel-nbctf (дата обращения: 18.01.2026)

329. NCTC Flouts ‘Sacrosanct’ Tenet: Nitish // The Telegraph. 06.05.2012. URL: https://www.telegraphindia.com/1120506/jsp/bihar/story_15456246.jsp (дата обращения: 19.05.2025)

330. Pakistan needs to make a clean break from its past: Khawaja Asif // Geo News. 05.09.2017. URL: https://www.geo.tv/latest/156689-brics-statement-cant-be-termed-foreign-policy-failure-says-asif (дата обращения: 19.05.2025)

331. Patil S. Counter-Terrorism and Federalism // Gateway House: Indian Council on Global Relations. 14.08.2014. URL: www.gatewayhouse.in/counter-terrorism-andfederalism/ (дата обращения: 19.05.2025)

332. Scepanovic J. Can Russia Still Be a Dependable ‘Sheriff’ for Eurasia? // The Diplomat. 30.09.2022. URL: https://thediplomat.com/2022/09/can-russia-still-be-a-dependable-sheriff-for-eurasia/ (дата обращения: 06.04.2026)

333. Shanglin L. SCO to intensify fight against cross-border drug crimes // Xinhua News Agency. 22.04.2006. URL:

https://web.archive.org/web/20150515211539/http://news.xinhuanet.com/english/2006-04/22/content_4459199.htm (дата обращения: 27.12.2024)

334. United to Reform // United Nations. URL: https://reform.un.org (дата обращения: 26.03.2025)

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Конвенции ООН в сфере борьбы с терроризмом и протоколы к ним[445]

Год принятия	Документ
Конвенции	
1963	Конвенция о преступлениях и некоторых других актах, совершаемых на борту воздушных судов
1970	Конвенция о борьбе с незаконным захватом воздушных судов
1971	Конвенция о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации
1973	Конвенция о предотвращении и наказании преступлений против лиц, пользующихся международной защитой, в том числе дипломатических агентов
1979	Конвенция о физической защите ядерного материала и ядерных установок
1979	Международная конвенция о борьбе с захватом заложников
1988	Конвенция о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности морского судоходства
1991	Конвенция о маркировке пластических взрывчатых веществ в целях их обнаружения
1997	Международная конвенция о борьбе с бомбовым терроризмом
1999	Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма
2005	Международная конвенция о борьбе с актами ядерного терроризма
2008	Конвенция о взаимной правовой помощи и выдаче в целях борьбы с терроризмом
2010	Конвенция о борьбе с незаконными актами в отношении международной гражданской авиации
Протоколы	

[445] Конвенции // ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/treaty/convention (дата обращения: 26.03.2025)

1988	Протокол о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности стационарных платформ, расположенных на континентальном шельфе
1988	Протокол о борьбе с незаконными актами насилия в аэропортах, обслуживающих международную гражданскую авиацию, дополняющий Конвенцию о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданский авиации
2011	Протокол, дополняющий Факультативный протокол к Конвенции о правах ребенка, касающийся процедуры сообщений о борьбе с незаконным захватом воздушных судов

Приложение 2

Участники Глобального договора ООН по координации контртеррористической деятельности[446]

Участники:

1. Группа по наблюдению Комитета, учрежденного резолюцией 1267
2. Группа экспертов Комитета 1540
3. Организация по Договору о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний(ОДВЗЯИ)
4. Исполнительный директорат Контртеррористического комитета (ИДКТК)
5. Департамент по вопросам охраны и безопасности (ДОБ)
6. Департамент миротворческих операций (ДМО)
7. Департамент по политическим вопросам и вопросам миростроительства (ДПВМ)
8. Департамент глобальных коммуникаций (ДГК)
9. Группа по вопросам верховенства права Канцелярии Генерального секретаря Организации Объединенных Наций (ГВП КГС)
10. Международная организация гражданской авиации (ИКАО)
11. Международная организация уголовной полиции (Интерпол)
12. Международная организация труда (МОТ)
13. Международная морская организация (ИМО)
14. Управление по вопросам разоружения (УВР)
15. Управление информационно-коммуникационных технологий (УИКТ)
16. Управление по правовым вопросам (УПВ)

[446] Структуры Глобального договора Организации Объединенных Наций по координации контртеррористической деятельности // ООН. URL: https://www.un.org/counterterrorism/ru/global-ct-compact/entities (дата обращения: 26.03.2025)

17. Управление Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по правам человека (УВКПЧ)

18. Канцелярия Посланника Генерального секретаря по делам молодежи

19. Организация по запрещению химического оружия (ОЗХО)

20. Специальный советник по предупреждению геноцида

21. Специальный докладчик по вопросу о поощрении и защите прав человека и основных свобод в условиях борьбы с терроризмом

22. Специальный представитель Генерального секретаря по вопросу о сексуальном насилии в условиях конфликта

23. Специальный представитель Генерального секретаря по вопросу о насилии в отношении детей

24. Структура Организации Объединенных Наций по вопросам гендерного равенства и расширения прав и возможностей женщин (Структура «ООН-женщины»)

25. Альянс цивилизаций Организации Объединенных Наций (АЦ ООН)

26. Программа развития Организации Объединенных Наций (ПРООН)

27. Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры(ЮНЕСКО)

28. Межрегиональный научно-исследовательский институт Организации Объединенных Наций по вопросам преступности и правосудия (ЮНИКРИ)

29. Институт Организации Объединенных Наций по исследованию проблем разоружения (ЮНИДИР)

30. Контртеррористическое управление Организации Объединенных Наций (КТУ ООН)

31. Управление Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности(УНП ООН)

32. Канцелярия Специального советника по Африке (КССА)

33. Специальный представитель Генерального секретаря по вопросу о детях и вооруженных конфликтах (СПГС-ДВК)

34. Всемирная таможенная организация (ВтамО)

35. Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ)

36. Учебный и научно-исследовательский институт Организации Объединенных Наций (ЮНИТАР)

37. Колледж персонала системы Организации Объединенных Наций (КПСООН)

Наблюдатели:

38. Департамент по экономическим и социальным вопросам (ДЭСВ)

39. Международная организация по миграции (МОМ)

40. Межпарламентский союз (МПС)

41. Управление по координации гуманитарных вопросов (УКГВ)

42. Детский фонд Организации Объединенных НацийPDF (ЮНИСЕФ)

43. Управление Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев (УВКБ ООН)

Приложение 3

Определения терроризма в документах ОДКБ, СНГ, ШОС
и их государств-членов

Актор	Документы	Определение
Международные организации		
ШОС	Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом	Терроризм определяется через «три силы зла» (терроризм, сепаратизм, экстремизм). Под терроризмом понимается любое деяние, признаваемое как преступление в договорах, перечисленных в приложении к Конвенции, а также любое другое деяние, направленное на то, чтобы вызвать смерть гражданского лица или причинить ему тяжкое телесное повреждение, когда цель такого деяния в силу его характера или контекста заключается в том, чтобы запугать население или заставить органы власти или международную организацию совершить какое-либо действие или воздержаться от него.
СНГ	Договор о сотрудничестве государств-участников СНГ	Противоправное уголовно наказуемое деяние,

	в борьбе с терроризмом; Модельный закон СНГ «О противодействии терроризму»	заключающееся в совершении преступления террористического характера или угрозе его совершения в целях нарушения общественной безопасности, устрашения населения либо оказания воздействия на принятие решений органами власти.
ОДКБ	Устав ОДКБ; решения Совета коллективной безопасности ОДКБ	ОДКБ опирается на национальные законодательства сторон и международные конвенции при определении терроризма.
Государства-члены		
Азербайджан	Закон «О борьбе с терроризмом»	Совершение взрывов, поджогов или иных действий, создающих опасность для жизни людей, с целью нарушения общественной безопасности, сеяния паники среди населения или оказания давления на принятие решений органами власти.
Армения	Закон «О борьбе с терроризмом»	Деяния, направленные на создание атмосферы страха или дестабилизацию работы государственных органов, совершаемые

		путем угрозы или применения насилия.
Белоруссия	Закон №77-З «О борьбе с терроризмом»	Совершение взрывов, поджогов или иных действий, создающих опасность гибели людей, в целях оказания воздействия на принятие решений органами власти, либо дестабилизации общественного порядка.
Индия	Закон о предотвращении незаконной деятельности	Любое действие, совершенное с использованием оружия, взрывчатых или иных опасных веществ с целью угрозы единству, целостности, безопасности или суверенитету Индии либо с целью устрашения населения.
Иран	Закон о борьбе с финансированием терроризма	Акты насилия, совершаемые группой или отдельным лицом с целью запугивания населения, подрыва национальной безопасности или дестабилизации основ исламского строя.
Казахстан	Закон №416 «О противодействии терроризму»	Идеология насилия и практика совершения противоправных действий, направленных на принятие

		решений госорганами, через устрашение населения.
Китай	Закон КНР «О противодействии терроризму»	Предложения и действия, которые путем насилия, разрушения, устрашения и других средств создают общественную панику, ставят под угрозу общественную безопасность, посягают на личность и имущество или запугивают государственные органы и международные организации для достижения политических, идеологических или иных целей.
Киргизия	Закон «О противодействии терроризму»	Совокупность идеологии насилия и практики совершения действий по устрашению населения для воздействия на органы власти или международные организации.
Молдавия	Закон №120 «О предупреждении и борьбе с терроризмом»	Совокупность действий, направленных на серьезное запугивание населения, незаконное принуждение государственного органа или международной организации, либо дестабилизацию

		фундаментальных структур страны.
Пакистан	Антитеррористический акт	Использование или угроза применения действий, направленных на создание страха, неуверенности и паники в обществе.
Россия	ФЗ №35 «О противодействии терроризму»	Идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами публичной власти федеральных территорий, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий.
Таджикистан	Закон «О противодействии терроризму»	Насилие или угроза его применения в отношении физических лиц, уничтожение имущества, направленные на устрашение населения и принуждение органов власти к выполнению требований террористов.
Узбекистан	Закон №167-II «О борьбе с терроризмом»	Деятельность, направленная на принуждение государства, международной

		организации или их должностных лиц совершить или воздержаться от какого-либо действия, под угрозой насилия или его применения.

Приложение 4

Список антитеррористических учений СНГ[447]

5 сентября 2024

ВОСТОК-АНТИТЕРРОР – 2024

Ташкент – Узбекистан

21 сентября 2023

ЕВРАЗИЯ-АНТИТЕРРОР – 2023

Бишкек – Кыргызстан

5 сентября 2022

СОДРУЖЕСТВО-АНТИТЕРРОР – 2022

Российская Федерация

2 сентября 2021

КАСПИЙ-АНТИТЕРРОР – 2021

Актау – Казахстан

АРАРАТ-АНТИТЕРРОР – 2019

Ереван – Армения

26 сентября 2018

ИССЫК-КУЛЬ-АНТИТЕРРОР – 2018

Чолпон-Ата – Кыргызстан

ДУШАНБЕ-АНТИТЕРРОР – 2017

Душанбе – Таджикистан

КИБЕР-АНТИТЕРРОР – 2016

Новолукомль – Беларусь

ЖЕТЫСУ-АНТИТЕРРОР – 2014

Алматы – Казахстан

АЛА-ТОО-АНТИТЕРРОР – 2013

Бишкек – Кыргызстан

ДОН-АНТИТЕРРОР – 2012

Ростов-на-Дону – Россия

ДОНБАСС-АНТИТЕРРОР – 2011

Донецк – Украина

БАСТИОН-АНТИТЕРРОР – 2008

Минск – Беларусь

БАЙКОНУР-АНТИТЕРРОР – 2007

Байконур – Казахстан

АТОМ-АНТИТЕРРОР – 2006

Мецамор – Армения

КАСПИЙ-АНТИТЕРРОР – 2005

Актау – Казахстан

ЗАПАД-АНТИТЕРРОР – 2004

Кишинев – Молдова

АЗОВ-АНТИТЕРРОР – 2003

Порт Крым

ЮГ-АНТИТЕРРОР – 2002

Куляб – Таджикистан

ЮГ-АНТИТЕРРОР – 2001

Ош – Кыргызстан

[447] Совместные антитеррористические учения компетентных органов государств – участников СНГ // АТЦ СНГ. URL: https://www.cisatc.org/133/161 (дата обращения: 25.03.2025)

Приложение 5

Государства и международные организации, признающие ХАМАС террористической организацией[448]

1. Channel Islands [Jersey and Guernsey]
2. United Kingdom
3. United States
4. Canada
5. Israel
6. Australia
7. Japan
8. New Zealand
9. European Union (as a collective entity)

Государства и международные организации, признающие «Хезболлу» террористической организацией[449]

[448] 9 out of 195 countries have designated Hamas as a terrorist organisation // Comsure. 09.10.2024. URL: https://www.comsuregroup.com/news/9-out-of-195-countries-have-designated-hamas-as-a-terrorist-organisation/ (дата обращения: 17.09.2025)

[449] El Zein H. Identifying and understanding the media discourse of Hezbollah // Jurnal Komunikasi: Malaysian Journal of Communication. 2024. № 30 (2). P. 128 (P. 117-140).

Country	Organisation	Comment
Australia	Hezbollah's External Security Organisation (ESO)	Known as well by Al-Jihad Al-Islami; Islamic Jihad Organisation; Revolutionary Justice Organisation…
Bahrain	Whole Hezbollah	Since April 2013
Canada	Whole Hezbollah	
European Union	Hezbollah's Military Wing	Since July 2013
New Zealand	Hezbollah's Military Wing	
Netherland	Whole Hezbollah	It is the only European country classified Hezbollah as a terrorist organisation
United Kingdom	Hezbollah's Military Wing	It took this standpoint before EU's decision.
United States of America	Whole Hezbollah	